

АЛЕКСАНДР
НИКИФОРОВ

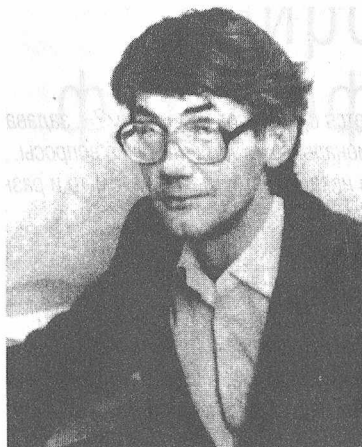
природа
философии

Основы

философии

ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ ПО ЭТУ СТОРОНУ АТЛАНТИКИ

ИДЕЯ ПРЕСС

(1940-????)

ИДЕЯ ПРЕСС

Что же это такое — философия? Продукт шизофренического воображения или в самом деле что-то важное, быть может, даже необходимое, как всему обществу, так и отдельному человеку?

С точки зрения современной физиологии, искусство и философия апеллируют к разным полушариям головного мозга...

Философия начинается с вопросов «почему?», задаваемых по любому поводу, и поиска рациональных ответов на такие вопросы. Для нее нет ограничений в вопрошании, как нет и никаких авторитетов. В том-то и разница между философией и религией.

Если попытаться развить взгляд на философию как на мировоззрение, то мы быстро обнаружим, что мировоззрение и наука — совершенно разные вещи; поэтому признавать философию наукой и одновременно считать ее формой мировоззрения значит впадать в противоречие.

ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ ПО ЭТУ СТОРОНУ АТЛАНТИКИ

АЛЕКСАНДР
НИКИФОРОВ

природа
философии

Основы

философии

ИДЕЯ ПРЕСС

Москва 2001

ББК 87
Н 62

Н 62

НИКИФОРОВ А. Л. ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. — 168 с.

ISBN 5-7333-0020-5

- © Никифоров А. Л., 2001
- © Художественное оформление С. Жегло, 2001
- © Идея-Пресс, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ	7
ВВЕДЕНИЕ: ВОПРОС	11
ГЛАВА 1. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ	
1.1. ФИЛОСОФИЯ НЕ ИСКУССТВО	14
1.2. ФИЛОСОФИЯ НЕ РЕЛИГИЯ	15
1.3. ФИЛОСОФИЯ НЕ НАУКА	17
ГЛАВА 2. ФИЛОСОФИЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
2.1. ОБЫДЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	27
2.2. ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ	34
2.3. МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ПОНИМАНИЕ МИРА	36
ГЛАВА 3. ФИЛОСОФИЯ И ИСТИНА	
3.1. ОСНОВАНИЯ ИСТИННОСТНОЙ ОЦЕНКИ	43
3.2. ПО ТУ СТОРОНУ ИСТИНЫ И ЛЖИ	46
3.3. ЗНАНИЕ ИЛИ МНЕНИЕ?	52
ГЛАВА 4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
4.1. ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ РАБОТА	57
4.2. ВЫБОР ПРОБЛЕМЫ ИЛИ ТЕМЫ	60
4.3. ПОИСК РЕШЕНИЯ	64
4.4. РАЗРАБОТКА РЕШЕНИЯ	68
4.5. ИЛЛЮСТРАЦИЯ	71
4.6. ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ . .	74
4.7. О ПРОГРЕССЕ В ФИЛОСОФИИ	78

ГЛАВА 5. «ОСНОВНОЙ ВОПРОС» ФИЛОСОФИИ

- 5.1. ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 82
5.2. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА 89

ГЛАВА 6. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

- 6.1. ЕДИНСТВО ФИЛОСОФИИ 96
6.2. КЛАССИФИКАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ 100
6.3. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ 105
6.4. КЛАССИФИКАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ
И НАПРАВЛЕНИЙ 108
6.5. О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФИИ 109

ГЛАВА 7. ФИЛОСОФИЯ — ТЕОРИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

- 7.1. ДВА СПОСОБА СУЩЕСТВОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ 114
7.2. ОБЛАСТИ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 120

ГЛАВА 8. ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ 123

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТВЕТ 128

ПРИЛОЖЕНИЕ. ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

1. МИР 132
2. ОБЩЕСТВО 142
3. ПОЗНАНИЕ 151
4. ЧЕЛОВЕК 159
5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 167

ОБ АВТОРЕ

Родился в 28 апреля 1940 г.

После окончания средней школы с 1957 по 1959 гг. работал слесарем на заводе; в 1959—1962 гг. служил в армии. В 1962—1967 гг. учился на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, специализировался на кафедре логики и одновременно работал истопником в больнице. Особенно запомнились лекции В. Ф. Асмуса и лекции по истории логики Попова П. С., друга М. Булгакова.

Кандидатская диссертация «Понятие истины и закона в методологии науки» — 1970 г., Институт философии Российской Академии наук (ИФ РАН); докторская диссертация «Основные тенденции развития современной буржуазной философии науки» — 1983 г., ИФ РАН.

С 1967 г. по настоящее время работает в Институте философии Российской Академии наук; с 1986 г. — ведущий научный сотрудник ИФ АН. Одновременно преподавал на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и мн. др. учебных заведениях.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. О формальных признаках утверждений, выражающих законы природы // *Вопросы философии*, 1968, № 11;
2. О философском значении семантического понятия истины // *Вопросы философии*, 1969, № 2;
3. Определения диспозиционных предикатов // *Логика и эмпирическое познание*. М., 1972.
4. Об истолковании контрфактических предложений // *Логика и методология науки*. Логика. М., 1973.
5. Один из способов построения дерева доказательства в пропозициональной логике // *Теория логического вывода*. М., 1973.
6. Проблема универсалий в современной логике // *Проблемы логики и методологии науки*. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1974.

7. Методы эмпирического познания (на исп. яз.) // *Методология современного научного познания*. Гаванна, 1975.

8. Модификация табличных построений для классической и интуиционистской пропозициональной логики // *Методы логического анализа*. М., 1977.

9. Философская ситуация в ФРГ сегодня: некоторые аспекты (совм. с А. Гулыгой) // *Вопросы философии*. М., 1978, № 6.

10. Логико-семантический анализ различия между эмпирическим и теоретическим знанием (на польск. яз.) // *Человек и мировоззрение*. Варшава, 1979, № 4.

11. Современный подход к проблеме диспозиционных предикатов // *Логические проблемы современной науки*. М.: ИНИОН, 1980.

12. Логика и методология научного познания (совм. С. Ю. А. Петровым). М.: МГУ, 1982.

13. Семантическая концепция понимания; Понимание человеческой деятельности // *Объяснение и понимание в научном познании*. М.: ИФАН, 1983. Переизд. в кн.: *Загадка человеческого понимания*. М.: Политиздат, 1991.

14. От формальной логики к истории науки. М.: Наука, 1983.

15. Техническое знание и прогресс науки (совм. с В. В. Чешевым); Научный факт и научная теория // *Творческая природа научного познания*. М.: Наука, 1984.

16. Основа рациональности научных методов // *Методы научного познания и физика*. М.: Наука, 1985.

17. Основы научной рациональности // *Dijalektika*. Broj 3—4, Beograd, 1986.

18. Виды научного объяснения (совм. с Е. И. Тарусиной); Научная рациональность и цель науки // *Логика научного познания*. М.: Наука, 1987.

19. Процесс философского исследования // *О специфике методов философского исследования*. М.: ИФАН, 1987.

20. Является ли философия наукой? // *Философские науки*, 1989, № 6.

21. Понятие истины в методологии научного познания // *Диалектика. Познание. Наука*. М.: Наука, 1989.

22. К вопросу об "основном вопросе философии" // *Взаимосвязь фундаментальных и прикладных методов исследования*. М.: Наука, 1989.

23. Переживет ли марксизм перестройку? // *Общественные науки*, 1990, № 3. Перевод на нем. яз.: *Wird der Marxismus die Perestrojka uberleben? / Abschied vom Marxismus*. Rowolt Tashenbuch. Reinbek bei Hamburg, 1992.

24. Философия как личный опыт // *Заблуждающийся разум?* М.: Политиздат, 1990.
25. Философия в годы застоя // *Вестник АН СССР*, 1990, № 1.
26. Деятельность, поведение, творчество; Общее и индивидуальное в деятельности; Деятельность и свободы // *Деятельность: теории, методология, проблемы*. М.: Политиздат, 1990.
27. Краткий словарь по логике (совм. с Д. П. Горским и А. А. Ивиным). М.: Просвещение, 1991.
28. Rationality and Freedom (Рациональность и свобода) // *The Opened Curtain* (Открытый занавес) / K. Lehrer, E. Sosa (eds). San-Francisco: Westview Press. Oxford, 1991.
29. О чем в действительности идет спор? // *Философские науки*, 1991, № 1.
30. О понятии социального прогресса // *Научно-технический прогресс: мифы и реальность*. М.: ИФАН, 1992.
31. Логика. Учеб.-методич. пособие. М.: АЭП, 1993.
32. Философия: мир предельных значений; Наука: общезначимое знание о мире // *Морфология культуры. Структура и динамика*. М.: Наука, 1994.
33. Революция в теории познания? // *Общественные науки и современность*, 1995, № 4.
34. Между Востоком и Западом: будущее обновленной России (совм. с Ю. М. Бородаем) // *Российский монитор*, вып. 5, 1995. Перевод на англ. яз.: *Between East and West: Russian Renewal and the Future // Studies in East European Thought*, 1995, v. 47.
35. Книга по логике. М., Гнозис, 1995. Переизд. 1996, 1998.
36. Введение в логику: учеб. пос. для учителя и родителя (совм. с М. И. Пановым). М.: Скорина, 1995.
37. Беседы на посторонние темы. М.: АЭП, 1997.
38. Философия науки: История и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
39. Словарь по логике (совм. с А. А. Ивиным). М.: Владос, 1998.

ПЕРЕВОДЫ

1. Хессе М. Структура научного вывода // *Научные теории: структура и развитие*. М.: ИНИОН, 1978.
2. Структура и развитие науки (ст-и Лакатоша И., Куна Т., Вартофского М., Хессе М. и др.). М., 1978.

3. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархической теории познания // *Зарубежные исследования по теории познания*. М., 1978.
4. Логика научного исследования (совм.). М.: ИНИОН, 1979.
5. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.
6. Семантика модальных и интенциональных логик (совм.). М.: Прогресс, 1981.
7. Поппер К. Логика и рост научного знания (совм.). М.: Прогресс, 1983.
8. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки (совм.). М.: Прогресс, 1986.
9. Философия. Логика. Язык (ст-и Д. Дэвидсона, Дж. Серла и др.). М.: Прогресс, 1987.
10. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии (совм.). М.: Прогресс, 1990.
11. Аналитическая философия: Становление и развитие (ст-и Б. Рассела, А. Тарского, Д. Дэвидсона, У. Куайна). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
12. Рассел Б. Исследование значения и истины (совм. с Е. Е. Ледниковым). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
13. Боррадори Дж. Американский философ (совм. с Л. Б. Маковой, О. А. Назаровой). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
14. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

ВВЕДЕНИЕ: ВОПРОС

В последние годы я редко соглашаюсь читать лекции по философии и делаю это с большой неохотой. Причина проста: я не знаю, что читать. Когда-то я читал диалектический материализм и знал, что могу спрашивать со своих студентов. Ну да, сейчас у меня есть возможность прочитать курс лекций по русской философии или по философии Канта, по философии позитивизма или прагматизма, по философии науки или, наконец, этике. Но, по-видимому, я должен читать курс лекций не по какому-то одному разделу философии или философскому направлению, а по философии вообще, просто по философии! Но что это такое — философия вообще? Или такой вопрос лишен смысла?

В замечательной пьесе сербского писателя Бранислава Нушича «Доктор философии» главный герой пан Живота высказывает следующее замечание: «Философия? Это когда ты не понимаешь, что я говорю, а я не понимаю, что ты говоришь!» Его слова кажутся смешными именно потому, что в них содержится изрядная доля правды. Но в данном случае важнее то, что пан Живота выразил довольно-таки распространенное представление о философии. Философия — это что-то заумное, очень далекое от повседневной жизни, представляющееся нормальному, здоровому человеку каким-то пустопорожним умствованием, как вычисление того, сколько ангелов поместится на острие иголки. Когда мой будущий тесть узнал, что его дочь выходит замуж за студента-философа, он выразил свое отношение кратко, но энергично: «Проходимец! Работать не хочет, языком болтать будет!»

Такова точка зрения людей рукодельных. Все, что создаст человек, служит каким-то целям, удовлетворяет какие-то потребности. Наука увеличивает наши знания, техника облегчает жизнь, искусство создает прекрасное — но зачем

нужна философия? Философы вечно спорят по поводу каких-то маловразумительных проблем и порой договариваются до совершенно абсурдных вещей. Ну, например, древнегреческий философ Парменид вопреки всякой очевидности учил, что мир неподвижен, никакого движения в нем нет и что видимое перемещение отдельных вещей лишь иллюзия. Помните, у Пушкина:

«Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый»?

Философы Средневековья почти триста лет спорили о том, существует ли наряду с конкретными людьми — Петром, Павлом или Бонифацием — еще и человек вообще, просто человек (когда сегодня я слышу разговоры о правах человека или об общечеловеческих ценностях, мне вспоминаются эти давние споры). А знаменитый немецкий философ Иммануил Кант создал изощренную систему для доказательства того, что мы ничего не знаем и в принципе ничего не можем узнать об окружающем нас мире.

Такие философемы, вырванные из их духовного контекста, и порождают у широкой публики мнение о том, что философия — это далекая от жизни «игра в бисер» или своего рода психическая болезнь, отдающая человека во власть фантомов его извращенного сознания.

Вместе с тем мы смутно подозреваем, что философская «болтовня» вовсе не безобидна, что она содержит в себе нечто важное, способное оказать влияние на нашу повседневную жизнь. Недаром ведь на философов так часто ополчались представители правящих элит! Скажем, древние афиняне настолько перепугались «развратных» речей своего знаменитого мудреца Сократа, что заставили его выпить чашу с ядом. Католическая церковь сожгла Джордано Бруно за его рассуждения о множественности обитаемых миров. В XVIII в. яд и костер уже вышли из моды и французским просветителям удалось-таки совершить тот переворот в умах, который вскоре привел к Великой французской революции. Конечно, наиболее яркий пример влияния философии на общественную жизнь — это развитие России в XX в., которое

в немалой степени определялось одной из философских концепций. Поэтому В. И. Ленин, будучи и сам не чужд философии, в 1922 г. собрал всех русских философов и выслал их за границу. От греха подальше!

Так что же это такое — философия? Продукт шизофренического воображения или в самом деле что-то важное, быть может, даже необходимое как всему обществу, так и отдельному человеку?

Когда-то, две с половиной тысячи лет назад, на базарной площади Афин вокруг Сократа собирались юноши, с которыми он целыми днями готов был разговаривать о богах и добродетели, о власти и свободе, о добре и зле — до тех пор, пока ни приходила за ним его жена Ксантиппа и ни загоняла его домой. Традиция сохранилась, хотя исчезли базарные площади и появились книги. Обратитесь к философу, и он охотно побеседует с вами обо всем, что кажется вам интересным или важным.

Попробуем поговорить о том, что такое философия. Быть может, нам удастся хотя бы отчасти прояснить для себя ответ на этот вопрос.

Глава 1. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

Вы, конечно, не читали моей популярной книжки по логике ¹, хотя, на мой взгляд, прежде чем приступать к знакомству с философией, полезно иметь некоторое представление о формах мышления и способах рассуждения. Ответ на вопрос «Что такое философия?» должно дать определение: «Философия — это пустая болтовня, участники которой не понимают друг друга», — сказал бы пан Живота, если бы умел придать своей мысли форму определения. — Это так называемое «положительное» определение, в котором выражается некоторая важная или характерная особенность, присущая определяемому предмету. Но когда мы о предмете еще ничего не знаем и стремимся хотя бы как-то отличить его от других предметов, то прибегаем к помощи «отрицательных» определений типа: комета — это не звезда, не планета, не астероид... Такие определения дают очень небольшую информацию о предмете, но часто приходится начинать именно с них: познание всякого нового объекта начинается с его отличия от всех других объектов. Попробуем и мы сначала понять, чем философия не является.

1.1. Философия не искусство

Довольно легко увидеть, что философию нельзя отнести к области искусства.

Важнейшим средством, орудием искусства является художественный образ. Все, что пытается передать людям поэт, живописец, скульптор, он выражает и передает посредством наглядно-чувственного образа. Вспомните белые глаза Иоанна Грозного на известной картине Репина, грозную мощь Моисея Микеланджело или один из образов С. Есенина:

¹ Никифоров А. Книга по логике. М., 1995.

«Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком!»

Философия же пользуется почти исключительно рассуждением, чувственный образ служит лишь для прояснения или иллюстрации мысли философа. Уберите из романа художественные образы — в нем почти ничего не останется; уберите художественные образы из философского сочинения — оно почти ничего не потеряет в своем содержании.

Художник стремится создать картину реальности или своего внутреннего мира во всей ее конкретно-чувственной полноте, запечатлеть сиюминутное, мимолетное переживание, «остановить мгновенье». Философ же почти никогда не интересуется конкретным и преходящим, его внимание, как правило, направлено на общее и вечное. Хотя искусство порой способно глубоко проникать в суть вещей и событий, главный его предмет — их внешний облик. Для философа же внешний вид окружающего мира часто не более чем иллюзия, не заслуживающая пристального внимания, он стремится проникнуть в сущность вещей. Короче говоря, в то время как искусство в основном обращается к чувству, философия — только к разуму. (С точки зрения современной физиологии, они апеллируют к разным полушариям головного мозга.) Когда художник хочет выразить свои представления о прекрасном, он создает Венеру или Анну Каренину; философ в этом случае пишет трактат.

1.2. Философия не религия

Может быть, философия — это секуляризованная форма религии? Безусловно, между философией и религией имеется определенное сходство. Существует даже так называемая «религиозная» философия, которая прямо опирается на догматы того или иного вероучения. Тем не менее у религии не было более ядовитого врага, чем философия. История показывает, что религиозная вера совместима с чем-угодно, даже с наукой — стоит только разграничить их сферы. Но философия — не отдельная философская система или направле-

ние, а философия как целое — не может ужиться с религией. Да, философ может быть верующим человеком, но, как только он входит в церковь, он перестает быть философом.

И не так уж трудно понять — почему. Всякая религия опирается на некоторый безусловный авторитет и на веру. Скажем, у мусульман имеется Коран и пророк Мухаммед, у христиан — Библия и Иисус Христос. Священные книги не допускают ни малейшего сомнения, их безусловная истинность принимается на веру. Скажем, Коран предписывает ежедневную пятикратную молитву. Нельзя спрашивать, почему молиться нужно именно 5 раз в день, и предлагать молиться 3 или 10 раз. Но философия как раз и начинается с вопросов «почему?», задаваемых по любому поводу, и поиска рациональных ответов на такие вопросы. Для нее нет ограничений в вопрошании, как нет и никаких авторитетов. Философ все готов подвергнуть сомнению — даже само существование мира, в котором мы живем, и собственного тела! И философия стремится ничего не принимать на веру, она всегда требует доказательств и обоснований. В том-то и разница между философией и религией, что религия уже знает, а философия все еще сомневается, религия уже учит добру, а философия спрашивает: что есть добро? Эта характернейшая особенность философии выражается уже в самом слове «философия»: оно составлено из двух греческих слов: «phileo» — люблю и «sophia» — мудрость и наиболее адекватно переводится русским словом «любомудрие». Пифагор, один из первых античных философов, обращаясь к своим ученикам, говорил: не называйте меня мудрецом, зовите меня любителем мудрости, т.е. философом. Мудростью владеют только бессмертные боги, а человек способен лишь с любовью приближаться к ней.

Всеобъемлющий критицизм и стремление к рациональному обоснованию — вот основное отличие философии от религии. Надеюсь, это не будет истолковано как критика религии, тем более что в наше время такая критика считается дурным тоном. Я вполне готов согласиться с тем, что религия нужна людям, ибо часто облегчает им жизнь и воспитывает душу. Единственное, что я хочу сказать, так это то, что философия — не религия.

1.3. Философия не наука

Чаще всего философию относят к науке. В нашей стране представление о том, что философия — это особая наука, в массовом сознании укоренилось благодаря длительному и монопольному господству марксизма — одной из философских систем, претендовавшей на статус науки о наиболее общих законах бытия². Причем эти законы мыслились как во всем подобные законам конкретных наук, только сферой их действия считался весь универсум, поэтому их объявляли всеобщими законами: «Предметом философии является всеобщее в системе «мир — человек»³. Поскольку никаких других философских систем публика не знала и под «философией» привыкла понимать именно марксизм, постольку научный статус философии стал чем-то вроде общего предрассудка. Кстати сказать, один из немногих философских журналов в нашей стране носит название «Философские науки». И все это, конечно, не объясняется только влиянием определенной философской школы.

Понимание философии как науки выражает очень старую и до недавнего времени господствующую традицию. Даже наши смутные знания истории человеческого познания подсказывают нам, что когда-то зачатки многих наук входили в философию и лишь постепенно «отпочковывались» от нее в качестве самостоятельных научных дисциплин. А если в лоне философии способны вызревать науки, то естественно и ее самую считать наукой, тем более что философии принадлежит немало открытий относительно мира и человека. Даже школьник сегодня знает, что атомистическое строение вещества открыл философ Демокрит, а знаменитую теорему геометрии доказал философ Пифагор, чье имя она с тех пор и носит. Родоначальники западноевропейской философии Платон и Аристотель считали ее наукой, более того, самой главной наукой — наукой о наиболее общих и фундаментальных принципах бытия. Это понимание удержалось вплоть до XIX в. Например, И. Кант писал:

² Диалектический материализм есть «наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления». — Философский энциклопедический словарь, М., 1983, с.159.

³ Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм. М., 1987, с.12.

«Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу — а именно, подобающим образом занять указанное человеку место в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком»⁴.

Лишь в середине XIX в. позитивизм несколько поколебал это представление. Тем не менее мы его вновь обнаруживаем и в XX в.:

«... философия есть всеобщая наука, имеющая своей целью соединить в единую беспротиворечивую систему познания, добытые специальными науками, и свести всеобщие употребляемые наукою методы и предпосылки познания к их принципам»⁵.

Правда, авторы весьма основательного учебника по философии, вышедшего сравнительно недавно, уже не просто провозглашают, что философия есть наука, но и уже испытывают потребность обосновать это еще недавно казавшееся незыблемым положение⁶.

Если некоторое убеждение держится так долго, в нем, по видимому, есть какая-то глубокая правда. Действительно, во времена античности нарождающееся научное знание противопоставило себя мифу именно в образе философии. И тогда философия действительно была наукой, более того, синтезом всех научных знаний. Однако с тех пор много воды утекло. Научное знание в форме конкретных наук о природе и о духе прочно стало на ноги, и, как мне представляется, в течение последнего столетия квалификация философии как науки — это просто дань великой, но уже давно умершей традиции. Философия давно перестала быть наукой и осталась просто философией, хотя и сохранила некоторые наукообразные черты, отмеченные П.В.Алексеевым и А.В.Паниным. Я попробую высказать некоторые соображения в пользу этого тезиса.

Существует особая сфера исследования, направленная на изучение науки — ее структуры, методов, способов развития и т.п. Ее называют «философией науки». Эта область достаточно сложна, чтобы что-то говорить о ней здесь. Нам

⁴ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964, т. 2, с. 206.

⁵ Вундт В. Введение в философию. М., 1998; первое изд. 1901 г.

⁶ См.: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 1996.

в данной связи интересно лишь то, что философия науки пыталась найти критерии научности — какие-то черты науки, присущие лишь ей и отсутствующие у всех других форм духовной деятельности. Посмотрим, удовлетворяет ли философия этим критериям.

а) Подтверждаемость фактами. Наука стремится подтвердить свои гипотезы, законы, теории с помощью фактов или эмпирических данных. Например, когда ученый утверждает, что все вороны черные, то он постарается найти какого-нибудь ворона и указать: «Видите, вон сидит ворон, и обратите внимание — черный, следовательно, мое утверждение подтверждено». Многие философы науки и сами ученые считают, что все утверждения науки в той или иной степени подтверждены или могут быть подтверждены фактами, наблюдениями, экспериментами.

Значение подтверждения для науки определяется тем, что в нем видят один из критериев истинности научных теорий и законов. Для того чтобы установить, соответствует ли теория реальности, т.е. верна ли она, мы обращаемся к экспериментам и фактам, и если они подтверждают нашу теорию, то это дает нам некоторое основание считать ее истинной. Например, обнаружение химических элементов, существование которых было предсказано Д.И.Менделеевым на основе построенной им периодической системы элементов, было подтверждением этой системы и укрепляло уверенность в том, что в ней нашла выражение реальная связь между атомными весами элементов и их химическими свойствами.

С логической точки зрения процедура подтверждения проста. Из утверждения или системы утверждений **A** мы дедуцируем некоторое эмпирическое предложение **B**. Затем с помощью наблюдения или эксперимента проверяем предложение **B**. Если оно оказывается истинным, то это и рассматривается как подтверждение **A**. Допустим, мы утверждаем: «Ночью все кошки серы». Отсюда можно заключить, что и живущая у нас кошка ночью должна показаться серой. Проверять это предположение, мы убеждаемся в том, что действительно ночью нашу кошку рассмотреть затруднительно. Это и будет подтверждением нашего общего суждения о кошках. Конечно, здесь дело представлено предельно упрощенно, в реальной науке цепь рассуждений, ведущая от предположения к фак-

там, будет несравненно более длинной и сложной. Однако суть подтверждения здесь выражена достаточно ясно.

Философия, на мой взгляд, равнодушна к подтверждениям. Правда, философ не упустит случая указать на то, что его точка зрения находится в согласии с научными представлениями или с фактами общественной жизни, и склонен рассматривать это как подтверждение своих философских воззрений. Но, во-первых, это вовсе не то эмпирическое подтверждение, к которому стремится наука. Здесь нет ни логического вывода (научных данных или жизненных явлений из философских положений), ни обращения к эмпирическим методам. Речь идет просто о совместимости философской системы с данными науки, но совместимость отнюдь нельзя рассматривать как подтверждение, указывающее на возможную истинность системы. В одно и то же время, скажем, я могу пить чай и читать газету, т.е. эти действия совместимы. Но из того, что я сейчас читаю газету, странно было бы заключать, что я сейчас непременно должен пить чай. Итак, наука стремится подтверждать свои положения фактами, философия же в этом не нуждается.

б) Проверимость и опровержимость. Утверждения науки эмпирически проверяемы и в принципе могут быть опровергнуты опытом ⁷. Пусть проверка носит опосредованный характер, пусть опровержения признаются не сразу, однако опыт, факты, экспериментальные данные все-таки ограничивают фантазии ученых-теоретиков, а порой даже опровергают их построения. Например, в 1904 г. в одном и том же номере журнала были опубликованы статьи известных физиков Дж.Дж.Томсона и Нагаоки о строении атома. Томсон представил атом в виде положительно заряженного ядра, вокруг которого вращаются по концентрическим кольцевым орбитам электроны. Нагаока полагал, что атом по-

⁷ «Согласно этому критерию (критерию фальсифицируемости — А.Н.), высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, или более точно — если их можно систематически проверять, то есть подвергнуть... проверкам, результатом которых может быть их опровержение». — *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 238.

хож на планету Сатурн — тяжелое ядро, окруженное кольцом электронов. Очень быстро обе эти модели были отвергнуты вследствие расхождения их с экспериментальными данными, в частности с результатами опытов Э.Резерфорда. Эмпирическая проверяемость — один из важнейших и почти общепризнанных критериев научности.

На мой взгляд, утверждения философии эмпирически непроверяемы и непроверяемы. Ну как, в самом деле, проверить и опровергнуть утверждение о том, что природа человека неизменна, что в основе развития мира лежит саморазвитие абсолютного духа, что субстанция представляет собой единство Природы и Бога и т.п.? Когда прекрасный французский философ Пьер Тейяр де Шарден утверждает, что каждая частичка вещества наделена некоторым подобием психического, разве смущает его какой-нибудь вполне безжизненный камень, лежащий на дороге? Нет, конечно! Он скажет, что психическая жизнь этого камня слишком слаба для того, чтобы мы могли обнаружить ее нашими приборами. Факты, с которыми имеет дело наука, всегда, уже со времен античности, были безразличны для философии, ибо с самого начала своего возникновения она пыталась говорить о тех вещах, которые находятся за пределами повседневного опыта и научного исследования — о сущности мира, о добре и зле, о совести и свободе и т.п. И в этом отношении философия похожа на религиозные системы, которые также не боятся опровержений.

в) Парадигмальный критерий. В каждой науке существует одна (иногда несколько) фундаментальная теория — парадигма, которой в определенный период придерживается большинство ученых. При всех оговорках, связанных с неопределенностью понятия парадигмы, нельзя отрицать того факта, что в каждой науке имеются достижения, признаваемые подавляющим большинством ученых⁸. По-видимому, пока такой фонд общепризнанных достижений и методов исследования в некоторой области не сложился, рано еще гово-

⁸ «Под парадигмами, — пишет Кун, — я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу». — Кун Т. Структура научных революций. М., 1975, с.11.

речь о науке. Имеется множество мнений, хаотичная совокупность фактов и методов, и каждый исследователь должен начинать с самого начала. Так было в оптике до того, как Ньютон сформулировал первую парадигму в области учения о свете; так было в исследованиях электричества до работ Б.Франклина; в учении о наследственности до признания законов Г.Менделя и т.п. Появилась первая общепризнанная теория — возникла наука.

А вот в философии никогда не было единства мнений практически ни по одному вопросу и тем более никогда не существовало философской концепции, которую признало бы большинство философов. В философии постоянно соперничают и спорят несколько направлений и школ. Фактически каждый более или менее самостоятельный мыслитель создает свою собственную философскую систему. Каждый философ знает, как трудно среди коллег — профессионалов встретить хотя бы одного человека, который согласился бы с твоим решением той проблемы, которой он сам интересуется. Да что там говорить о согласии, когда чаще всего философы не способны добиться простого взаимопонимания! И пан Живота совершенно верно схватил эту особенность философии. Мне кажется, тем, кто хочет видеть в философии науку, стоило бы обратить внимание на принципиальную плюралистичность философии и попытаться объяснить этот феномен.

г) **Методы.** Наука широко пользуется наблюдением, измерением, экспериментом. Она часто прибегает к индукции и опирается на индуктивные обобщения. Наука стремится вводить количественные понятия, чтобы получить возможность использовать математику. Для получения нового знания наука выдвигает гипотезы. Особенности исследуемой области явлений неизбежно детерминируют специфику методов ее исследования. Исследование оптических явлений требует одних методов, тепловых явлений — иных, химических реакций — третьих и т.д. Поэтому каждая наука к общенаучным методам познания обязательно добавляет свои специфические методы. Всего этого в философии нет или почти нет: философ не проводит наблюдений, не ставит экспериментов, не собирает фактов — он сидит в библиотеке и читает книги. В философии практически нет гипотез, поэтому если метод науки — гипотетико-дедуктивный, то фило-

софия скорее пользуется аксиоматическим методом. Причем основоположения, постулаты философских систем, как и аксиомы математических теорий, не предполагают эмпирического обоснования. Область же философского исследования настолько широка и неопределенна, что философия и не может ограничить себя никаким специальным методом.

д) **Проблемы.** В науке всегда существует круг открытых и общезначимых проблем. Всем биологам интересно знать, как устроена хромосома или есть ли жизнь на Марсе, любого физика заинтересует сообщение о новой элементарной частице и т.д. Ученые ищут решений своих проблем, и если ответ найден, то вряд ли кому-нибудь придет в голову еще и еще раз решать закрытую проблему. Вопрос выражает отсутствие информации, и, как только информация получена, вопрос снимается или становится риторическим.

В философии же дело обстоит совершенно иначе. Кажется даже, что в ней нет общезначимых проблем. Проблемы, интересные для одного философа или философского направления, могут показаться тривиальными или даже бессмысленными с точки зрения другого философа, иного философского направления. Ну, например, вопрос о том, как отделить царство духа от царства кесаря, обсуждению которого русский философ Н.Бердяев посвятил целую книгу, для позитивиста вообще не является вопросом. Проблема соотношения абсолютной и относительной истины, которой в марксистской философской литературе уделялось большое внимание, для сторонника прагматизма лишена не только какого либо интереса, но и смысла. В начале 30-х гг. логические позитивисты провели бурную дискуссию о природе протокольных предложений. Эта дискуссия оставила совершенно равнодушными французских и немецких экзистенциалистов. И так далее.

Удивительно, но в философии почти не встречается нерешенных проблем⁹. На любой вопрос всегда имеется ответ, и даже не один, а несколько. Спросите о чем-нибудь философа, например: «Подчиняется ли развитие человеческого

⁹ «... Специфика проблем философии состоит ... в том, что значительная их часть является постоянно воспроизводимой на новой основе и в этом смысле «вечной». — *Алексеев П. В., Панин А. В. Диалектический материализм, с.17.*

общества каким-нибудь законам?» — и в ответ вы услышите приблизительно следующее: «Гегель на этот счет говорит то-то, Шпенглер утверждает иное, Поппер высказывает свою точку зрения... Легко показать, что все они ошибаются. Хочешь, я изложу тебе мою, правильную, точку зрения на этот вопрос?» И тем не менее философы продолжают искать все новые ответы на давно сформулированные и решенные проблемы.

е) **Язык.** Каждая конкретная наука вырабатывает специфический язык, стремится сделать свои понятия все более точными. Этот язык является общепринятым, он служит для коммуникации между учеными данной области и для выражения научных результатов. И важным элементом подготовки будущего ученого является как раз овладение этим специальным языком. Понятия конкретной научной дисциплины в систематическом и точном виде представлены в учебнике, аккумулирующем в себе все достижения этой дисциплины. Поэтому, осваивая учебник, будущий специалист усваивает точку зрения на мир своей науки, ее результаты и методы их получения.

Очень трудно говорить о каком-то специальном философском языке. Известно, что писатели, художники, общественные деятели на обычном, повседневном языке выражали интересные и глубокие философские идеи и даже целостные мировоззренческие концепции. Вспомните «Божественную комедию» Данте, «Фауста» Гете, «Преступление и наказание» Достоевского! В них философских идей побольше, чем в иных философских сочинениях.

Но все-таки не будем преувеличивать. Философия имеет свой язык — в том смысле, что за тысячелетия ее существования сложился какой-то (довольно неопределенный) круг понятий, традиционно используемых в философских рассуждениях. Это так называемые философские категории. По их употреблению посвященные узнают друг друга. Здесь дело обстоит примерно так же, как с литературоведением: конечно, можно дать оригинальную и даже интересную оценку литературному произведению, не обращаясь к специальному жаргону, и мы делаем это постоянно. Но литературовед выскажет ту же оценку лучше и точнее, используя специальные понятия. Особенность философии не в том, что у нее нет

своего языка, а в том, что язык ее гораздо более расплывчат и неопределен, чем языки конкретных наук. А это объясняется как раз тем, что в философии нет единой общепризнанной парадигмы и каждый философ вкладывает в философские понятия собственное содержание. Если сравнить употребление таких понятий, как, например, «субстанция», «опыт», «справедливость», «добро», разными философами, то мы обнаружим весьма далеко расходящиеся вариации.

Насколько сильно язык философии отличается от языков конкретных наук, особенно легко заметить, если сравнить философский словарь со словарем, скажем, физики. В физическом словаре каждому термину дано четкое определение, указаны законы, в которые он входит, способы измерения и единицы соответствующей величины. Лишь в редких случаях упоминается имя ученого, впервые употребившего данный термин. Совершенно иной характер носит философский словарь. Девяносто процентов его содержания составляют исторические справки, повествующие о том, кто и в каком смысле употреблял обсуждаемый термин. Иначе говоря, в философском словаре, как правило, представлена история понятий и принципов, в то время как словарь конкретной науки дает их теорию.

Пожалуй, пока достаточно. Надеюсь, мне удалось привести заслуживающие внимания аргументы в пользу того взгляда, что философия вовсе не является наукой. Ниже я еще не раз буду возвращаться к этому вопросу. Конечно, в наш сциентистский век всеобщего преклонения перед наукой приведенные выше рассуждения могут вызвать недоумение: как же так, философ и вдруг доказывает, что философия лежит вне науки — вне той сферы, представители которой пользуются уважением и получают финансовую поддержку с разных сторон? Кажется, разумный человек должен был бы поступать прямо противоположным образом. Когда я написал свою первую статью на эту тему¹⁰, многие коллеги говорили мне с некоторым возмущением: «Что ты делаешь? Ты же рубишь сук, на котором все мы сидим!» В то время, правда, я думал не о природе философии, а о том, как бы, не нарываясь на большие неприятности, подвести мину под ого-

¹⁰ Никифоров А. Л. Является ли философия наукой? // *Философские науки*, 1989, № 6.

сударственный марксизм, объявивший себя высшей научной истиной. Сейчас этот мотив отпал, но суть дела не изменилась, и я с удовольствием присоединяюсь к словам обаятельнейшего испанского философа Ортеги-и-Гассета по этому поводу:

«Сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение ученых, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам — по крайней мере мне — нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто гораздо большее» ¹¹.

Мне тоже это нравится, хотя в отличие от Ортеги я не усматриваю никакого оскорбления в констатации того факта, что философия не наука.

Но если философия — это не искусство, не религия, не наука, то что это?

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991, с.70.

Глава 2. ФИЛОСОФИЯ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Философия есть разновидность мировоззрения. В этом утверждении нет ничего нового. Практически все наши философы согласны с тем, что философия есть рациональное систематическое мировоззрение. Мне кажется, однако, что мало кто берет на себя труд осознать все следствия этого утверждения. Если попытаться развить взгляд на философию как на мировоззрение, то мы быстро обнаружим, что мировоззрение и наука — совершенно разные вещи, поэтому признавать философию наукой и одновременно считать ее формой мировоззрения значит впадать в противоречие. Я думаю, мировоззренческий характер философии отчетливо проявился лишь в XX в., когда широкое распространение получили экзистенциализм, персонализм, философия жизни и т.п. Сейчас мы только еще начинаем осознавать это. Поэтому в большинстве книг по философии совмещаются и традиционная трактовка ее как науки, и более адекватное ее понимание как мировоззрения. Я попытаюсь ниже охарактеризовать философию именно как род мировоззрения.

2.1. Обыденное мировоззрение

Мировоззрение — вещь чрезвычайно сложная, и в первом приближении его можно определить как совокупность взглядов (воззрений) на мир, общество, на человека, на его место в мире и в обществе. В этом смысле говорят о «научном» или «религиозном» мировоззрении — взглядах на мир с точки зрения науки или религии. Но любопытно и удивительно то, что и каждый человек имеет свое собственное мировоззрение, т.е. у каждого из нас имеется какое-то общее представление о мире, обществе и о себе. Даже если человек никогда не задумывался над своим мировоззрением и чаще всего не способен выразить его внятно, мировоззрение у него есть, и оно проявляется в его наиболее важных

решениях, делах и поступках. Скажем, известная когда-то кинозвезда Брижит Бардо публично отказалась носить изделия из натурального меха и призвала всех женщин последовать ее примеру. Она считает безнравственным истребление животных и стремится противодействовать этому. Это убеждение есть часть ее мировоззрения. Сейчас некоторые политики в нашей стране настойчиво проповедуют, что не нужно нам изобретать велосипед и следует просто заимствовать те формы хозяйствования, жизни, культуры и государственного устройства, которые за века исторического развития выработали страны Западной Европы и США. Эти политики захватили власть и появились у нас «президенты», «мэры», «префекты» и т.п., короче, смесь «французского с нижегородским». Убеждение, что Западная Европа обогнала Россию в отношении социально-экономического и культурного развития, — это часть мировоззрения таких политиков. Все мы недавно были возмущены бомбардировками Сербии самолетами НАТО. В этом возмущении проявились особенности нашего русского мировоззрения.

Однако не следует, по-видимому, каждое убеждение человека считать частью его мировоззрения. В противном случае мы отождествим мировоззрение со всем содержанием сознания индивида. Конечно, мировоззрение проявляется во всем содержании сознания, но именно проявляется, а не растворяется в сознании. Мировоззрение включает в себя лишь наиболее фундаментальные, глубинные, сокровенные убеждения человека, так сказать, центральное ядро его личности. Сюда входит самое общее представление о мире и определенная картина мира; представление о себе, о своем месте в этом мире; представление о добре и зле, о должном, о наиболее важных жизненных целях и ценностях. Жизнь отдельного человека направляется — в основном и главным — именно этими фундаментальными представлениями и убеждениями, однако далеко не все его поступки определяются этим ядром. Сознание человека не похоже на формальную аксиоматическую систему, в которой даже самая отдаленная теорема представляет собой логическое следствие исходных аксиом. Многие из того, что мы говорим или делаем в этой жизни, не вытекают из наших глубинных — мировоззренческих — убеждений, порой расходятся с ними и даже

противоречит им. Что делать! Человек не машина с вложенной программой и многое делает под влиянием мгновенного чувства, мелкого интереса, увлечения всеобщей модой или под воздействием пропаганды. Поэтому так часто мучают нас угрызения совести: мы осознаем, что поступили не в соответствии с нашими глубинными убеждениями, и осознание этого причиняет нам душевную боль.

Итак, мировоззрение включает в себя наиболее глубокие и общие воззрения человека на мир и на себя в этом мире.

Однако это еще не все, и далеко не все. Мировоззрение — это не просто некоторая картина мира, общества, в которую в качестве одной из деталей включен сам субъект. Мировоззрение включает в себя также определенное отношение субъекта к миру и обществу, их оценку: мир может представляться мне открытым, светлым, дружелюбным или, напротив, мрачным, пугающим, агрессивным. Природа может представляться мне родным домом, в котором каждая букашка родственна мне, а может рассматриваться как сырой материал для моего творческого самовыражения. «Природа не храм, а мастерская», — говорит у И. С. Тургенева Базаров. В 60-е гг. широкой популярностью пользовались фантастические произведения польского писателя Ст. Лема и русских писателей братьев Стругацких. Любопытно, что их герои, живущие в далеком будущем, с удовольствием предаются охоте: им интересно слетать на какую-то далекую планету, убить уникальное — уже не просто на Земле, а во Вселенной — животное, с тем чтобы украсить чучелом его головы свой кабинет! Здесь выразилось мировоззрение авторов, характерное, впрочем, для того времени: все в мире предназначено для человека, все должно служить его интересам и прихотям.

Меня либо устраивает мое общественное положение, и я стремлюсь его сохранить, либо оно меня не устраивает, и я хотел бы изменить его. Мне кажется, я могу добиться всего, если сильно захочу, или я осознаю, что, несмотря на все свои усилия, обречен влачить жалкое существование. Все эти отношения и оценки включаются в мировоззренческую картину мира и придают ей индивидуальную эмоциональную и смысловую окраску. Это приблизительно похоже на то, как если бы два художника писали портрет одной и той

же женщины, но один из них влюблен в свою модель, а другому она неприятна. Их отношение неизбежно проявится в их творчестве, и они напишут очень разные портреты. Так же (и даже больше) различаются и мировоззрения разных людей. Таким образом,

«мировоззрение — это совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека и вместе с тем жизненные позиции, программы поведения, действий людей» ¹².

Исходя из этого, более или менее общепризнанного понимания мировоззрения, сразу же можно увидеть его главную особенность: оно всегда **чье-то** мировоззрение — индивида, социальной группы, эпохи, представленной конкретными лицами. Нет безличного, анонимного мировоззрения, в центре всякого мировоззрения стоит определенный субъект. Ну, конечно! Если мы включаем в мировоззрение не только знания, но и ценности, идеалы, чувства, цели, то все это имеет смысл только для конкретного человека. Знания безличны — они принадлежат всем и одинаковы для всех. Но идеалы, цели и ценности у всех разные. Поэтому и мировоззрения разные. Со времен Ньютона образ Солнечной системы тысячекратно использовался для наглядного представления разнообразных идей. И в данном случае он может быть полезен. Центром всякого мировоззрения, его Солнцем является конкретная человеческая личность, притяжение которой удерживает тяжелые планеты знаний, астероиды ценностей и целей, кометы идеалов. Все они образуют систему лишь благодаря светоносному центру, излучение которого всему придает неповторимое своеобразие. Выдерните из этой системы центр — индивида, — планеты и кометы унесутся в космический холод безличных абстракций.

У каждого из нас есть какое-то мировоззрение — без этого, по-видимому, просто нет человека. Его называют «стихийным» или «обыденным» — потому, что оно формируется само по себе у каждого человека в процессе его жизнедеятельности. Это — ядро нашего здравого смысла. Своими корнями оно отчасти уходит в генетическую наследственность: унаследовали вы от родителей силу и здоровье — это

¹² Введение в философию. М., 1989, сс. 24—25.

скажется на вашем восприятии окружающей жизни; страдаете вы с рождения болезнями и хилостью — ваше мировоззрение будет окрашено в иные, более пессимистические тона. Общение с родителями, сверстниками, школьные знания, непосредственный контакт с окружающей средой — все это формирует наши глубинные убеждения, ценности, жизненные установки, и к началу юности вы уже обретаєте вполне определенное мировоззрение. Важнейшую роль при этом играет усвоение родного языка. Американский философ Пол Фейерабенд (немец по происхождению и образованию), опираясь на идеи лингвистов Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, сравнил здравый смысл, сплавленный с языком, с научной теорией. Действительно, структура нашего языка и значения его слов задают определенную структуру мира. Например, в нашем языке есть категории подлежащего, сказуемого, прилагательного и т.п. Поэтому мы и мир представляем себе как состоящий из твердых предметов, их свойств и состояний. Картина мира, создаваемая повседневным языком, входит в обыденное мировоззрение человека, усвоившего язык. Слушая сказки в детстве, невольно запоминая пословицы и поговорки, мы почти бессознательно усваиваем традиции мышления, ценности, мироощущение своего народа. «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «Единожды солгавши — кто тебе поверит?», «Не хлебом единым жив человек» и т.п. — идеи, выраженные в такого рода расхожих выражениях и крылатых словечках, незаметно входят в мировоззрение человека и образуют его важную, хотя и не всегда осознаваемую, часть.

Различия в естественных языках и в повседневной практике людей приводят к образованию разных миров здравого смысла.

«Языки различаются не только тем, — писал Б. Уорф, — как они строят предложения, но и тем, как они делят окружающий мир на элементы, которые являются материалом для построения предложений... Английские обозначения *sky* «небо», *hill* «холм», *swamp* «болото» и им подобные убеждают нас в возможности рассматривать отдельные стороны бесконечного разнообразия природы как *отдельные* предметы почти так же, как *table* «стол» и *chair* «стул». Таким образом, английский и ему подобные языки дают возможность воспринимать мир как

собрание отдельных предметов, соответствующих отдельным словам. В самом деле, восприятие вселенной как собрания отдельных предметов различных размеров — это наиболее полная характеристика классической физики и астрономии»¹³.

Но ведущая роль в формировании обыденного мировоззрения принадлежит, бесспорно, трудовой деятельности. Те стороны и свойства вещей и явлений реальности, которые открываются нам в повседневной жизнедеятельности, которые важны с точки зрения наших потребностей, именно они в первую очередь выделяются человеком и образуют основное содержание его представлений об окружающем мире.

Однако всякому стихийному обыденному мировоззрению присущи значительные недостатки. Оно никогда полностью не формулируется в явных утверждениях и в значительной мере существует в виде полусознанных, неясных, смутных идей, образов, чувств. Я не могу ясно сказать, почему гадок мне сытый владелец каменного особняка или «мерседеса». Это чувство порождается во мне глубинным убеждением, что честным трудом в наше время много не заработаешь, но я далеко не всегда могу его сформулировать. Обыденное мировоззрение всегда носит достаточно узкий — местный, племенной, сословный — характер. И самое, может быть, важное: обыденное мировоззрение никогда не представляет собой систему, т.е. его отдельные принципы часто несовместимы друг с другом, и следствия этих принципов редко доводятся до повседневных дел и поступков. Например, человек может быть искренне убежден в том, что воровать нехорошо, но радостно бежит покупать акции какой-нибудь сомнительной компании или пылко мечтает об укреплении и процветании родного государства, но ведет двойную бухгалтерию, чтобы не платить налогов. От этих недостатков в значительной мере избавлено мифологическое и религиозное мировоззрение.

Мифология и религия дают целостное и последовательное представление о мире и о месте человека в мире. Миф говорит о происхождении мира и его устройстве, о возникновении человека и человеческого общества, объясняет раз-

¹³ Уорф Б.Л. Лингвистика и логика // *Новое в лингвистике*. Вып.1, М.,1960, с.192.

нообразные взаимосвязи вещей и явлений, формулирует принципы «правильной» жизни. Вот, например, как древний пеласгический миф повествует о происхождении мира:

«Вначале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, и за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях — и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется Бореом, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца. Таким же способом и Эвринома зачала дитя.

Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. По ее просьбе Офион обернулся семь раз вокруг этого яйца и высиживал его до тех пор, пока оно не расколосось надвое. И появилось из него все то, что только существует на свете: солнце, луна, планеты, звезды, земля и ее горы, реки, деревья, травы и живые существа»¹⁴.

Прочитав этот отрывок, мы легко поймем важнейшую особенность мифа (и религии) — его антропоморфный характер:

«Социоантропоморфическое мировоззрение... это такое мировоззрение, в котором мироздание духовно осваивается людьми на эмоционально-образно-представленческом уровне путем перенесения на природу явных и неявных качеств и форм человека и его общественной жизни»¹⁵.

Миф и религия сплетаются с обыденным мировоззрением и придают ему стройность и цельность. Но эта стройность опирается не на логические, а на ассоциативно-образные связи. Возникновение философии как особого вида мировоззрения связано с переходом от чувственных образов к понятиям и от ассоциативных связей — к логическим.

¹⁴ Грейвс Р. Мифы древней Греции, М., 1992, с. 15.

¹⁵ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии, М., 1981, с. 6.

2.2. Философское мировоззрение

Приблизительно в одно время, в VII—VI вв. до н.э., в Индии, Китае, Греции возникает и начинает быстро развиваться новый — философский — тип мировоззрения. В чем его отличие от мифологического мировоззрения? Для меня здесь важно подчеркнуть три пункта. Во-первых, это отказ от антропоморфизма: философское мировоззрение уже не пытается переносить свойства человека и человеческих взаимоотношений на мир. Во-вторых, философское мировоззрение постепенно заменяет чувственные образы, на которых покоится миф, абстрактными понятиями. Наконец, в-третьих, ассоциативные связи образов мифа философское мировоззрение заменяет логическими связями понятий. Конечно, это происходит постепенно. Первые философские построения еще наполнены элементами мифологии. У Фалеса мир еще полон богов. Гераклит говорит о Солнце как о живом существе, за которым присматривает богиня справедливости Дике и ее слуги Эринии. У Эмпедокла все процессы в мире обусловлены борьбой любви и ненависти. Однако постепенно все эти мифологические и антропоморфные элементы исчезают. Вода Фалеса, воздух Анаксимена, огонь Гераклита и земля Ксенофана заменяются у Парменида абстрактным понятием бытия. Если до Парменида философы лишь провозглашали свои тезисы, то Парменид впервые прибегает к логическому доказательству, которое у его ученика Зенона приобретает уже отчетливую форму доказательства от противного, опирающегося на закон исключенного третьего.

Так формировалось философское мировоззрение, включавшее в себя и первые научные знания — математические, астрономические, медицинские. Оно было столь же целостным, как миф, но в отличие от мифа было абстрактным и рациональным.

С возникновением философского мировоззрения у нас появляются три типа мировоззрения: обыденное, мифологическое и философское, которые взаимно влияют друг на друга. Если обыденное мировоззрение ранее целиком находилось под влиянием мифа, то теперь оно начинает испытывать воздействие философских учений. Философия способ-

ствует разложению мифа и переходу от мифа к монотеистической религии. Ксенофан почти за пятьсот лет до возникновения христианства подверг философской критике politeизм древних мифов и пришел к идее единого бога. И до сего времени религиозное и философское мировоззрение соперничают за влияние на обыденное мировоззрение. Однако и философия испытывает постоянное воздействие со стороны обыденного мировоззрения. Последнее вырастает из реальной повседневной жизни, поэтому оно более чувствительно к изменениям этой жизни — к изменению образа жизни, деятельности, окружающей среды и т.п. Эти изменения лишают интереса одни проблемы и выдвигают на первый план другие. И эта смена общественных интересов, будучи осознана на уровне обыденного мировоззрения, передается в философию и приводит к построению все новых философских систем.

Так, у ионийцев, находившихся почти еще целиком под влиянием господствующей мифологии, центральной проблемой становится проблема первоначала всего сущего. Крушение республики и укрепление императорской власти в Риме, связанное с уничтожением республиканских свобод и прав граждан, выразилось в распространении стоицизма и скептицизма в римской философии; средневековые философы спорят о природе Бога, о теодицее и т.п.; успехи науки переключают внимание философов на вопросы познания, и т.д. Философия дает ответы на те вопросы, которые ставит перед ней обыденное мировоззрение. И эти ответы принимают форму философских систем.

Таким образом, на мировоззрение современного человека оказывают влияние и религия, и мифология (которая вовсе не умерла с рождением философии), и философские системы. Элементы этих мировоззренческих систем, соединяясь в обыденном сознании, порождают порой удивительные комбинации. Вот пример:

«Эгрегор — это сокровенный, четко очерченный круг космически близких существ. Дело в том, что каждая человеческая монада перед воплощением получает определенное задание, и вот потом — сознательно или бессознательно (но большей частью бессознательно) — мы как представители той или иной монады стремимся выполнить предначертанную задачу.

Души, имеющие похожие задания и потому как бы неким магнитом притягиваемые друг к другу, образуют эгрегоры. Эгрегоры считаются космическими, потому что все земные центры возникают под импульсом из Космоса, и Космос время от времени направляет на Землю своих посланников для организации руководства и помощи людям, воплощенным в данную эпоху, в данной манвантаре.

Следует отметить, что каждая манвантара представляет собой до известной степени замкнутую духовную культуру со своей спецификой и особенностями. Поэтому в разных манвантарах действуют разные космические эгрегоры, и число их для каждой манвантары неодинаково. В нашей, например, на Землю ниспускают духовные лучи три космических центра. И ввысь (так, во всяком случае, представляется ясновидящему взору)... ведут или двенадцать золотых ступеней первого эгрегора, или восемнадцать серебряных ступеней второго, или двадцать две алмазные ступени третьего»¹⁶.

Ну что тут скажешь? Такая каша царит, к сожалению, в головах многих наших современников, а это значит, у философов еще много работы.

2.3. *Мировоззрение как понимание мира*

Всякое мировоззрение, в том числе и философское, выражает наиболее общие представления человека о мире, его ценности и идеалы. Но в своей прагматической функции оно дает определенное **понимание** мира. Чтобы не ограничиваться общими словами насчет «миропонимания», я кратко воспроизведу здесь основные положения той «семантической концепции понимания», которую набросал еще в начале 80-х гг. в связи с совсем другими задачами, но которая счастливым образом оказывается полезной здесь¹⁷.

Понимание я представляю как истолкование, как **интерпретацию** понимаемого материала. Обычно считают, что в процессе понимания мы **открываем** смысл, заложенный в тексте или в произведении искусства. Я же полагаю, что здесь речь должна идти скорее о придании, **приписывании** смысла.

¹⁶ Сидоров В. Знаки Христа. М., 1992, сс. 117—118.

¹⁷ См.: Никифоров А.Л. Философия науки: Востория и методология. М., 1998, ч. 2, гл. 5.

Текст — это просто пятна типографской краски, живописное полотно — не более чем хаос цветных мазков кисти. Только понимающий субъект вкладывает мысль в типографские значки, только он способен увидеть образ в пятнах краски на полотне художника. В процессе понимания происходит истолкование, осмысление, т.е. наделение смыслом, текстов, произведений искусства, окружающих вещей и явлений.

Откуда же индивид черпает те смыслы, которые он приписывает вещам в процессе понимания? Из своего внутреннего мира — мира индивидуального сознания. Этот мир формируется в процессе усвоения языка и культуры общества и включает в себя чувственные и абстрактные образы, связи между ними, знания, верования индивида, его нравственные представления. В этот мир наряду с образами реальных и чувственно воспринимаемых вещей входят представления о невоспринимаемых и абстрактных объектах. Они соседствуют с образами, созданными воображением художников и поэтов, причем зачастую более яркими и полнокровными, чем образы реальных людей и предметов. В нем звучит вся музыка, слышанная и любимая нами. И все образы этого мира теснятся вокруг единого центра, дающего им жизнь, — индивидуального я, которое связано с каждым элементом определенным оценочным отношением. Одни образы дороги, приятны нам, другие — отвратительны, третьи — оставляют равнодушными. Направленный луч внимания высвечивает отдельные фрагменты этого мира, оставляя в тени все остальное. Этот мир индивидуального сознания я называю «индивидуальным смысловым контекстом».

Этот индивидуальный контекст представляет собой систему взаимосвязанных смысловых единиц, содержание которых определено знанием, опытом индивида и их местом в контексте, т.е. их связями с другими единицами и отношением к индивидуальному я. Более точное и конкретное представление об индивидуальном смысловом контексте может дать то, что применительно к истолкованию языка Р.И. Павленис называет «индивидуальной концептуальной системой»:

«Под концептуальной системой, — пишет он, ... мы понимаем систему концептов, представляющих собой — в содержа-

тельном смысле — информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид — носитель такой системы о действительном или возможном положении вещей в мире (то, что он думает, знает, предполагает, воображает и т.д. об объектах мира в возможно более широком понимании термина «объект»)» 18.

Встречаясь с языковыми выражениями, текстами, предметами культуры, явлениями природы, индивид как бы включает их в свой внутренний контекст, ассоциируя с ними те или иные смысловые единицы, и таким образом придает им интерпретацию, наделяет их смыслом. Если попытаться выразить это в самом общем виде, то можно сказать, что, вступая в контакт с внешним миром, индивид налагает на него мир своего сознания, и в результате этого наложения предметы и явления внешнего мира наполняются смыслом.

Мировоззрение человека — это и есть центральная, наиболее фундаментальная часть его индивидуального смыслового контекста. Самые общие представления человека о мире, его глубинные отношения к своему окружению и оценки, его представления о добром и прекрасном образуют ядро того субъективного концептуального мира, который он совмещает со своим окружением. Миф, религия, философия лишь уточняют, систематизируют, выражают в целостном и явном виде, изобретают, наконец, те глубинные основы, на которые опираются индивидуальные контексты людей. И каждая философская система — это особый концептуальный контекст, особый взгляд на мир, его особое понимание. Налагая его на свое физическое и социальное окружение, философ наделяет особым, специфическим смыслом все предметы и явления окружающей его жизни.

Вспомним, к примеру, как мы еще недавно представляли различия между взглядами на мир диалектики и метафизики (в смысле антидиалектики). Метафизик налагает на мир онтологическую картину, построенную по законам формальной логики. Он видит в мире устойчивые, твердые предметы, остающиеся тождественными самим себе, не способные обладать взаимоисключающими свойствами. В его мире все четко фиксировано, предметы резко отделены друг от друга, изменения носят лишь количественный характер. Мир метафизика — это картина, видимая в сильный бинокль: ясно

¹⁸ Павиленис Р. И. Проблема смысла, сс. 239—240.

различимы даже жилочки на листьях деревьев, муравей, ползущий по дорожке, волна, застывшая на водной глади. Мир диалектика совсем не таков! Диалектик не видит устойчивых, твердых предметов — он видит только процессы: все течет, и вещи текут, и никакой самотождественности нет. Эти процессы-вещи внутренне противоречивы: они живые и одновременно мертвые, большие и маленькие, белые и небелые. Все связано со всем, нет никаких жестких границ, более того, вещи способны превращаться одна в другую: зерно превращается в стебель, стебель — в колос и т.п. Нельзя даже сказать, что предмет находится в данном месте пространства, ибо все движется, а движущиеся тела находятся и одновременно не находятся в том или ином месте. Как будто смотришь на мир сквозь мутное стекло или через поток горячего воздуха, поднимающегося от костра: все дрожит и расплывается перед глазами. (Прошу прощения у гегелианцев за возможное искажение их взгляда на мир, но, увы, как и многие другие, я никогда не понимал диалектики.)

В самой потаенной глубине философской системы лежат наиболее личные, наиболее интимные убеждения, желания и оценки философа. Опираясь на это не всегда выраженное ядро, он истолковывает те или иные философские понятия, составляющие тело его философии, решает онтологические и гносеологические проблемы. Логика, как известно, расщепляет значение терминов на две составляющие — смысл и значение, концепт и денотат и т.п. Смысл в самом общем виде представляет собой мысленное содержание, связываемое с некоторым термином; значением — следуя Г.Фреге, Б.Расселу, А.Черчу — называют те объекты, которые обозначаются этим термином. Значение детерминируется смыслом: именно мысленное содержание, придаваемое нами некоторому термину, задает, к каким объектам мы его относим. Нечто подобное можно сказать и о философской системе: именно то мысленное содержание, которое вкладывает философ в наиболее фундаментальные понятия своей системы — добра, свободы или жизни, — и определяют смысл других понятий и принципов его системы и ту картину мира, которую он в конечном итоге создает. Налагая эту картину на внешнюю реальность, он расчленяет последнюю на определенные сущности, выделяет те или иные связи и отноше-

ния и, таким образом, наполняет реальность смыслом — понимает ее.

Иллюстрацией может служить анализ глубинных основ философии Спинозы, предпринятый М. Вартофским¹⁹. Одним из наиболее интимных убеждений Спинозы, полагает Вартофский, было убеждение в том, что без свободы нет счастья и что свобода, прежде всего и главным образом, есть свобода познания, которая представляет собой высшую активность человеческого существа. Отсюда выросла главная проблема Спинозы: показать, как возможно познание. Для решения этой проблемы ему нужно было сконструировать объект познания, который удовлетворял бы предполагаемым свойствам интеллекта. И он постулирует свою субстанцию как единство Бога и Природы.

«Обычно полагают, — пишет Вартофский, — что метод детерминируется природой изучаемого объекта. Поэтому вопрос о методе должен был бы звучать так: если природа субстанции (Бога или Природы) дана, то как можно познать ее? Однако я считаю, что подход Спинозы был иным. Он исходит из природы интеллекта, а не из природы субстанции. Как я показал, это объясняется тем, что у Спинозы построение природы субстанции само вытекает из размышлений о том, каким должен быть адекватный объект познания для интеллекта, определенного как совершенный, бесконечный и т.п. Короче говоря, методология Спинозы не опирается на предшествующую ей онтологию, напротив, онтология создается на базе методологии, а методология, в свою очередь, строится как определение того способа, которым в силу своей природы действует интеллект. Метод определяет естественную активность мышления, а поскольку мышление является способом его выражения, постольку метод определяет саму сущность интеллекта и благодаря этому — умопостигаемость Бога или Природы. В таком случае метод связан с мотивом как раз благодаря тому, что метод оказывается простым зеркальным отражением той активности, которая, согласно определению, способна дать удовлетворение интеллекту»²⁰.

Изложение же Спинозы, его систематическое построение носит противоположный характер: он начинается с изложе-

¹⁹ См.: Вартофский М. Природа, число и единичные вещи: мотив и метод философии Спинозы // *Структура и развитие науки*. М., 1978.

²⁰ Там же.

ния своей онтологии — с учения о Боге и Природе, затем переходит к анализу познания и заканчивает учением о свободе, создавая, таким образом, у читателя впечатление, что его понимание свободы человека вытекает из онтологии и гносеологии. Фактически же дело обстоит прямо противоположным образом.

«Главную задачу своей философии, — отмечает В. В. Соколов, — великий голландский мыслитель видел прежде всего в обосновании этических вопросов, в выработке теории индивидуального поведения. Крушение феодального мира сопровождалось разложением феодально-теологической морали, которую сменяла мораль буржуазная. Спиноза был одним из виднейших теоретиков, поставивших своей задачей дать обоснование складывавшейся морали буржуазного общества. Этическая направленность философских интересов Спинозы подчеркнута самим мыслителем как в названии, так и в структуре его главного труда — «Этике»²¹.

Эта задача была обусловлена особенностями той эпохи, в которую жил и творил мыслитель, — эпохи разложения средневековых учреждений, морали и мировоззрения и зарождения и развития новых общественных отношений. И, безусловно, самое большое влияние на формирование философских воззрений Спинозы оказали драматические условия его собственной жизни: разрыв с еврейской общиной и новый дух индивидуальной свободы, мощно проявлявший себя в Голландии того времени.

Таким образом, философская система представляет собой некоторый индивидуальный смысловой контекст, в глубинном центре которого лежат сокровенные личные убеждения и представления философа. Именно эти личные убеждения и вкусы пронизывают все мировоззрение философа, включаются в качестве субъективных оценок и характеристик во все понятия и принципы его системы, влияют на ту онтологию, которую он создает, и в конечном итоге придают философской системе тот личный, неповторимый оттенок, который отличает ее от всякой другой системы. Налагая этот контекст на свое окружение, философ создает мир своей индивидуальной жизни — тот мир, в котором он живет и дей-

²¹ Спиноза Б. Избранные произведения в 2 тт. М., 1957, т. 1. Вступительная статья, сс. 14—15.

ствует. Вещи и события этого мира ему понятны — они наполнены определенным смыслом, поставлены в определенные отношения к личности философа. И хотя далеко не каждый философ живет в соответствии со своими внутренними убеждениями, тем не менее общественное поведение философа в существенной мере определяется его миропониманием.

Глава 3. ФИЛОСОФИЯ И ИСТИНА

Все мы или почти все признаем, что наука дает нам истину в классическом смысле этого слова, т.е. адекватное описание действительности в форме научных законов и теорий. Но дает ли нам истину в этом смысле философия? Применимо ли классическое понятие истины к философским утверждениям и концепциям? Для ответа на этот вопрос попробуем выявить особенности тех научных предложений, к которым бесспорно применяется истинностная оценка, а затем посмотрим, обладают ли этими особенностями утверждения философии.

3.1. Основания истинностной оценки

Начнем с общепризнанного: формальная логика говорит нам, что истинными или ложными могут быть только повествовательные предложения, но не вопросительные или побудительные. К этому следует добавить, что повествовательное предложение должно быть осмысленным, и, прежде чем ставить вопрос об истинности или ложности некоторого предложения, мы должны сначала решить, осмысленно ли оно. Осмысленные повествовательные предложения широко используются как в повседневной жизни, в которой они выражают опыт и знания нашего здравого смысла, так и в науке, в которой они воплощают научное знание. Вполне естественно предположить, что такого рода предложения обладают какими-то особенностями, которые и позволяют применять к ним предикат «истинно». По-видимому, к иным языковым выражениям этот предикат не может быть применен вследствие того, что они лишены этих особенностей. Так чем же отличаются истинные и ложные повествовательные предложения?

1. Совсем нетрудно заметить, что повествовательные предложения носят описательный характер, они описывают свой

объект, какие-то его свойства или отношения. Высказывания «Волга впадает в Каспийское море», «На Марсе отсутствуют признаки жизни», «Фенотипические особенности организма детерминированы его генотипом» и т.п. говорят о некоторых внеязыковых объектах и их взаимоотношениях. Такие предложения, как «Пооди сюда!» или «Когда будут выдавать зарплату?», также относятся к каким-то внешним объектам, однако они ничего не описывают и тем отличаются от первых. Правда, для того чтобы предложению можно было приписать истинностную оценку, мало того, чтобы оно имело форму описания, требуется, чтобы оно было **подлинным описанием**, т.е. содержало в себе неявную (или даже явную) претензию на существование описываемого положения дел. Допустим, вы перевели с английского языка фразу, которая по-русски выглядит так: «Лондон расположен на Темзе». Даже если вы произнесли или написали ее, то хотя она и имеет вид повествовательного предложения, тем не менее еще не является подлинным описанием: вы не утверждаете, что Лондон действительно расположен на Темзе, вас интересует не Лондон, не соответствие данного предложения реальному положению дел, а его соответствие английскому оригиналу. Для того чтобы предложение было подлинным описанием, в нем должен присутствовать момент утверждения или отрицания, показывающий, что предложение претендует на воспроизведение реального положения дел. В свое время Г.Фреге предлагал выражать особым знаком утверждаемость повествовательного предложения, ибо только в этом случае оно становится подлинным описанием.

2. По-видимому, предложение, претендующее на истинностную оценку, обладает еще одной важной особенностью: оно должно быть **разрешимо** — в том смысле, что должен существовать **интерсубъективный способ проверки** этого предложения, позволяющий установить, истинно оно или ложно. В самом деле, если к некоторому предложению применима истинностная оценка в классическом ее истолковании, то это означает, что имеется какой-то способ установить, соответствует оно объекту или нет. Если такого способа — ни прямого, ни косвенного — не существует, то истинностная оценка просто теряет смысл. Фундаментальной проблемой классической концепции истины всегда была проблема

критерия: как соотносить наше знание с действительностью? Если мы не можем этого сделать, то зачем нам вообще нужно понятие истины? Поэтому к принципиально непроверяемым предложениям истинностная оценка неприменима. (Я не говорю об истинах веры.) Метод проверки должен быть интерсубъективным, т.е. каждый желающий может проверить и убедиться, истинно некоторое предложение или ложно.

3. Наконец, интерсубъективная проверяемость предложений, допускающих истинностную оценку, делает их **общезначимыми**. Это следует понимать в том смысле, что если некоторое предложение признано истинным или ложным, то с этой оценкой вынужден согласиться каждый человек, независимо от своего национального происхождения, классовой принадлежности, идеологических, политических и прочих ориентаций. Такие истины, как «Свинец тяжелее железа», «Сила тока в цепи пропорциональна напряжению», «Кит — млекопитающее», вынужден принимать каждый человек, который понимает их смысл и способ проверки. При этом совершенно неважно, кто первым высказал истинное предложение — итальянец или китаец, миллионер или пролетарий, Нильс Бор или Папа Римский. Поэтому истина **бессубъектна**: не имеет значения, кто высказал истину, она будет принята; не имеет значения, кто высказал ложь, она будет отвергнута. На эту черту истины обращал внимание наш великий ученый и мыслитель В.И.Вернадский.

«Идеал научной работы, — писал он, — безличная истина, в которой всякое проявление личности по возможности удалено и для установления и понимания которой безразлично, кем и при какой обстановке она найдена, ибо эта научная истина, т.е. научный факт, эмпирическое научное обобщение, вновь непрерывно пересматривается и логическим анализом, и возвращением вновь к реальному явлению многократной проверкой новыми лицами» ²².

В общезначимости и бессубъектности истинных предложений проявляется **объективность** истины: поскольку соответствие мысли объекту зависит только от объекта, постольку субъект мысли здесь оказывается совершенно иррелеван-

²² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988, с. 308.

тным. Поэтому, высказывая истинные утверждения, мы практически никогда не ссылаемся на авторитет или источник, т.е. не говорим: «Как считает Коперник, Земля вращается вокруг Солнца» или «По мнению Дарвина, лошади кушают овес и сено». Конечно, далеко не всякая истина сразу же принимается всеми. История науки показывает, что очень многие истины с трудом входили в общественное сознание. Однако интерсубъективная проверка в конечном счете убеждает всех.

Таким образом, рассматривая предложения, которым обычно приписывается истинностная оценка, мы обнаруживаем, что эти предложения должны быть описательными, интерсубъективно проверяемыми и общезначимыми. Благодаря внутренней связи перечисленных свойств отсутствие хотя бы одного из них делает сомнительным наличие двух других и разрушает основу, на которую опирается истинностная оценка предложения. Те же самые свойства присущи и системам рассматриваемых предложений — научной теории, рассказу очевидца о некотором событии, изложению историком хода событий прошлого и т.п. Такие системы точно так же носят характер описаний, интерсубъективно проверяемы и общезначимы. Следовательно проверяет показания свидетеля, обращаясь к показаниям других очевидцев события, изучая место происшествия, обращаясь к результатам экспертиз и т.д. И каждый, кто понимает способ проверки, соглашается с той картиной происшествия, которую в конечном итоге создает следователь. Собственно, суд и решает, имеем ли мы дело с общезначимой истиной или с субъективным заблуждением. Интерсубъективной проверяемостью и общезначимостью истины объясняется интернациональность науки, признание учеными разных стран одних и тех же научных достижений.

3.2. По ту сторону истины и лжи

Обладают ли философские утверждения теми свойствами, наличие которых является предпосылкой применимости истинностной оценки?

Мы отметили, что вопрос об истинности или ложности некоторого предложения можно обсуждать лишь после того,

как мы решили, что данное предложение осмысленно. Если перед нами бессмысленное словосочетание, то смешно было бы спрашивать, истинно оно или ложно. В одной из своих ранних статей, носившей название «Устранение метафизики посредством логического анализа языка»²³, Р. Карнап пытался доказать, что предложения философии бессмысленны, поэтому понятие истины к ним неприменимо. Он указывает два источника бессмысленности. Предложение может оказаться бессмысленным вследствие того, что в нем нарушены грамматические, или синтаксические, правила, например, «Береза между завтра» или «Точка на лежать» и т.п. Это даже и не предложения в строгом смысле этого слова, и мы легко усматриваем их бессмысленность. Однако предложение грамматически может быть построено правильно, но в нем нарушены семантические правила, и это делает его бессмысленным. Например, предложение «Дом быстро бежит» по грамматической структуре не отличается от предложения «Олень быстро бежит», но с точки зрения семантики первое предложение бессмысленно, ибо предикат «бежать» — согласно нормам языка — нельзя приписывать таким объектам, как дом. Бессмысленность второго рода обнаруживается лишь благодаря логическому анализу, поэтому в повседневной речи так много бессмысленных предложений.

Карнап полагал, что предложения философии хотя и имеют вид грамматически правильно построенных предложений, однако семантически бессмысленны. Почему? Потому, отвечает он, что осмысленное предложение может быть сведено к предложениям, говорящим о чувственно воспринимаемых вещах и событиях, и мы можем убедиться в его истинности или ложности благодаря чувственному опыту. Можно наблюдать быстрый или медленный бег оленя. Но нельзя наблюдать быстрый или медленный бег дома. Предложения философии нельзя свести к предложениям, говорящим о чувственном опыте. Поэтому они бессмысленны.

Эти рассуждения сейчас кажутся несколько наивными, однако в них тем не менее выражена одна мысль, с которой трудно спорить: действительно, философские утверждения

²³ Carnap R. *Überwindung der Metaphysic durch logische Analyse der Sprache* // *Erkenntnis*, Wien. Bd.2, 1931.

нельзя верифицировать, т.е. подтвердить их эмпирически. И если на этом основании вряд ли можно объявлять их бессмысленными, как полагал в своей молодой запальчивости Карнап, тем не менее неверифицируемость отличает философские предложения от тех предложений повседневного и научного языка, которым мы даем истинностную оценку.

Это приводит нас к уже упоминавшемуся различию между утверждениями философии и науки: первые — **непроверяемы**, их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть фактами, они **неразрешимы** — в том смысле, что с помощью эмпирических методов нельзя установить их истинность или ложность. Это настолько общеизвестно, что неловко, право, об этом и говорить. Однако иногда можно встретить рассуждения о том, что философские утверждения и концепции проверяются **практикой**, которая показывает, что одни философские концепции лучше и плодотворнее других. Если такие рассуждения вообще имеют какой-либо смысл, то его можно выразить приблизительно следующим образом. Руководствуясь теми или иными философскими представлениями, люди, группы людей действуют, и их деятельность служит пробным камнем их философских представлений. Если они добиваются успеха, то их философские представления истинны; если терпят поражение — это свидетельствует о ложности их философских взглядов. Представленная в таком виде, апелляция к практике сразу же обнаруживает свою несостоятельность. Во-первых, ложные идеи и теории часто приводят к плодотворным техническим и практическим результатам, о чем свидетельствует история медицины, история создания паровой машины, история алхимии и т.д. Поэтому практический успех еще не может служить критерием истинностной оценки. Во-вторых, успех в социальной жизни часто определяется не философскими воззрениями, а социальной организацией, и как часто человек с глубоким пониманием движущих пружин социальной жизни терпит крушение там, где торжествует конформизм, ориентирующийся на внешние и сиюминутные факторы! Ссылка на практику неявно подменяет вопрос об **истинности** философских систем вопросом об их **полезности**, следовательно, означает переход от классической к прагматистской концепции истины.

Но если философские утверждения и концепции непроверяемы, то их нельзя признать и описаниями. Поппер в одной из своих работ ²⁴ замечает, что если наши утверждения описывают реальность, то они могут быть опровергнуты, ибо всегда существует возможность, что реальность не такова, как мы ее описываем. Если же философские утверждения не могут быть проверены, не могут быть опровергнуты, не могут прийти в столкновение с реальностью, то все это означает, что они и не претендуют на ее описание! Может показаться, что это не совсем верно, ибо в философских системах наряду с нормативными, оценочными и т.п. утверждениями встречаются и описательные утверждения, например «Бытие есть ничто» или «Изменение качества осуществляется посредством скачка». Однако если мы более внимательно посмотрим на такого рода утверждения, то убедимся, что это вовсе не описания, а скорее определения, соглашения об употреблении терминов и следствия этих соглашений. Раскроем, например, одно из типичных философских сочинений — «Этику» Спинозы, обладающую тем достоинством, что автор старается четко и ясно выразить все основания своей системы. Что мы обнаруживаем на ее первых страницах? Определения и аксиомы, выражающие тот смысл, в котором автор употребляет важнейшие термины своей философии — Бог, субстанция, атрибут, модус и т.п. Затем из этих исходных соглашений автор дедуцирует теоремы, которые, по сути дела, представляют собой раскрытые, развертывание первоначальных определений и аксиом. И так Спиноза поступает в каждой из пяти частей своего труда. Он не обращается к фактам, он ничего не проверяет, он только дедуцирует. Вся система, таким образом, представляет собой громадную совокупность конвенций о значении и смысле понятий, об употреблении терминов. И это — существенная черта каждой философской системы.

Можно возразить, конечно, что и естественно-научные теории часто строятся точно таким же образом, что «Начала» Ньютона опираются на определения понятий механики и три закона динамики, что в основе классической электродинамики лежат уравнения Максвелла, которые также можно

²⁴ Поппер К.Р. Три точки зрения на человеческое познание // Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 320.

рассматривать как соглашения об употреблении фундаментальных терминов этой области и т.д. Все это верно: по своей структуре философская система может не отличаться от естественно-научной теории. Однако исходные определения и принципы научной теории подвергаются эмпирической проверке, и в ходе этой проверки выясняется, что они представляют собой не просто лингвистические соглашения, а подлинные описания реального положения дел. Система же философских определений и соглашений не подвергается и не может быть подвергнута такой проверке, она всегда остается в плоскости языка, следовательно, не может рассматриваться как описание реальности.

Именно благодаря тому, что философские утверждения не представляют собой intersubъективно проверяемых описаний, они и не являются общезначимыми — в том смысле, что каждый, кому понятно их значение, должен соглашаться с ними.

«... В результате работы философии, — замечает по этому поводу Вернадский, — нет общеобязательных достижений — все может быть не только подвергнуто сомнению — но, что важнее всего, это сомнение может войти как равное в организацию философской мысли каждого времени. В отсутствии общеобязательных достижений заключается резкое отличие результатов философского творчества от построения Космоса научной мыслью...»²⁵

Если некоторое утверждение непроверяемо и ничего не описывает, то нет никаких оснований, которые заставили бы нас согласиться с этим утверждением. Истину мы вынуждены принимать в силу объективных обстоятельств: мы не можем отвергнуть истину, принять ее заставляет нас внешняя необходимость. Но что заставляет нас принимать философские утверждения? Только субъективные, национальные, классовые и т.п. предпочтения, а они различны у разных людей. Поэтому разные люди будут принимать разные философские утверждения и системы.

«Всякая мыслящая личность может выбирать любую из философских систем, создавать новую, отвергать все — не нарушая истину»²⁶.

²⁵ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста, с. 305.

²⁶ Там же, с. 313.

Все это свидетельствует о том, что к философским утверждениям понятие истины неприменимо. Истинностная оценка имеет смысл лишь для intersubъективно проверяемых и общезначимых описаний. Философские утверждения таковыми не являются. Следовательно, они не могут оцениваться как истинные или ложные.

В конце концов, этот вывод является непосредственным следствием простого, очевидного, но, как мне представляется, решающего аргумента. Эмпирически констатируемый плюрализм философских систем, направлений, концепций неопровержимо свидетельствует о том, что философские утверждения не находятся в истинностном отношении к миру: Если бы в сфере философии речь могла идти об истине, то плюрализм был бы невозможен: давным-давно была бы выделена истинная система философии — философская парадигма, — которая объединила бы вокруг себя подавляющее большинство философов всех стран, и развитие философии пошло бы точно так же, как происходило развитие конкретных наук. Но этого до сих пор не произошло. Более того, именно в XX в. — веке громадных успехов науки и экспансии ее во все сферы человеческой деятельности — резко возросло и разнообразие философских систем и направлений. Более 100 лет назад, в 1886 г., Ф. Энгельс писал:

«... Это понимание (понимание истории Марксом. — А.Н.) наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика»²⁷.

Здесь совершенно верно замечено, что, как только некоторая область исследования начинает пользоваться научными методами и оказывается способной устанавливать истину, философским спекуляциям в этой области приходит конец. Однако в своих размышлениях о судьбах философии

²⁷ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 316.

Энгельс, по-видимому, неявно принял позитивистскую точку зрения О. Конта — его закон трех стадий интеллектуального развития человечества: за теологической следует метафизическая стадия, которая, в свою очередь, сменяется позитивной, или научной, стадией. Вероятно, Энгельс полагал, что философия уже умирает, теснимая со всех сторон наукой, и создание материалистического понимания истории нанесло ей последний, «смертельный» удар. Но философия, как известно, не умерла, и, несмотря на громадные успехи науки и чудовищное давление идеологической и политической пропаганды, загнавшее философию в самый темный угол общественной культуры, наш век дал философии больше, чем любое из предшествующих столетий. А что будет в следующем, XXI веке, который, быть может, окажется более благоприятным для работы философов и для философии?!

Растущее многообразие философских систем и концепций — решающий аргумент в пользу положения о том, что понятие истины к философии неприменимо. Мы можем говорить о приемлемости, о полезности, об убедительности философских утверждений, но не об их истинности. Добавив это соображение к тем, которые были высказаны в гл.1, мы получаем достаточно серьезное основание для нашего главного вывода: философия принципиально отлична от науки, и утверждение о том, что какая-то философская система есть наука, представляет собой не более чем пропагандистское клише.

3.3. Знание или мнение?

Сочетание слов «философское знание» настолько привычно, настолько прочно укоренено в языке, что без него часто почти невозможно обойтись. Но является ли философия знанием?

Античные греки разделяли знание (*episteme*) и мнение (*doxa*). Знание есть то, считали они, что безусловно и абсолютно истинно, что постигается только разумом, что всегда остается истинным. Мнение же может быть истинным или ложным, это то, что опирается на чувственное восприятие вещей и явлений. Сейчас мы могли бы сказать (это отметил в одной из своих статей финский логик Я. Хинтикка), что

знание выражается в таких предложениях, которые всегда сохраняют свою истинность, например «Луна — спутник Земли», «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов», «Париж находится во Франции» и т.п. Все это верно и сегодня, и было верно вчера и сотни лет назад. А вот предложения типа «Сократ спит» или «Сократ прогуливается» в одно время могут быть истинными, в другое — могут оказаться ложными. Такие предложения выражают мнение. Знание относится к вечным, неизменным, умопостигаемым вещам, чья неизменность и вечность гарантируют вечную истинность выражающих их предложений; мнение же относится к текучим, изменчивым вещам нашего чувственно воспринимаемого мира, поэтому оно то истинно, то ложно.

Свою философию древние греки считали, конечно, знанием — знанием неизменной сущности и основы бытия. Сейчас мы понимаем, что системы Демокрита, Платона, Аристотеля такого знания не дают. Но они не являются и мнением (*doxa*) в античном смысле. Нельзя сказать, что философия Платона то истинна, то ложна в зависимости от того, в какой момент времени ее рассматривают. Таким образом, с современной точки зрения философия не находит себе места в античной дихотомии *episteme* — *doxa*.

У философов Средневековья другая проблема: соотношение знания и веры. Знание — это то, что может быть рационально обосновано, что постигается разумом. Но есть более глубокие истины, содержащиеся в Св. Писании и в трудах отцов церкви. Они могут быть непостижимы для разума, в них нужно верить, даже если они непонятны, более того, противоречивы (Тертуллиан, Ансельм Кентерберийский). Вера предшествует разумному познанию и служит исходным основанием для построений разума. Именно в этот период, когда Тертуллиан, Августин, Эриугена объявили Бога единственным объектом познания, философия становится рациональным способом познания Бога, опирающимся на веру и служащим ей. Философия в тот период — рациональный способ познания Бога в мире.

Возрождение и Новое время постепенно вытесняют Бога из природы — сначала отводят ему лишь роль Создателя, а затем и вовсе отказываются от «этой гипотезы» (Лаплас). Познанием природы с успехом начинает заниматься наука, и

знание становится только научным знанием — обоснованным с помощью опыта знанием фактов и законов. Вера отступает в область религии. Наряду с ней у нас сегодня есть обыденное знание, опирающееся на повседневную практическую деятельность, и научное знание, обоснованное экспериментом и логикой. Философию же приходится считать мнением, но не в античном, а в современном смысле этого слова — как выражение индивидуальных оценок и отношений к миру.

Все мы согласны, что мнение субъективно, что у каждого человека свое мнение и каждый имеет право на собственное мнение. Мы согласны, что мнения нельзя оценивать с точки зрения истинности или ложности. И это справедливо также для философии как разновидности мнения. Мы говорим не о знании, а именно о мнении Платона, Аквината или Вольтера по тому или иному философскому вопросу. Философия как мировоззрение есть мнение философа о мире и о себе.

К сожалению, мне не попадалось работ с анализом понятия «мнение» и с выделением разновидностей мнений. Однако очевидно, что мнения бывают разных типов. Скажем, вы считаете Ван Гога великим художником — это ваше мнение. А кому-то он представляется «маляром негодным» — это его мнение. В подобных случаях нелепо спрашивать, а как же «на самом деле» — велик Ван Гог или бездарен? Наши мнения в данном случае выражают наше отношение к живописи Ван Гога, наши субъективные оценки его творчества, и хотя эти оценки могут быть диаметрально противоположными, тем не менее нельзя сказать, что одна из них истинна, а другая — ложна, ибо здесь нет никакого «на самом деле». В сфере мнений закон противоречия не действует. Многие мнения именно таковы, и они входят в состав философских систем.

Однако мы называем мнениями также наши субъективные представления о вещах и положениях дел. Не оценка, не отношение, не вкус выражаются в таких мнениях, а скорее мои представления, предположения о реальности, которые я не могу проверить и обосновать. «Мне кажется, что этот самолет не взлетит», — говорит опытный авиаконструктор, едва взглянув на новую модель самолета. «Я думаю, этот пациент тяжело болен», — говорит опытный врач еще до всяких исследований и анализов. «Из этого ребенка вый-

дет толк», — говорит опытный педагог. Все они выражают свое мнение о вещах и событиях, не пытаясь его обосновывать. Но мнения такого рода часто оказываются истинными или ложными.

По-видимому, и такие мнения входят в философские системы. Их нельзя считать знанием, ибо нельзя проверить эмпирически или доказать логически. Однако такие мнения со временем могут стать знанием, когда появляется возможность проверки и доказательства. Когда Демокрит утверждал, что лишь «в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое», а в действительности существуют лишь атомы и пустота, то в V в. до н.э. это было лишь его субъективным, ничем не подтвержденным мнением о действительности. Аристотель полагал, что в центре Космоса находится бог — перводвигатель, который и вращает звездную сферу. Это тоже было его личным мнением. Но мнение Аристотеля впоследствии было отброшено, а мнение Демокрита превратилось в обоснованное знание. Когда пифагореец Филолай (V в. до н.э.), считая огонь более совершенным, нежели земля, помещает огонь в центр мира и приходит к мысли о том, что Земля должна двигаться, то мы сейчас ясно видим, что речь идет о мнении, которого, кстати сказать, долго никто не принимал всерьез. Только через две тысячи лет Коперник начинает превращать это мнение в знание.

Каждая философская система в целом — это совокупность мнений философа о мироздании. Некоторые из этих мнений интересны как выражение определенного субъективного отношения и могут разделяться многими людьми. Какие-то мнения философа быстро отбрасываются как выражение его ничем не подкрепленных и не оправдавшихся предположений. Но иногда мнения философа дают толчок научному поиску и трансформируются в знания. Мнение философа превращается в знание ученого. Так было со многими философскими идеями относительно космоса, биологической эволюции, государственного устройства и т.д. Станут ли когда-нибудь знанием мнения философов о счастье, добре и зле, о свободе или смерти?

Глава 4. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В своих исследованиях по методологии научного познания мы, как правило, обращаемся к истории и теориям физики, математики, химии, реже — к лингвистике, общей истории, социологии. Рассматривая структуру научных теорий, проведение экспериментов, выдвижение гипотез, мы стараемся понять, как работает ученый, какими методами он пользуется, как появляется новое знание. Однако философский анализ научного познания затрудняется тем обстоятельством, что в современных условиях философ практически лишен возможности непосредственно участвовать в научном исследовании. Сама наука и, так сказать, рефлексия над наукой институционально отделены друг от друга, философ не может прийти в лабораторию, в научно-исследовательский институт с тем, чтобы самому стать участником научной работы и наблюдать ее «изнутри». В подавляющем большинстве случаев философ имеет дело лишь со следами научного исследования, зафиксированными в публикациях. Это, несомненно, создает дополнительные трудности для философского осмысления научного познания.

Но есть сфера рациональной деятельности, в отношении которой указанная трудность отсутствует. Это — сфера философского исследования, в котором философ непосредственно участвует и о котором он может говорить с подлинным знанием дела. Анализ того, как работает философ, способен пролить дополнительный свет на природу философии. Заинтересовавшись этой темой, я лет двадцать назад попытался осуществить нечто вроде «социологического исследования»: составил список вопросов и просил ответить на них своих коллег, которые, как мне представлялось, были настоящими философами. Увы, никаких результатов я, конечно, не получил. Однако эти беседы были для меня полезны и убе-

дили меня в том, что рассуждения, изложенные ниже, не совсем абсурдны.

4.1. Первичная и вторичная работа

Вероятно, многие из нас, посмотрев на длинный список работ, написанных и опубликованных за 20—30 лет деятельности в области философии, с огорчением обнаружат, как мало в этом списке статей, тем более — книг, которые были написаны на новую для нас тему, написаны под влиянием внутреннего интереса, в которые была вложена частица ума и сердца, и как много статей, написанных на заказ, на давно известную и основательно надоевшую тему, на чужой вкус и стандарт. Работы первого рода можно назвать «первичными» или, если угодно, «творческими»; работы иного рода — «вторичными». Соотношение первичных и вторичных работ в деятельности разных философов будет, конечно, различным, однако лишь очень немногие из нас могут похвастаться тем, что никогда не писали вторичных работ. (Кстати, это характерно не только для нас. Будучи в Массачусетском технологическом институте, я обратил внимание на надпись-лозунг на какой-то кафедре: «Публикуйся или умри!» Ясно, что если нужно постоянно что-то публиковать, то без вторичных работ не обойтись.)

По-видимому, можно с большой долей уверенности предположить, что философ любит свое профессиональное дело, ему нравится размышлять над мировоззренческими проблемами, сплести хитроумные логические сети абстракций. И когда его увлекает некоторый вопрос, над решением которого он бьется недели, месяцы, иногда — годы, то только устойчивый интерес, искреннее внутреннее побуждение способны заставить его неотступно — в учреждении и дома, днем и вечером, на улице и в метро, даже на рыбалке — думать, размышлять, искать решение. И в найденном, наконец, решении выражаются особенности его интеллекта, мировоззрения, личности. Сам же этот процесс — поиски, разочарования, находки — доставляет ни с чем не сравнимое наслаждение (сродни тому восторгу, который испытал Пушкин, закончив «Бориса Годунова»). Итак, мы устанавливаем: **первичная, или творческая, работа есть работа, совер-**

шаемая свободно под влиянием внутреннего интереса над новой для автора темой или проблемой, результат которой выражает взгляды, идеи, вкусы автора, которая, наконец, доставляет удовольствие.

Вторичная же работа побуждается не внутренним личным интересом, а внешними обстоятельствами. Действительно, часто мы пишем не потому, что нам интересно было размышлять над некоторой проблемой или овладеть новой для нас темой, не потому, что в душе выросло непреодолимое желание высказаться, а потому, что это требуется, скажем, планом, что подвернулся грант и есть надежда на получение гонорара, что нужно защитить диссертацию и необходимы какие-то публикации. Ясно, что такая работа над известной или неинтересной для нас темой не может доставить большого удовольствия и чаще всего оказывается утомительным, скучным занятием — «работой» в неприятном смысле этого слова. Ясно также, что возможности творческого самовыражения здесь сильно ограничены как необходимостью сообразоваться с внешними требованиями, так и внутренним отвращением, скукой, да самовыражение и не является целью такой работы.

Для субъекта важна и ценна именно первичная работа, ибо только она открывает возможность для проявления и развития его творческих сил, только она позволяет ему выразить собственное мировоззрение и посредством этого — мировоззрение людей своего времени и определенной социальной группы. Вторичная же работа — это ремесло, повторение пройденного, средство получения материальных благ. Следует заметить, правда, что общественная оценка вторичной работы иногда может быть выше, нежели оценка первичной работы. Например, вы затратили много сил, вкусили «восторг и слезы вдохновенья», написали статью, а ее не заметили, не прочли или не поняли. А вторичная работа, в который раз излагающая идеи, набившие у вас оскомину, вдруг привлекает внимание философского сообщества и получает высокую оценку. Еще чаще встречается ситуация, когда статья начинающего автора, которую он писал со всем пылом молодой души, оказывается в глазах сообщества значительно ниже, чем вторичная статья поднаторевшего в своем ремесле профессионала, сколоченная им за несколько дней.

И это естественно, ибо общественная оценка философской работы определяется не только ее внутренними достоинствами, но и умонастроениями философского сообщества, господствующими вкусами и модой. Так, например, в период господства схоластики в средневековой Европе ценилась «ученость» — знание текстов и их обильное цитирование, самостоятельность мысли вызывала подозрение и встречала пренебрежительное отношение. Это был период господства вторичных работ. К сожалению, аналогичная ситуация существовала и в нашей стране в течение 70 лет: уважением пользовались толстые труды, цитирующие, пересказывающие, комментирующие работы классиков марксизма или результаты науки, идеи зарубежных философов и т.п. Только такие труды создавали философу имя, обеспечивали профессиональную карьеру и доставляли уважение философского сообщества. Попытки высказать что-то оригинальное рассматривались, в лучшем случае, как легкомыслие.

Легко заметить, что различие между первичной и вторичной работой в значительной мере субъективно: первичное для меня может быть вторичным для другого, если он уже исследовал эти ходы мысли. Данное различие, кроме того, не является достаточно четким: в любой статье могут соединяться элементы как первичной, так и вторичной работы. Работа, начатая как вторичная, постепенно может вызвать искренний интерес и превратиться в первичную. Ситуации подобного рода часто встречаются в искусстве. Наконец, это различие почти ничего не говорит об общественной значимости работы: первичная для меня работа вполне может оказаться тривиальной пустышкой для философского сообщества. Зачем же в таком случае нам нужно это туманное различие? С одной стороны, чтобы указать на засоренность нашей философской литературы ремесленными поделками, изготовление и чтение которых ничего не дает ни уму, ни сердцу как автора, так и читателя. С другой стороны, можно утверждать: **только первичная, творческая работа вносит реальный вклад в развитие философии**, ибо только такая работа может оказаться новаторской не для одного только автора, но и для философии в целом. У вторичной работы такой возможности заведомо нет.

Конечно, вторичная работа не совсем уж бесполезна. Она способствует разъяснению, популяризации, пропаганде философских идей. Вспомним, что после «Критики чистого разума» Кант написал «Пролегомены». В современных условиях, когда профессиональные философы работают в государственных учреждениях и университетах и практически не получают никаких гонораров за свои философские произведения, вторичная работа — написание учебников, программ, методических и иных пособий — оказывается до некоторой степени неизбежной. В творческой деятельности возможны взлеты и падения, периоды большей или меньшей продуктивности, но план требует ежегодной определенной отдачи. Поэтому приходится, однажды сделав первичную работу, потом несколько раз подавать ее под разными соусами в виде нескольких вторичных статей или угрюмо жевать какой-то запланированный, но совершенно неинтересный кусок очередного коллективного труда. Это отчасти объясняет, почему у нас так много выходит серых, невыразительных статей и книг, в которых нет личности автора и которые поэтому оставляют читателя вполне равнодушным. Конечно, как показывает пример некоторых докторов и профессоров от философии, можно вполне благополучно прожить, занимаясь всю жизнь только вторичной работой, т.е. переписывая, повторяя, комментируя то, что было придумано другими. Причем даже этот тяжелый труд имеет свои маленькие радости. Однако если вы — философ, если вас действительно интересуют философские проблемы, если вам есть что сказать, то вы хотя бы иногда будете испытывать почти непреодолимое желание написать первичную работу. Когда такое желание пропадает безвозвратно, это знак того, что философ в вас умер.

В дальнейшем мы будем говорить только о первичной работе.

4.2. Выбор проблемы или темы

Как обстоит дело в науке? Согласно представлениям большинства современных философов, здесь имеется круг общепризнанных проблем, вопросов, задач. Ученый выбирает для себя задачу, руководствуясь внутренним интересом, общественной значимостью проблемы, сознанием границ своих

способностей и т.п. Как правило, ученые не ставят перед собой и не разрабатывают таких проблем, которые не признаны в качестве таковых научным сообществом.

Как мы уже отмечали, проблем в этом смысле в философии нет, т.е. нет общепризнанных вопросов, на которые все философы хотели бы получить ответ. Вместе с тем довольно трудно было бы указать философский вопрос, на который все еще нет ни одного ответа. Поэтому философские сочинения часто начинаются довольно стандартно: «Иванов решает данную проблему так-то, Петров решает ее иначе, а я, Сидоров, предложу третье решение». Ответы есть, дело в том, что эти ответы не удовлетворяют тебя.

Поэтому исходный пункт философского исследования — не вопрос, не проблема, с которых, по мнению Поппера, начинается наука, а субъективная неудовлетворенность существующими решениями и желание устранить эту неудовлетворенность. Часто она носит довольно-таки неопределенный характер: какая-то неясность, непонимание слов, утверждений, смутное подозрение, что здесь что-то не так.

В нашем философском сообществе встречались люди, которым все в философии было ясно и которые из работ классиков марксизма (а сейчас — из работ Хайека, Хайдеггера, Гадамера, Делеза или Деррида) или из основоположений диалектики были способны за пять минут извлечь ответ на любой вопрос. Едва ли их можно считать философами. Неудовлетворенность существующим, способность видеть открытые вопросы — первая черта философа и необходимая предпосылка философского исследования. Как часто при попытке поставить или обсудить некоторую философскую проблему возникает самоуверенный знаток, цитатами «из Маркса» или другого общепризнанного мыслителя закрывающий обсуждение и парализующий движение зарождающейся самостоятельной мысли! К тому же этот несчастный еще и преисполнен гордости по поводу того, что он «знает» ответ, в то время как вопрошающие — «не знают». Эти динозавры начетничества теперь, кажется, вымирают, но еще совсем недавно они грозно вставали на дыбы, громоздились на трибуны, громя идеализм, ревизионизм, оппортунизм, растаптывая своими слоновьими ногами всякую мысль, не вмещающуюся в их крохотные головы.

Были и есть люди, неудовлетворенные всем и все готовые критиковать. Как правило, это весьма квалифицированные специалисты с критическим складом мышления, и они гораздо больше похожи на философов, чем первые. Многолетнее навязывание устарелой ортодоксии и полная невозможность интеллектуальной жизни в царстве микроголовых рептилий порой рождали усталость и скепсис. То, что проповедуется с официального амвона, — глупость, но и робкое стремление выдумать что-то свое — тоже глупость, ибо ничего интересного высказать, развить все равно не дадут. И комом в горле встает желчный скептицизм, растет желание критиковать и разоблачать все подряд. Нет и не может быть пророков в нашем отечестве! Такая позиция парализует столь же сокрушительно, как и носорожий догматизм.

Подлинным философом, по-видимому, будет тот, кто не только чем-то не удовлетворен, не только в чем-то сомневается или что-то критикует, но и что-то отстаивает. Философу должно быть присуще стремление устранить имеющуюся у него неудовлетворенность и готовность приложить усилия для этого. Он не может обойтись без простодушной веры в найденные им решения. И в этом отношении он похож на ученых и изобретателей — бескорыстных создателей новых идей и машин.

Поскольку неудовлетворенность возникает в значительной мере стихийно и заранее весьма трудно предсказать, что именно вызовет у вас сомнение, постольку можно было бы даже сказать, что не философ выбирает тему своего исследования, а скорее тема выбирает, захватывает его, отвечая каким-то глубинным пластам его духа. Поэтому когда вы встречаете человека, спрашивающего, над чем бы ему поработать, на какую бы тему написать статью, то можно предположить, что у него еще не проснулся интерес к философии или ему нужно сделать вторичную работу.

И еще одно. Порой вы над чем-то бьетесь, что-то сочиняете, а это никого не интересует. Иногда человек всю жизнь разрабатывает некоторую проблему, пишет и даже публикует статьи и книги, но все это оказывается никому не нужным.

«Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,

Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рождены,
Пылая, с легким дымом исчезали»²⁸.

В науке такое случается редко, ибо ученые работают над общепризнанными проблемами. Философ же сам изобретает для себя проблему, следовательно, рискует остаться в одиночестве в своем интересе к ней. Поэтому для философии, как представляется, имеет смысл вопрос о различении проблем и псевдопроблем. Едва ли здесь можно надеяться найти какие-то четкие критерии. Однако в качестве одного из возможных ориентиров можно предложить следующий: псевдопроблема от проблемы отличается тем, что то или иное ее решение никак не влияет на рассмотрение других проблем. Таким образом, если решение некоторого вопроса заставляет вас и смежные вопросы решать в определенном направлении, то вы столкнулись с проблемой. Если же прямо противоположные ответы на некоторый вопрос оставляют вам полную свободу в решении других вопросов, то вполне возможно, что вам попалась псевдопроблема. Например, представители логического позитивизма в 30-е гг. пылко обсуждали вопрос о форме «протокольных предложений»: из каких слов они должны состоять? Должно ли в них входить имя протоколирующего лица? И т.п. Как выяснилось через некоторое время, все эти разговоры не имели никакого смысла, ибо язык чувственно данного оказался вообще непригоден в качестве базиса науки. У нас порой встречаются работы, посвященные проблеме классификации наук. На мой взгляд, это тоже псевдопроблема: как ты ни классифицируй науки, что это изменит?! К сожалению, все это слишком расплывчато, но пока я не умею обосновать разницу между подлинно философскими проблемами и псевдопроблемами более ясно. Возможно, такого различия вовсе нет, и за ним стоит всего лишь один простой факт: одни проблемы привлекают к себе широкое внимание, и их решением занимаются или интересуются многие, а к другим проблемам философское сообщество остается полностью равнодушным.

²⁸ Пушкин А. С. Моцарт и Сальери.

4.3. Поиск решения

Философ вступает в схватку с проблемой безоружным, и в этом заключается еще одна особенность философского исследования. У философа нет ни приборов, ни инструментов, он не может поставить эксперимент или провести наблюдения, ему не помогает математика и даже сама логика. В его распоряжении, как говорил Маркс, только сила абстракции. Философ изучает работы тех авторов, которые думали над интересующим его вопросом или близкими вопросами, и размышляет. Как возникает решение, мысль, нужное слово? По-видимому, процесс философского творчества напоминает тот, который описан А. Пуанкаре и Ж. Адамаром как характерный для математики ²⁹.

Адамар проводит различие между «открытием» и «изобретением». Открыть можно то, что уже существует, — так Колумб открыл Америку, которая конечно же существовала до его путешествия, или Галилей открыл спутники Юпитера. Изобретением Адамар называет создание чего-то такого, чего раньше не существовало в природе. Громоотвод, паровоз, самолет — все это результаты изобретения. С этой точки зрения и роман, и картина, и музыкальная симфония — также изобретения, ибо они созданы писателем, художником, композитором. Как свидетельствует название книги Адамара, математик, по его мнению, изобретает, хотя, оговаривается он, быть может, «было бы точнее говорить об открытии» ³⁰. Что касается философа, то я глубоко убежден, что он именно изобретает. Безусловно, далеко не все с этим согласятся и будут цитировать Маяковского: «Маркс открыл истории законы!» Но я не люблю Маяковского.

«Изобретательская» сущность математики и философии влечет и сходство процессов творчества в этих областях. Вслед за Пуанкаре Адамар выделяет 4 этапа поиска решения: 1) более или менее длительный период сознательных усилий решить проблему; 2) инкубационный период — внешнее отвлечение от работы, во время которого происходит бес-

²⁹ См.: Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. В «Приложении» помещена статья А. Пуанкаре «Математическое творчество».

³⁰ Там же, с. 4.

сознательное продуцирование и отбор различных идей, ведущих к решению; 3) инсайт, озарение — неожиданное решение, приходящее как бы само собой, без специальных усилий; 4) обработка и проверка найденного решения. Повидимому, все эти этапы присутствуют и в философском исследовании. Правда, для философа важен еще один, 5-й этап: изложение своего решения. Этот этап может представлять самостоятельные трудности. Каждый из нас, приступая к разработке некоторой темы, старается поточнее уяснить себе суть проблемы, знакомится с существующими решениями или формулировками, пытается осознать, чем они ему не нравятся и т.д. И все мы много времени тратим на изложение найденного решения в виде статьи или книги.

Самое примечательное здесь — инсайт, озарение. Кто испытал хотя бы раз это состояние внезапной ослепительной вспышки, в свете которой окружавший тебя мутный хаос вдруг приобретает четкие очертания и гряда кирпичей легко выстраивается в стройное здание, тот стремится пережить его еще и еще раз. Вот как рассказывает об этом Пуанкаре:

«В этот момент я покинул Кан, где я тогда жил, чтобы принять участие в геологической экскурсии, организованной Горной школой. Перипетии этого путешествия заставили меня забыть о моей работе. Прибыв в Кутанс, мы сели в omnibus для какой-то прогулки; в момент, когда я встал на подножку, мне пришла в голову идея, без всяких, казалось бы, предшествовавших раздумий с моей стороны, идея о том, что преобразования, которые я использовал, чтобы определить автоморфные функции, были тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии. Из-за отсутствия времени я не сделал проверки, так как, с трудом сев в omnibus, я сейчас же продолжил начатый разговор, но я уже имел полную уверенность в правильности сделанного открытия. По возвращении в Кан я на свежую голову и для очистки совести проверил найденный результат.

В то время я занялся изучением некоторых вопросов теории чисел, не получая при этом никаких существенных результатов и не подозревая, что это может иметь малейшее отношение к прежним исследованиям. Разочарованный своими неудачами, я поехал провести несколько дней на берегу моря и думал совсем о другой вещи. Однажды, когда я прогуливался по берегу, мне так же внезапно, быстро и с той же мгновенной уверенностью пришла на ум мысль, что арифметические преобразова-

ния квадратичных форм тождественны преобразованиям неевклидовой геометрии»³¹.

Возвращаясь к различиям между первичной и вторичной работами, мы можем теперь отметить, что инсайт присущ только первичной работе. Следовательно, если вы написали статью, не пережив его хотя бы в легкой форме, не преодолев разочарований и неудач, то почти с уверенностью можно утверждать, что ваша работа — вторична. При этом следует иметь в виду, что озарение возникает только благодаря предшествующему упорному труду — пусть безуспешному и разочаровывающему. Оно не приходит к тем, кто не способен заставить себя упорно и неотступно думать над чем-то одним. Можно даже предположить, что величина способностей мыслителя прямо пропорциональна способности концентрироваться на интересующем его вопросе, и результат его будет тем значительнее, чем дольше и напряженнее он работал над его получением. Оставим, однако, психологию и допустим, что решение найдено, крик «Эврика!» прозвучал.

Простейшей ситуацией будет та, когда вам удалось изобрести совершенно новую мысль, никогда ранее не встречавшуюся в литературе. По-видимому, такие события иногда должны происходить, хотя и встречается мнение, что в философии уже все давно высказано и мы лишь отряхиваем пыль со старых идей и понятий, возвращая их к новой жизни. Это мнение очевидно ошибочно, ибо из него следует, что мы уже потеряли способность изобретать новые понятия и устанавливать новые связи между ними. Развитие современной науки показывает, что это не так. Тем более это неверно по отношению к философии. Новые идеи в ней появляются, хотя, быть может, и реже, чем нам бы хотелось.

Увы, гораздо чаще встречается случай, когда, предложив некоторое решение, высказав некоторую мысль, вы (сами или чаще с помощью коллег) обнаруживаете, что эта мысль, это решение или что-то весьма похожее уже давно кем-то высказано, и даже не один раз. По-видимому, в науке такое бывает гораздо реже. Встречаются, конечно, ситуации, когда одно открытие делается независимо разными людьми (известный пример: открытие законов наследственности Г. де

³¹ Пуанкаре А. Математическое творчество // Там же, с. 139.

Фризом, К. Корренсом и Э. Чармаком в 1900 г. — законов, сформулированных Г. Менделеем в 1865 г.), но вряд ли найдется ученый, который всерьез будет переоткрывать дифференциальное исчисление или заново формулировать известные газовые законы. В философии же это случается на каждом шагу. Человек изобретает, строит концепцию, а потом вдруг осознает, что найденное им решение весьма сильно напоминает построения Канта или Бергсона. Именно поэтому взаимная критика философов так часто начинается (а часто и заканчивается) с установления сходства идей критикуемого коллеги с идеями какого-нибудь известного философа. На этой же почве вырастают наши постоянные квалификации и ярлыки: это — идеализм, позитивизм, гегелианство и т.п.! И все-таки каждый философ знает, что здесь нет вульгарного плагиата. Конечно, и в философии один автор может просто переписать несколько страниц у другого и выдать их за свои. Речь не об этом. Если ты делаешь первичную работу, то снедающие тебя беспокойство и неудовлетворенность будут устранены только в том случае, если ты сам отыщешь свой ответ. Пусть этот ответ будет похож на ответы других. Близкие по душевному складу личности будут давать сходные ответы на стоящие перед ними вопросы. Это объясняет взаимное сходство даже вполне самостоятельных решений. Важно то, что если такие ответы даются в разных исторических обстоятельствах, то они каждый раз будут содержать в себе нечто новое, т.е. будут сходны, но не тождественны.

Но что же представляет собой решение? В науке это ответ на некоторый вопрос, решение задачи, доказательство какого-то утверждения, открытие факта, формулировка закономерности, короче говоря, это — новое знание об исследуемой области явлений. Так, М. Фарадей установил законы электролиза, Д.И. Менделеев — связь между свойствами химических элементов и их атомными весами, А. Беккерель открыл радиоактивность и т.п. Философ, как правило, не открывает новых фактов и законов, не выдвигает проверяемых гипотез, не строит теорий для объяснения фактов. Его задача — выработать и в систематической форме выразить свое понимание мира и свое отношение к нему. Его основным инструментом является язык: философ изобретает новые понятия или переинтерпретирует известные, изобретает

новые связи понятий, выявляет скрытое или придает новое содержание понятиям. Примером могут служить известные философские понятия материи, духа, субстанции, качества, добра, прекрасного и т.п., которые в каждой философской системе получают новое истолкование, новую интерпретацию. Оценивая философский результат в самом общем виде, можно сказать, что он всегда представляет собой создание нового смысла, т.е. лежит в плоскости языка и связан с его изменением.

Итак, найден новый смысл, новая интерпретация. Но это — лишь первый, хотя и принципиально важный, шаг долгого пути.

4.4. Разработка решения

Мало изобрести новый смысл, придать новую интерпретацию понятию или утверждению, увидеть новую связь понятий. На это способны многие, но, увы, многие на этом и останавливаются. Немало встречается остроумных людей, высказывающих в коридоре или за чашкой кофе блестящие идеи, но пишущих мало и тускло. От философа требуется умение и желание развить найденное решение.

В общем это развитие заключается в следующем: опираясь на найденный смысл, философ переосмысливает (переинтерпретирует) известные понятия и утверждения, находящиеся в связи с его результатом. Так формируется новый взгляд на мир. Чем более последовательно и широко способен философ развить следствия найденного решения, тем более значительным будет его достижение. Отметим некоторые фазы этого процесса.

а) Опираясь на свой результат, философ переформулирует исходную проблему так, чтобы полученный результат оказался решением этой проблемы. Таким образом, сначала находится решение, а потом под это решение формулируется проблема. И это вовсе не какая-то неблагоприятная уловка. Мы уже отмечали, что философское исследование чаще всего начинается с некоторой беспокоящей неясности. Когда вы находите понятия, утверждения, устраняющие беспокойство, вносящие ясность, только тогда вы получаете возможность четко осознать, что именно вас не удовлетворяло, и выразить это в виде явно сформулированной проблемы. По-

этому не всегда следует верить философу, который пишет: «Передо мной встала проблема, я подумал и решил ее» Нет, часто он сначала находит некий результат, а затем изобретает задачу, решением которой будет этот результат. Это приводит к тому, что философские проблемы все время расщепляются на подпроблемы и постоянно изменяют свои формулировки. Поэтому, между прочим, бессмысленно составлять план будущего исследования, расписывая ожидаемые результаты. Такой план — чаще всего осознанная бюрократическая липа либо предпосылка целенаправленной вторичной работы. Если работа носит творческий характер, нельзя заранее знать, какие результаты вы получите и в каком направлении поведет вас первый же найденный результат.

б) Философ отыскивает также основания своего результата, т.е. какие-то общепринятые положения, факты, данные науки и т.п., из которых полученный результат следует. Некоторые из них действительно могли подтолкнуть его в определенном направлении, однако теперь он собирает даже тот материал, о котором и не думал до того, как нашел решение. Это нужно ему для того, чтобы представить свой результат в качестве логического следствия подобранных оснований. Философы обычно избегают говорить: «Я принимаю это потому, что мне это нравится, что я так хочу, чувствую, верю». Вместо столь шокирующих заявлений они предпочитают создавать у читателя такое представление: стояла некая проблема, был собран такой-то материал, который логически привел именно к данному решению проблемы.

в) Развитие следствий полученного результата заключается, по сути дела, в разработке новой интерпретации известных понятий, утверждений, проблем. Хороший результат в идеале должен приводить к переинтерпретации всех философских понятий и к созданию нового взгляда на мир. Так возникают великие философские системы — Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля, Шопенгауэра... Однако требуются чудовищные усилия для того, чтобы последовательно развить новое мировоззрение и справиться со всеми трудностями на этом пути. Взглянем, например, на «Левиафан» Томаса Гоббса. Он был свидетелем восстания против королевской власти, казни короля, братоубийственной гражданской войны. Много лет ему пришлось провести в эмиграции. Все это

потрясло его, и величайшим благом Гоббс стал считать сильную государственную власть. И вот его построение: естественное состояние людей — это война всех против всех; во избежание самоистребления люди уступают свои права избранной ими верховной власти; власть эта абсолютна и безгранична, она имеет право цензуры любого общественного мнения и владеет всей собственностью. Разделение властей опасно, ибо это может привести к анархии; бунты и восстания против власти недопустимы и должны подавляться с максимальной жестокостью. Самая деспотичная власть лучше анархии — вот та идея, которая пронизывает весь «Левиафан». Обоснование этой идеи и ее последовательное проведение при рассмотрении всех общественных институтов потребовали от Гоббса большой изобретательности и упорного труда. У нас на это, как правило, не хватает времени, поэтому обычно мы ограничиваемся переинтерпретацией узкого круга понятий и утверждений, достаточной для написания очередной статьи.

Да и найденный результат — исходный пункт нового взгляда — должен быть достаточно значителен и оригинален, чтобы его следствия охватили заметную сферу. Чем шире эта сфера, чем больший круг философских проблем и решений позволяет переосмыслить ваш результат, тем он значительнее. Ценность философского результата определяется не соответствием его фактам или научным данным, а его потенциальной способностью придавать новый смысл понятиям, вещам, явлениям и показывать их в новом, необычном свете. Очень значительный результат дает философу возможность по-новому взглянуть на все, на весь мир. Один из недавних примеров — философия К. Поппера, выросшая из идеи фальсифицируемости.

Отсюда вытекает, между прочим, вывод о том, что современная специализация в философии — свидетельство бедности получаемых результатов и, быть может, ограниченности умственных средств. В самом деле, если вы получили результат, способный послужить исходным пунктом для переосмысления значительной части философских понятий и проблем и у вас есть силы для осуществления такого переосмысления, то вы смело перешагнете границы сложившихся специальностей и областей.

И, наконец, последнее: **психологическое**, наблюдение. После того как решение найдено, философ перестает читать работы по той теме, которая еще совсем недавно поглощала все его внимание. Теперь он читает литературу по смежным проблемам, по близким сферам философии, на которые стремится распространить найденную точку зрения. Его позицию теперь можно выразить так: я знаю ответ, другие ответы меня не интересуют как заведомо для меня неприемлемые. И если в его руки попадает работа, посвященная той проблеме, которую он для себя решил, его критика бывает беспощадной, ибо в основе ее лежит стремление еще и еще раз подчеркнуть оригинальность и преимущества собственного решения. За примерами можно не ходить, и без того каждый из нас знает, что наиболее ожесточенные споры вспыхивают среди тех, кто разрабатывает одни и те же проблемы, хотя философам, работающим в соседних областях, поводы для этих споров порой представляются ничтожными.

Со временем философ, по-видимому, совсем перестает читать философскую литературу. Зачем она ему? Он — гуру: он **все** знает, может дать ответ на **любой** философский вопрос, он **только учит**. С коллегами он почти не разговаривает на философские темы: что могут они сказать ему? Но охотно беседует с молодежью или с представителями других профессий. Пишет почти исключительно вторичные работы, повторяя, разъясняя, комментируя самого себя.

4.5. Иллюстрация

Для иллюстрации сказанного следовало бы проанализировать творчество какого-нибудь известного философа и поэтапно проследить за процессом создания одного из его трудов. Но рассуждения о работе другого человека, о его мотивах и последовательности действий всегда сомнительны и могут быть оспорены. Это всегда будет не более чем одной из возможных «реконструкций». Поэтому лучше обратиться к личному опыту. Как бы скромен он ни был, это — **реальный** опыт, а не спекулятивные домыслы.

Где-то в середине 70-х гг. мы много размышляли и рассуждали о научных теориях, их структуре и их смене. Как раз в 1975 г. вышел русский перевод знаменитой книги Т. Куна «Структура научных революций». Слова «парадигма», «нор-

мальная наука», «научная революция» произносились так часто, что на одной из конференций выведенный из терпения известный историк химии возмущенно воскликнул: «Если я еще раз услышу здесь о Куна, ноги моей больше не будет на таких конференциях!» Как и многие другие, я долгое время находился под влиянием Р. Карнапа, К. Гемпеля, Э. Нагеля, и мне импонировала мысль о надежном эмпирическом базисе науки, о котором они так серьезно и убедительно писали. Но работа Куна сильно подорвала веру в этот несомненный эмпирический базис. Он доказывал, что с изменением теоретических представлений меняется все — методы, объект исследования, весь мир ученого. Таким образом, перед нами встала дилемма: сохранить верность позитивистской традиции и продолжать считать, что эмпирический базис науки сохраняется, несмотря на смену теорий, или согласиться с аргументами Куна и Фейерабенда и признать, что эмпирическая основа науки изменяется вместе со сменой теоретических представлений.

Мне показалось, что в условиях данной полемики важно обратить внимание на понятие научного факта. В литературе на эту тему высказывались не только самые разнообразные, но порой и совершенно невразумительные вещи. Казалось, что понятие факта принадлежит к тем расплывчатым понятиям, которыми пользуются все, но в каком-то колеблющемся, неясном смысле, а попытки его уточнения почти сразу же приводят к непреодолимым трудностям. Довольно долго я вчитывался в описания различных научных фактов и истории их установления, стараясь понять, что же такое факт: фрагмент действительности, чувственный образ, особое предложение языка науки или что-то еще? Или все что угодно, как в «Трактате» Витгенштейна? И вот однажды откуда-то выскочила мысль: а не есть ли факт нечто сложное, представляющее собой сплав нескольких компонентов? Перед моим умственным взором возник образ круга, разделенного на три по-разному окрашенных сектора: одна часть — предложение (я назвал его «лингвистическим компонентом» факта); другая часть — соединенный с предложением чувственный образ («перцептивный компонент»); третья часть — приборы, инструменты и практические действия, навыки, используемые для получения

соответствующего чувственного образа («материально-практический компонент»). Например, тот факт, что железо плавится при температуре $1530\text{ }^{\circ}\text{C}$, включает в себя соответствующее предложение, чувственный образ жидкого металла, термометры и оборудование для плавки металла. Легко понять, что факт не является лишь предложением или некоторым реальным положением дел, если задаться вопросом о том, как передать данный факт людям иной культуры, скажем, древним египтянам или грекам гомеровской эпохи. Совершенно недостаточно (если вообще возможно) перевести на их язык предложение «Железо плавится при температуре $1530\text{ }^{\circ}\text{C}$ ». Они его просто не поймут, а если бы и поняли, то отнеслись бы к нему как к некоторой гипотезе или теоретической спекуляции. Данный факт может стать фактом только в той культуре, которая обладает соответствующей технологией и практическими навыками, нужными для воспроизведения данного факта. Вот так возникла первоначальная идея и нашлись соответствующие термины для ее выражения.

Эта идея сразу же осветила основной недостаток существовавших подходов к истолкованию факта: они помещали факты в какую-то одну плоскость — внешней реальности, чувственного восприятия или языка. Я назвал это «одномерным» пониманием фактов. Позицию сторонников Карнапа и Гемпеля я обозначил как «фактуализм», позицию Хэнсона и Куна — как «теоретизм». Так начала складываться определенная терминология, выражающая особый взгляд на методологические направления и проблемы. Из истории науки я извлек материал, показывающий, что мое истолкование факта дает более глубокое понимание истории, нежели фактуализм и теоретизм. Стала формироваться структура изложения: сначала я выделю два альтернативных подхода к пониманию научного факта — фактуализм и теоретизм; затем дам их критический анализ, укажу неразрешимые для них проблемы; после этого предприму экскурс в историю науки и как бы из историко-научного материала извлеку свое собственное истолкование; наконец, продемонстрирую его плодотворность, рассмотрев некоторые (удобные для меня) методологические проблемы.

Я написал статью ³² и этим ограничился. Другие интересы увлекли меня, да и изобретенная конструкция факта казалась какой-то слишком искусственной, лишенной той простоты и ясности, которые отличают удачную мысль и вызывают к ней доверие. Кроме того, из нее следовало, что по мере развития знания изменяется и мир фактов, хотя и не так быстро и радикально, как теоретические представления. В то время этот вывод показался редактору издательства подозрительным, и его «исправления» моих «ошибок» и «немарксистских заявлений» обозначили те границы, в которых я мог рассуждать на эту тему. Стоило ли рассуждать «в границах»?

Я думаю, читатель без особого труда найдет в моем рассказе все те элементы философской работы, о которых шла речь выше. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, размышляя над природой научного факта, я не пошел в лабораторию и не стал спрашивать ученых, а постарался сам придумать такое определение этого понятия, которое позволило бы мне удовлетворительно ответить на некоторые интересовавшие меня вопросы. Это очень типично для философа: он придумывает новые определения известных понятий или вводит новые понятия, а затем извлекает из этого неожиданные следствия, но при этом делает вид, что проникает в суть вещей.

4.6. Восприятие и оценка результатов исследования

Итак, исследование завершено, результат получен и развит. Пора выносить его на суд публики.

Какую цель преследует философ, обнародуя результаты своих размышлений? Основная и, если судить по большому счету, единственная цель: предложить свое видение мира или решение отдельной проблемы другим людям. Однако в зависимости от темперамента и самооценки философ может ставить и более скромные цели: привлечь интерес к своему подходу, ввести в оборот еще одно из множества альтернативных решений и т.п. Для достижения этих целей у философа имеется лишь одно средство — логическая стройность и стиль изложения. Поэтому он ссылается на данные науки, апелли-

³² Никифоров А.Л. Научный факт и научная теория // *Творческая природа научного познания*. М., 1984.

рует к материальным интересам, прибегает к логике или к эмоциональному, образному стилю изложения и т.п. История философии свидетельствует о том, что крупные мыслители обычно заботились о **литературной форме** своих сочинений. Достаточно вспомнить сочинения Платона, Беркли, Дидро, Ницше, Шпенглера и т.д. Современный упадок интереса к литературной форме философских работ — еще одно свидетельство бедности получаемых результатов (если отвлечься от дурного влияния позитивизма в этом отношении). Если вы придумали что-то новое и искренне верите, что это новое нужно, полезно, прекрасно, то вы постараетесь подать свои идеи в хорошей упаковке, будете стремиться изложить их так, чтобы читатель принял эти идеи и поверил в них. Если же вас интересует только гонорар, то что вам Гекуба?

Какого же приема может ждать философская работа, содержащая новый результат? Если иметь в виду философское сообщество, то можно высказать следующее общее соображение: **чем ближе философу тема вашей работы, тем более критичным будет его отношение к ней**. И это вполне естественно. Кто сам думал над решенной вами проблемой или над близкими проблемами, тот не примет вашего решения, ибо он уже пришел или стремится прийти к своему собственному решению. Поэтому он постарается найти в вашей работе реальные или мнимые недостатки, ошибки, пробелы. Из истории философии мы знаем, как резко и непримиримо относятся философы к своим непосредственным предшественникам, которым они больше всего обязаны. Вспомним о взаимоотношениях Фихте и Канта, Шеллинга и Гегеля и о совсем недавней полемике Поппера с представителями логического позитивизма. Не с Ясперсом или Хайдеггером, не с Сартром или Гадамером спорил Поппер, а с теми, кто работал рядом и над теми же вопросами — Шликом, Нейратом, Карнапом и др. Те философы, интересы которых далеки от области вашего исследования, относятся к вашему результату более снисходительно, хотя эта снисходительность — чаще всего плод равнодушия. Таким образом, философ не может ждать признания со стороны коллег: тот, кто способен понять и оценить оригинальность и важность вашей работы, будет с пристрастием критиковать ее; тот же, кто отнесется к ней со снисходи-

тельной доброжелательностью, обычно просто не в состоянии понять и по достоинству оценить ее.

То обстоятельство, что многие наши работы не встречают горячей, резкой критики, свидетельствует не о том, что работы эти так уж безусловно хороши, а скорее о том, что они не содержат оригинальных идей, способных вызвать реакцию отторжения. Критика и поношение со стороны коллег — высшая степень признания философской работы, показатель того, что автору удалось высказать собственную, оригинальную точку зрения, неприемлемую для других самостоятельных мыслителей.

«Обычные крики, — заметил Д. Беркли в одном из своих писем, — направленные против любого мнения, как мне представляется, не только не опровергают его, но, напротив, могут с таким же основанием рассматриваться как согласие с его истинностью»³³.

В конце концов, одному философу трудно, почти невозможно убедить в чем-то другого философа. Поэтому ценность философской работы определяется не тем, что с ней все согласны, а тем, что она содержит идеи, дающие импульс к самостоятельным размышлениям и решениям. Наибольшее признание заслуживает работа, которая побуждает читателя найти собственный ответ на обсуждаемые в ней вопросы. И этот читатель, конечно, критически отнесется к ней с позиции найденных им ответов, но как раз эта критичность и показывает, что работа выполнила свою задачу. Скажем, книга Куна была хороша не тем, что дала приемлемые для всех ответы на ряд методологических вопросов, а тем, что заставила всех нас размышлять над этими вопросами, искать собственные их решения и вызвала бурную полемику. Философская работа должна вызывать крики неприятия и даже злобной ненависти, иначе ее не стоит писать.

Когда же работа вызывает всеобщее одобрение, это чаще всего говорит о том, что она носит вторичный характер и не содержит идей, с которыми стоит спорить. К сожалению, обилие вторичных работ в философской литературе воспитывает и читателя соответствующим образом. Когда философские работы на 99 % состоят из переложения «материа-

³³ Беркли — Персивалю // Беркли Д. Соч. М., 1978, с. 515.

ла» по теме, к которому добавляются одна-две робкие мысли самого автора, то и читатель привыкает искать в философских работах так называемую «информацию», а на оригинальные идеи автора почти не обращает внимания. Обилие ссылок в наших работах, длинные списки использованной литературы в конце статей и книг создают впечатление, что мы пишем рефераты, а не оригинальные работы. Парадоксально, но факт, что если вы напишете работу, не содержащую ссылок, излагающую только ваши собственные идеи, то ее никто не будет читать. Зачем? В ней нет «информации»!

Из этого, между прочим, можно извлечь два вывода. Во-первых, философ создает свои работы не только для коллег-философов, но прежде всего — для широкого круга читателей, питающих непрофессиональный интерес к философским проблемам. Вспомним, к примеру, «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии» И. Г. Фихте или «Слово к читателю», предпосланное Д. Юмом к третьему тому «Трактата о человеческой природе», где он, в частности, пишет:

«Я надеюсь, что она (эта книга. — А.Н.) будет понятна для обыкновенных читателей и не потребует большего внимания, чем то, которое обычно уделяется научным книгам»³⁴.

Именно такие «обыкновенные читатели» способны согласиться с его решением проблемы, принять его видение мира. Среди читателей философского произведения почти обязательно найдутся люди, духовный склад, темперамент, миро-созерцание которых близки личностным особенностям автора, и они с благодарностью примут философскую концепцию, в систематической форме представляющую близкие им мысли и чувства. Надежда на то, что такие читатели в конце концов найдутся, воодушевляет философа в его работе. Второй же вывод состоит в том, что оценка философского сочинения со стороны коллег-философов для автора в значительной мере безразлична. Лучшее, на что он может надеяться, это критика или хула. Самый худший вариант — равнодушное непонимание или столь же равнодушное одобрение. Но свою награду философ уже получил: сам процесс творческого самовыражения с его муками и радостями —

³⁴ Юм Д. Соч.: В 2 тт. М., 1965, т. 2, с. 601.

вот его награда, которую никто не может отнять. Так нужна ли другая?

4.7. О прогрессе в философии

Каждый философ представляет определенную эпоху, определенный слой людей с их интересами, желаниями, отношением к миру, в котором они живут. Выражая их мирозерцание в своих концепциях, философ вносит вклад в развитие культуры. Но прогрессирует ли сама философия?

Мы верим в прогресс научного познания, в то, что последующие теории дают нам все более полное и глубокое отображение внешней реальности, включая в себя элементы истины, содержащиеся в предшествующих теориях. В науке более поздняя теория превосходит своих предшественниц, она «снимает» и отбрасывает их или, по крайней мере, ограничивает сферу их применимости. Конечно, далеко не все согласятся с таким изображением развития науки, но, как мне представляется, в отечественной литературе оно пока является наиболее распространенным. Во всяком случае, сейчас уже никто не будет отстаивать представления Дж. К. Максвелла об атоме, теорию катастроф Ж. Кювье, теорию света И. Ньютона или даже теорию цилиндрической Вселенной А. Эйнштейна. Обо всех этих вещах сегодня наука знает гораздо больше, глубже, точнее. Простое соображение легко убеждает в этом: современный студент рассказал бы всем этим ученым об их собственных результатах гораздо точнее и проще, чем они это сделали сами. Конечно, это не заслуга студента, а результат прогресса науки.

По-видимому, прогресс такого рода не характерен для философии. Едва ли кто из нас может похвалиться тем, что в своих философских воззрениях безусловно превзошел Платона или Аристотеля, Декарта или Юма, Ницше или Бергсона. Трудно найти диалектика, который в своих диалектических рассуждениях был бы столь же тонок и глубок, как Гегель. А как далеко мы еще порой отстаем даже от Канта в своем понимании и решении гносеологических проблем! Поэтому в философии одновременно и параллельно сосуществуют концепции, созданные и сотни лет назад, и вчера. До сих пор жива философия Платона и Фомы Аквинского, Канта и Гегеля, Маха и Бергсона. Вот уже 150 лет существует и раз-

вивается философия марксизма. В конце 80-х гг. я написал статью под многозначительным (для того времени) названием «Переживет ли марксизм перестройку?». Я полагал тогда, что нет, не переживет. Это оказалось ошибкой. Конечно, та форма, которую марксизм получил в России за 70 лет его существования в качестве государственной идеологии, умерла. Однако в содержание учения, созданного Марксом и Энгельсом, вошло много «вечных» идей, увлекавших человечество на протяжении тысячелетий. Это было показано и в работах философов-марксистов, и в интереснейшей работе И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Поэтому марксизм еще долго будет существовать, меняя кожу. Вообще, каждая философская система живет до тех пор, пока находятся люди, мировосприятию которых она отвечает. И новая философская система не лишает ценности и притягательности ранее созданные концепции.

Все это говорит о том, что в философии нет прогресса в смысле углубления наших знаний. Однако вместо этого в ней имеется прогресс в простом, кумулятивном смысле: каждый новый результат добавляется к существующим, и общая сумма идей, точек зрения, возможных мировоззрений постоянно возрастает. Подобно математике, философия создает и постоянно увеличивает запас возможных мыслительных схем, конструкций, решений, не заботясь о том, понадобятся ли они кому-нибудь. И как абстрактная математическая структура, созданная в результате чистой игры математической мысли, однажды вдруг находит применение в естествознании и позволяет нам глубже понять мир, точно так же и ходы мысли, исследованные философом в качестве абстрактно возможных, однажды вдруг дают импульс к созданию научной теории или к социальным преобразованиям. Наука в своем прогрессивном развитии все время что-то уничтожает, отбрасывает, философия же — все сохраняет. И в этом отношении она похожа на искусство, в котором Данте и Шекспир, Гете и Толстой, Рафаэль и Ренуар всегда сохраняют свою ценность и всегда находят почитателей. Философская система есть тоже произведение человеческого гения, созданное не пером, не кистью, но еще более тонким инструментом — мыслью.

Конечно, накопленное богатство концепций и идей в каждый данный момент используется не полностью. Одни сис-

темы увлекают умы, другие — дремлют, незаметно питая создателей новых идей. Однако каждая историческая эпоха, любой социальный слой, каждый человек находят в философии идеи и концепции, помогающие им выработать собственное самосознание, найти собственное решение мировоззренческих проблем. И в этом — великая общественная ценность философии.

Глава 5. «ОСНОВНОЙ ВОПРОС» ФИЛОСОФИИ

Над какими же проблемами размышляет философ? В период монопольного господства в нашей стране марксистской философии главной и чуть ли не единственной философской проблемой считался так называемый «основной вопрос» философии.

«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей философии есть вопрос об отношении мышления к бытию...»³⁵

Все мы еще помним эти слова Энгельса. И многие из нас до сих пор убеждены в том, что это действительно так. Хотя все мы с большим или меньшим критицизмом относились к той философской системе, которая сложилась у нас в стране благодаря усилиям нескольких поколений советских философов, все-таки она оставила в наших душах свой неизгладимый отпечаток. При обсуждении самых разных проблем и событий мы продолжаем мыслить по-марксистски. По-видимому, это вполне естественно, и мне трудно понять человека, который еще вчера громил церкви, а сегодня со свечкой в руке стоит в храме. Это — политик, превзойти которого в лицемерии и подлости может только журналист. Философы не таковы. Если взглянуть на наши учебники по философии, то практически в каждом из них мы обнаружим все тот же «основной вопрос» философии и все следствия, вытекающие из его признания. Да что там учебники! Совсем недавно, в мае 2000 г., вышел толстый сборник учебных программ по всем разделам философии³⁶. Работа громадная и очень нужная, написанная ведущими философами Москвы и выпущенная под грифом Минобразования РФ и МГПУ. И там в общем разделе «Философия» и в разделе «История философии» присутствует «основной вопрос». По-

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 382.

³⁶ Философия. Сборник программ. М., 2000.

этому мне кажется оправданным уделить внимание обоснованию тезиса о том, что никакого особого «основного вопроса» в философии нет и не может быть. Мне бы не хотелось, чтобы этот раздел был истолкован как критика марксистской философии. Я вовсе не хочу пинать ногами мертвого льва. Моя цель — поколебать некоторые убеждения, которых искренне придерживаются мои друзья и коллеги. В частности, В. В. Лузгин, написавший весьма основательную и интересную книгу «Основной вопрос философии и природа философского знания». Казань, 1992. Основная мысль его работы выражена им прямо и ясно:

«В предлагаемой концепции особо выделяется роль основного вопроса философии, который понимается как своего рода эпицентр, к которому сходятся и от которого расходятся все нити действительно философских исследований. Соответственно этому последовательно проводится известная мысль о том, что основной вопрос философии выступает в качестве системообразующего (предметообразующего и структурообразующего) фактора философского знания»³⁷.

5.1. Логико-методологический анализ

Что мы имеем в виду, когда называем вопрос об отношении материи и сознания (бытия и мышления, природы и духа и т.п.) «основным вопросом» философии? Главным образом, то, что (1) каждая или почти каждая философская система отвечает на этот вопрос и (2) в каждой философской системе то или иное решение данного вопроса существенным образом влияет на решение всех остальных вопросов³⁸.

Отсюда непосредственно следует, что (3) с самого начала своего возникновения философия должна была им заниматься и вся история философии вращается вокруг вопроса о том, что первично: материя или сознание. Перечисленные утверждения, выражающие тот смысл, в котором вопрос об отно-

³⁷ Там же, с. 6.

³⁸ См.: Ойзерман Т. И. Главные философские направления. М., 1971, сс. 6, 9 и др. Я буду опираться на эту книгу, ибо обширный комплекс проблем, связанных с «основным вопросом» философии, освещен в ней с такой полнотой и ясностью, что, по сути дела, почти вся аргументация, приводимая ниже, уже в ней содержится.

шении мышления к бытию считается «основным вопросом» философии, столь очевидно неверны в глазах каждого человека, хоть сколько-нибудь знакомого с философией и ее историей, что люди со вкусом могли бы счесть попытку их опровержения банальной. Однако от бесконечного повторения эти утверждения приобрели, так сказать, прочность предрассудка в сознании многих отечественных философов — предрассудка, заслуживающего критики.

Провозглашение вопроса о соотношении мышления и бытия «основным вопросом» всей философии опирается на неявное предположение о том, что он имеет один и тот же смысл в каждой философской системе. В самом деле, если бы каждая система придавала ему свой специфический смысл, то мы не могли бы говорить об одном основном вопросе, ибо получили бы столько же разных вопросов, сколько имеем разных философских систем. Вместе с тем наш вопрос будет иметь один и тот же смысл только в том случае, если входящие в него термины «материя», «сознание», «мышление» сохраняют одно и то же значение во все времена и в системах всех мыслителей прошлого и настоящего. Таким образом, неизменность значений философских терминов — необходимое условие для того, чтобы вопрос об отношении мышления к бытию или какой-то другой вопрос мог претендовать на звание «основного вопроса» философии.

Если мы обратимся к работам, посвященным анализу научного познания, то увидим, что современные логико-методологические, историко-научные, лингвистические исследования (я имею в виду, в частности, работы Л. Витгенштейна, Н. Хэнсона, Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Джеммера, Д. Дэвидсона, М. Даммита и др.) показывают, что значения даже наиболее фундаментальных научных терминов изменяются с течением времени по мере развития научного знания. Например, такие термины, как «твердое тело», «масса», «биологический вид», «клетка» и т.п., сегодня имеют далеко не тот смысл, который придавала им наука XIX в., не говоря уже о более раннем периоде. Чем же обусловлено изменение значений научных терминов? Прежде всего, изменением наших теоретических представлений. Фундаментальные принципы научной теории оказывают существенное влияние на значение ее дескриптивных терминов, поэтому изменение

этих принципов приводит и к изменению значений терминов. Все это является непосредственным следствием того простого факта, что контекст, в который включается некоторый термин, следовательно, связи этого термина с другими терминами существенно влияют на его значение³⁹. Но если основоположения теории и ее контекст в целом влияют на значения входящих в нее терминов, то в разных теориях один и тот же термин будет приобретать различные значения. Тривиальный пример: значение термина «атом» у Эпикура, в атомистике Дж. Дальтона, в квантовой теории.

При обсуждении проблем, связанных с изменением значений научных терминов, речь идет, как правило, о сменяющихся одна другую теориях, т.е. о теориях, относящихся к одной и той же области, опирающихся на одни и те же факты, использующих одну и ту же или похожую экспериментальную технику и т.п. Поскольку изучаемые объекты, факты и приборы могут оказывать влияние на значение терминов теории, постольку вопрос о значении научных терминов оказывается весьма сложным, и, хотя изменение основоположений научных теорий несомненно изменяет значение научных терминов, насколько велико это изменение — вопрос дискуссионный.

К счастью, нам совсем не нужно вникать в эту дискуссию. В философии, как известно, нет ни наблюдений, ни экспериментальных данных, нет технических приложений, которые так осложняют картину в науке и ограничивают произвол теоретика. В философии трудно говорить даже о существовании определенной области исследования. Что же здесь есть? Мы замечаем лишь разнообразные философские системы, которые похожи на построения теоретиков в науке, но без тех ограничений со стороны эмпирии, с которыми вынужден считаться ученый. Но если нет ни эмпирических фактов, ни экспериментальных данных, ни общего технического базиса, способных влиять на значения философских терминов, то их значение определяется только и целиком основоположениями и контекстом философской системы. Следовательно, философские понятия, такие, как «суб-

³⁹ См.: *Петров В. В.* Структуры значения: логический анализ. Новосибирск, 1979; *Павиленис Р. И.* Проблема смысла. М., 1983, гл. II и др.

станция», «материя», «качество», «душа» и т.п., получают разные значения в различающихся философских системах. Нет и не может быть понятий, которые сохраняли бы одно и то же значение, переходя из одной системы в другую. Это изменение значений философских понятий хорошо известно каждому философу. Попробуйте высказать некоторое утверждение, скажем, с понятием «сущность». Вас тотчас же попросят уточнить, в каком смысле вы используете это понятие — в том, который придавал ему Спиноза или, быть может, Декарт, Локк или Гегель? Но в таком случае нет и утверждений, сохраняющих один и тот же смысл во всех философских контекстах, нет проблем и вопросов, одинаково понимаемых представителями разных философских школ, течений, направлений, ибо смысл утверждения определяется смыслом тех понятий, из которых оно состоит.

Все это непосредственно относится и к так называемому «основному вопросу» философии — вопросу о соотношении материи и сознания, бытия и мышления, духа и природы. Если мы признаем — не можем не признать, — что философские понятия, в том числе и понятия «материя», «сознание» и т.п., в разных философских системах приобретают различные значения, то мы вынуждены согласиться с тем, что вопрос о соотношении материи и сознания будет иметь специфический смысл в каждой философской системе, а в некоторых — вообще может оказаться бессмысленным. Например, Спиноза, считавший протяженность и мышление неотъемлемыми атрибутами вечной субстанции, которая мыслилась им как тождество Природы и Бога, пожал бы недоуменно плечами, услышав наш сакраментальный вопрос — ему было бы трудно на него ответить.

Таким образом, называя вопрос об отношении мышления к бытию «основным вопросом» философии, мы неявно предполагаем, что он сохраняет один и тот же смысл во всех философских системах. Однако факт изменения значений философских понятий показывает, что это предположение ошибочно.

Теперь второе. Мы утверждаем, что вопрос о соотношении материи и сознания является «основным вопросом» философии не только потому, что его вынуждена решать каждая философская система, но и потому, что его решение в

любой философской системе существенно влияет на рассмотрение всех остальных вопросов, т.е. во всех системах он занимает одно и то же место — главное. Последнее еще более очевидно неверно. Как безнадежно скучна была бы философия, если бы **каждый** философ — в любую эпоху и в любой стране — начинал с решения вопроса о соотношении материи и сознания, а затем двигался дальше по единообразной и общей для всех схеме! К счастью, ни одна философская система с этого не начинается — даже марксистская философия, если рассматривать ее в изложении ее создателей. Философ всегда начинает с проблем, актуальных в его стране в данную конкретную эпоху и субъективно интересных для него. Вспомним, что Маркс и Энгельс начинали с «Манифеста»! Ясно, что это могут быть совершенно разные проблемы, и они меняются с течением времени в связи с изменением общественных потребностей, интересов, традиций, данных науки и т.п.

Даже философов одной страны и одной эпохи могут интересовать разные проблемы благодаря различиям в их социальном окружении, воспитании, темпераменте и проч. Этим объясняется одновременное сосуществование представителей прагматизма, экзистенциализма, позитивизма и т.д. Решение интересующей философа проблемы обычно связано с новой интерпретацией некоторого круга философских понятий и утверждений. Причем своеобразие философской системы определяется не только ее исходным пунктом, но и манерой изложения и спецификой той области проблем и понятий, которую она освещает. Все это приводит к мысли о том, что в каждой философской системе имеется свой основной вопрос (быть может, несколько), решение которого оказывает влияние на истолкование и решение других вопросов, обсуждаемых в системе. И эти вопросы для разных систем неизбежно будут различными. Когда же они близки или похожи, то мы имеем дело с одной философской школой или одним направлением, в рамках которого создаются близкие философские системы. Громадное разнообразие философских систем убедительно доказывает, что вопрос о соотношении материи и сознания не может играть в них той роли, которую ему пытаются приписывать.

Здесь, правда, мне могут возразить: неважно, что философ субъективно не осознает и не рассматривает этой проблемы, объективно он ее все-таки решает, и его решение — пусть и не выраженное им самим в явном виде — оказывает подспудное, но мощное влияние на все, что он делает. Этот аргумент, который часто и по разным поводам использовался в советской философской литературе, многим представляется убедительным. Однако он далеко не так прост и очевиден, как может показаться на первый взгляд, а тех, кто слышал о «рациональных реконструкциях» истории, этот аргумент смещит своей вызывающей некорректностью.

В философии науки «рациональной реконструкцией» истории науки обычно называют процедуру выделения из хаоса исторических данных тех фактов, идей, гипотез, которые представляются существенными, и логическое соединение их в некоторую единую линию развития ⁴⁰. В основе такой реконструкции лежит определенная научная теория (или несколько признанных теорий), с точки зрения которой и производится оценка предшествующей истории: то, что содействовало становлению и укреплению господствующей теории, признается существенным и включается в рациональную историю; то, что вошло в опровергнутые концепции, исключается из рациональной реконструкции. Каждая новая теория, вытеснившая свою предшественницу, приводит к новой рациональной реконструкции, и каждый раз предшествующая история представляется как движение к высшей — наиболее полной, точной и т.п. — истине, которая воплощается, естественно, в новой теории. Применяя эти соображения к философии, мы немедленно увидим, что каждая философская система должна давать свою особую реконструкцию истории философии и оценку сосуществующих с ней систем. Ее фундаментальная проблема провозглашается «основным вопросом» всей философии, а все философские системы подразделяются на группы в зависимости от того или иного решения этой проблемы. Создатели и сторонники системы верят в то, что она дает «объективно» верный взгляд на мир. Интерпретируя со своей точки зрения взгляды других философов, они открывают в них «свои»

⁴⁰ См.: *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // *Структура и развитие науки*, М., 1978.

проблемы и какие-то их решения. Таким образом, «объективность» носит весьма относительный характер, и это понятие часто используется для прикрытия субъективной позиции. Лучше все-таки полагаться на то, что говорил и писал сам мыслитель, и не приписывать ему вещей, о которых он не думал и не мог думать.

Любая из фундаментальных философских проблем может выступить в роли «основного вопроса» философии, породить соответствующую классификационную схему и реконструкцию истории философии. Возьмите, скажем, проблему соотношения эмпирического и теоретического. Допустим, нашелся философ, который решил ее определенным образом и сделал найденное решение исходным пунктом своей философской системы. Наш философ может объявить проблему соотношения эмпирического и теоретического «основным вопросом» философии и утверждать, что все философы делятся на два больших лагеря — тех, кто решает эту проблему приблизительно так, как это сделал он сам, и тех, кто отстаивает противоположное решение, а главным содержанием истории философии является «борьба» этих двух лагерей. Ему нетрудно будет найти подтверждение своей схемы: противопоставление знания и мнения в античности; борьба рационализма и эмпиризма в философии Нового времени; спор между индуктивизмом и антииндуктивизмом в современной философии науки. Если же ему укажут на какого-либо мыслителя прошлых лет или современного философа, которые не касаются прямо этой проблемы, наш философ может находчиво ответить, что, хотя субъективно они не думали над этой проблемой, объективно они ее все-таки решали — последовательно или непоследовательно. И вы треснете, пытаясь доказать ему, что проблема соотношения эмпирического и теоретического вовсе не так важна, как ему представляется!

Поведем первый итог. Провозглашение вопроса о соотношении материи и сознания «основным вопросом» философии опирается на предположение о том, что этот вопрос решает каждая философская система и в каждой системе он занимает центральное место. Изменение значений философских понятий при переходе их из одной системы в другую и даже самое поверхностное представление о путях возникновения философских систем, их структурном и стилевом раз-

нообразии свидетельствуют о ложности этого предположения. Следовательно, вопрос об отношении материи и сознания не является «основным вопросом» философии. Это, вместе с тем, означает, что его обсуждение не может быть тем стержнем, вокруг которого вращается история философской мысли. (Читатель, безусловно, заметил, что я ничего не сказал о так называемой «второй стороне» основного вопроса философии — вопросе о познаваемости мира. Я полагаю, что последний вопрос представляет собой вполне самостоятельную проблему, решением которой в настоящее время занимается философия науки.)

5.2. Историческая справка

Если мы взглянем на историю европейской философии, то без особого труда увидим, что вопрос об отношении мышления к бытию редко интересовал философов. Для ионийских «физиологов» — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена — характерно «стремление найти «начало» всего сущего и с его помощью объяснить мир, человека и его место в космосе и социуме»⁴¹. Пифагорейцы заняты поисками числовых закономерностей, лежащих в основе природных явлений и процессов. Физиологи V в. до н.э. стараются понять возникновение и уничтожение вещей и т.д. Сократ занят, в основном, проблемами этики. Что же касается Платона и Аристотеля, то круг их интересов настолько обширен, что трудно указать проблему, которая была для них главной или основной. Во всяком случае, это не был вопрос о соотношении мышления и бытия:

«... Противоположность материализма и идеализма отчетливо вырисовывается лишь на высшей ступени развития древнегреческой философии. Но и в это время нет еще осознанной постановки основного философского вопроса»⁴².

В Средние века философия была поставлена на службу религии и теологии. Важнейшие мировоззренческие принципы, такие, как теоцентризм, креационизм, провиденциализм и т.п.⁴³, на которые опиралась средневековая евро-

⁴¹ Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985, с. 74.

⁴² Ойзерман Т. И. Главные философские направления, с. 41.

⁴³ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 389.

пейская философия, были сформулированы теологией и не подлежали обсуждению.

«Эта фундаментальная зависимость от религиозной идеологии не означала для философии полное ее растворение всегда и везде в религиозном сознании, но все же неизменно на протяжении всего периода определяла и специфику философских проблем, и выбор способов их разрешения» ⁴⁴.

Ясно, что в этих условиях вопрос об отношении мышления к бытию в философии просто не мог быть поставлен, ибо в определенном смысле он был предрешен теологией и не мог стать предметом философского анализа. Поэтому говорить о борьбе материализма с идеализмом в этот период совершенно бессмысленно, и, если мы хотим хоть что-то понять в развитии философии этого периода, нам следует отказаться от того, чтобы в решении вопроса об отношении мышления к бытию видеть главный критерий специфики взглядов того или иного мыслителя.

Что же касается философии Нового времени, то

«Гельвеций считал главным вопросом философии вопрос о сущности человеческого счастья, Руссо — вопрос о социальном неравенстве и путях его преодоления, Бэкон — вопрос о расширении могущества человека над природой посредством изобретений и т.д.» ⁴⁵.

По сути дела, вопрос об отношении мышления к бытию не только не был главным в философских системах Бэкона и Декарта, Спинозы и Гоббса, Локка и Лейбница, но он даже и не формулировался этими философами! Его формулировка появляется лишь в немецкой классической философии, из которой этот вопрос перешел в марксизм. Это обстоятельство хорошо известно историкам философии.

«Многие домарксистские и немарксистские философы, — пишет Т. И. Ойзерман, — не считают вопрос об отношении духовного к материальному основным вопросом философии. Для Бэкона, например, основной вопрос философии — это проблема овладения стихийными силами природы. Французский философ XX в. А. Камю полагал, что основной вопрос философии есть вопрос о том, стоит ли жить. Лишь немногие из

⁴⁴ Там же, с. 4.

⁴⁵ Философская энциклопедия, т. 4, с. 172.

философов, в первую очередь Гегель и Фейербах, близко подошли к правильной формулировке основного вопроса философии. Вычленение же основного вопроса философии и выяснение его роли в построении философских учений принадлежит Ф. Энгельсу»⁴⁶.

Аналогичный взгляд высказывает М. А. Киссель:

«Беда (разумеется, только для педанта от истории философии) заключается в том, что в разное время основной вопрос философии по-разному формулировался и почти никогда не звучал в виде сакраментальной формулы «что первично, что вторично». Более того, само осознание субъект-объектного отношения как основного вопроса философии есть продукт исторического развития философии и свойственно в полной мере только диалектическому материализму, хотя и было подготовлено немецкой классической философией»⁴⁷.

Все эти высказывания историков философии подтверждают сформулированный выше тезис о том, что каждая философская система ставит и решает свои собственные проблемы, а не один и тот же «основной вопрос».

Не изменилось положение и в XX в. Как и прежде, подавляющее большинство философов совершенно не касаются вопроса об отношении мышления к бытию, поэтому, когда мы пытаемся понять их воззрения, опираясь на порождаемую этим вопросом классификационную схему, мы, как правило, получаем чрезвычайно плоскую, бедную и искаженную картину — карикатурный образ врага, которого легко и приятно громить. Приведем в качестве иллюстрации идеи двух всем нам хорошо известных философов нашего времени.

Среди философов науки подлинных философов не так уж много, однако Карл Поппер, безусловно, заслуживает этого почетного наименования. Какое же место в его философских воззрениях занимает вопрос об отношении сознания к материи и к какому лагерю его можно отнести, если применить к нему нашу классификацию?

Прежде всего, он, кажется, нигде в своих работах не обсуждает вопроса о соотношении материи и сознания, а если и касается чего-то похожего, то в виде так называемой «mind-body problem», т.е. гораздо более конкретной проблемы со-

⁴⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 468.

⁴⁷ Киссель М. А. Судьба старой дилеммы. М., 1974, с. 5.

отношения психического и телесного. Основной же проблемой его философии, по собственному признанию Поппера, является «проблема познания мира, включая и нас самих (и наше знание) как часть этого мира»⁴⁸, или, более конкретно, проблема роста научного знания. Вот эта проблема и является основной для Поппера, и все содержание его философии есть не что иное, как развернутое решение именно этой проблемы.

Но как же он представляет себе внешний мир, так сказать, природу? Точно так же, как и мы, в полном соответствии с современными научными данными. Для него этот мир является несомненно и объективно существующим и обладающим предположительно той структурой, которую приписывает ему современная физика. Реально и объективно существует не только мир нашего повседневного опыта, но и мир молекул и атомов, квантов и электромагнитных полей — все это разные структурные уровни физического мира⁴⁹. Наше сознание представляет собой продукт этого мира. Вообще говоря, едва ли можно найти какие-то существенные различия между нашим пониманием природы мира, его структуры, фундаментальных свойств и пониманием Поппера.

Ну а как же его концепция «третьего мира» — мира объективного знания, — в которой некоторые философы усмотрели рецидив объективного идеализма? А как же его неверие в способность человечества найти истину — неверие, явно отдающее агностицизмом? Я не могу здесь останавливаться на анализе философии Поппера⁵⁰, скажу лишь, что только наше несчастное стремление загнать всех философов в навязываемую «основным вопросом» узкую и грубую схему заставляет нас видеть то, чего нет, и критиковать призраки, созданные нашим испуганным воображением. Концепция третьего мира выражает тот простой факт, что хотя наши понятия, теории, проблемы являются созданием того или иного конкретного ученого, однако, будучи выражены в языке, они в своем последующем существовании уже не зависят от отдельных людей и могут обнаружить свойства, о которых и не думал их создатель. И в этом смысле они «объ-

⁴⁸ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 35.

⁴⁹ Там же, с. 318.

⁵⁰ Отчасти это сделано в книге: Никифоров А. Л. Философия науки: История и методология. М., 1998, гл. 2.

ективны». Например, «Гамлет» и таблица химических элементов существуют, хотя Шекспир и Менделеев давно умерли, и каждое поколение открывает в этих созданиях человеческого ума все новые черты и стороны. Это тот вид существования, которым обладает содержание книг, таблиц, чертежей, библиотек и всех хранилищ информации. Его статус можно обсуждать и уточнять, но в признании существования такого рода нет ни грана идеализма. Это почти тривиальность.

Что же касается сомнений Поппера относительно нашей способности найти истину, то он имеет в виду некоторую окончательную истину, которая — будучи однажды установлена — навеки войдет в тело научного знания. И здесь его сомнения вполне понятны: где вы видели такие истины? (Кстати сказать, выступая летом 1988 г. в Брайтоне на Всемирном философском конгрессе, Поппер подчеркнул свою приверженность классической концепции истины и еще раз с благодарностью вспомнил А. Тарского, дружбу с которым он назвал «самой важной» в своей жизни:

«Именно Тарский внушил мне представление о логической ценности и плодотворности абсолютной и объективной истины, к которой по-видимому почти в одно и то же время пришли Тарский и Гедель. Эта теория объективной истины — истины как соответствия утверждения фактам и абсолютной истины: если точно сформулированное утверждение истинно в одном языке, то любой корректный перевод его на другой язык также будет истинным. Данная теория оказывается мощным бастионом, противостоящим релятивизму и всем его разновидностям. Она позволяет нам говорить о заблуждении и его устранении; о том, что мы ошибаемся, но способны учиться на наших ошибках, на наших заблуждениях; о науке как поиске истины»⁵¹.)

Так куда же нам зачислить Поппера: в материалисты? идеалисты? агностики? Конечно, при желании его можно втиснуть в любую из этих клеток, хотя ни в одну из них его воззрения не вмещаются.

Обратимся к еще одному известному ученому и философу XX в. — Пьеру Тейяру де Шардену. Казалось бы, что гово-

⁵¹ Поппер К. Р. Мир предрасположенностей. Два новых взгляда на причинность.

ритель: член Ордена Иисуса, теолог, ясно, что махровый идеалист. Однако тот, кто прочитал его «Феномен человека», вряд ли будет столь категоричен: место Тейяра в дихотомии «материализм — идеализм» весьма и весьма неясно. И это вполне естественно.

Тейяр не обсуждает «основного вопроса» философии. Он ученый, и для него совершенно несомненно существование мира, описываемого современной физикой и космологией. Правда, материю он отождествляет с веществом, но признает ее первичность по отношению к духу в том смысле, что в основе возникновения жизни и последующего появления человеческого разума лежит усложнение структуры материальных форм. Энергия отлична от вещества, от «материи» Тейяра, и образует «ткань универсума» — бесконечную и неуничтожимую основу мира. «Феномен человека» разворачивает перед нами величественную картину эволюции универсума, проходящего ряд усложняющихся форм от элементарных частиц до человеческих сообществ. Какое место занимает человек в этом ряду? Как оказалось возможным его появление? Какова его судьба в эволюции Вселенной? Вот основные вопросы философии Тейяра.

Пытаясь ответить на них, Тейяр вынужден допустить, что наряду с веществом, которое он называет «внешним» вещей, в них существует что-то «внутреннее». Дело в том, что он не может поверить в возникновение чего-то из ничего. Если у человека есть сознание, значит, у близких к человеку животных должно быть что-то похожее на сознание, и у примитивных животных организмов тоже должен быть какой-то бледный проблеск сознания, наконец, даже неорганическим структурам должно быть присуще, хотя бы в ничтожной степени, что-то такое, из чего впоследствии развивается сознание:

«Если рассматривать материю с самого низу, ... то обнаруживается, что эта первичная материя представляет собой нечто большее, чем кишение частиц, столь замечательно анализируемое современной физикой. Под этим первичным механическим слоем следует представить себе до крайности тонкий, но абсолютно необходимый для объяснения состояния космоса в последующие времена «биологический» слой. Для внутреннего, сознания и, значит, спонтанности (три выраже-

ния одного и того же) также невозможно опытным путем установить абсолютное начало, как и для любой другой линии универсума»⁵².

Таким образом, для Тейяра нет вопроса о том, что первично — материя или сознание, ибо в самых элементарных своих проявлениях материя несет зародыши последующей психики. Для того школярского материализма, который смотрит только на слова, не вникая в их смысл, это — не материализм. Но и идеализмом назвать концепцию Тейяра не поворачивается язык. Так что же это? Быть может, дуализм? Однако для Тейяра психическое не существует само по себе, в качестве самостоятельной субстанции, оно необходимо связано с веществом, является его атрибутом...

Вот так мы и путаемся в бесплодных и бессмысленных вопросах, пытаясь уложить в прокрустово ложе нашего примитивного схематизма таких философов, как Поппер или Тейяр де Шарден. Если философ никак не уместается в отведенной для него клетке, мы виним не схему, а философа и объявляем его непоследовательным путаником. Наука иногда пересматривает свои классификационные схемы, если обнаруживает факты, которые в них не укладываются. Почему бы и нам не отказаться от схемы, расходящейся с фактами истории и с логикой? Но для этого нужно отказаться от веры в «основной вопрос» философии...

⁵² Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1987, с. 55.

Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

6.1. Единство философии

Итак, попробуем согласиться с тем, что вопрос о соотношении материи и сознания — в том смысле, который придавала ему марксистская философия, — не является «основным вопросом» философии. Об этом говорит нам логика, об этом же свидетельствуют история и современная мировая философия. Однако из наших рассуждений можно вывести слишком сильный тезис: вообще нет и не может быть философской проблемы, которую могли бы решать несколько философских систем. Каждая философская система создает свои собственные понятия, формулирует специфические идеи и принципы, конструирует особую онтологическую структуру, короче говоря, выражает определенную точку зрения на мир, на человека, на взаимоотношения человека с миром. И с этой специфической точки зрения философская система способна увидеть только определенные проблемы, которым она придает свой смысл. Некоторые проблемы, сколь бы важными они ни представлялись сторонникам других систем, для данной философской концепции оказываются лишенными смысла, ибо в ее языке отсутствуют средства их выражения.

У неискушенного читателя многих учебников по истории философии (в том числе и у меня) складывается впечатление, что эта история есть ряд сменяющих друг друга во времени или сосуществующих философских систем: досократики — Платон — Аристотель — ... — Августин — Абельяр — Фома Аквинский — ... — Бэкон, Декарт — Спиноза — ... Юм — Кант — и т.д. И если каждый из этих мыслителей создает свой собственный взгляд на мир, то мы начинаем видеть в философских системах нечто похожее на лейбницеvские монады, замкнутые в себе и не имеющие никаких точек соприкосновения друг с другом. Как в концепции Куна представители разных парадигм говорят на разных языках и не способны понять друг друга, так и сторонники разных философских систем оказываются по разные стороны стены

непонимания. Конечно, в этом есть доля истины. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о том, что даже наши отечественные философы, специализирующиеся, скажем, в области философских вопросов естествознания и политической философии, с громадным трудом находят общий язык. В мае 2000 г. в Москву заезжал довольно известный американский философ Томас Нагель, занимающийся проблемами философии сознания. Он выступал и на философском факультете МГУ, и в Институте философии РАН, и, как мне показалось, никто так ничего и не понял из рассказанного им. Кто занимается переводами работ зарубежных философов, тот вполне оценивает глубину разделяющей нас пропасти, даже если мы размышляем над близкими проблемами. Что же говорить о философах, принадлежащих к разным философским направлениям!

К счастью, это не более чем доля истины, которую следует дополнить признанием того, что наряду с непониманием существует также и взаимопонимание между философами разных стран и эпох. Для объяснения этого факта мы должны согласиться с тем, что автономия философских систем не абсолютна. Что Платон — Декарт — Кант... — лишь высочайшие вершины колоссального горного массива, которые лишь издалека кажутся вполне изолированными. Если бы в философии существовали только отдельные концепции — каждая со своим языком, проблемами и т.п., — то философия как некая целостность, как сфера человеческого духа, отличная от науки, искусства, религии, не могла бы существовать. Но она, по-видимому, существует. И ее единство обеспечивается, прежде всего и главным образом, общностью, одинаковостью проблем, решаемых философскими системами. Философия — как миф и религия — уходит своими корнями в обыденное мировоззрение и решает те проблемы, которые встают перед любым человеком: что есть жизнь и смерть, свобода и счастье, добро и несправедливость? Эти вопросы на протяжении тысячелетий вставали перед людьми разных эпох, стран и народов, они являются, в некотором смысле, «вечными», и философы античности, Средневековья и Нового времени отвечали на эти вопросы. Этим-то в первую очередь и обеспечивается единство философии. Поскольку мировоззренческие проблемы — это проблемы обы-

денного сознания, то и средства для их постановки и решения уже заложены в повседневном языке, из которого философия черпает свои категории. Понятия науки на ранних этапах ее развития также берутся из повседневного языка, скажем, «сила», «скорость», «атом», «время», «звезда» и т.п. Однако очень скоро они почти полностью изменяют свои значения и дополняются новыми, неизвестными здравому смыслу понятиями: электрический ток, валентность, волновая функция, хромосома и т.п. Категории философии сохраняют связь с повседневным языком и в своем значении не могут далеко оторваться от здравого смысла. Ну конечно! Философ же создает систему мировоззрения для широкого круга людей, которым его основные идеи должны быть понятны, и он в своих философских поисках откликается на запросы своего времени, которые доходят до него через посредство обыденного мировоззрения. Вот эта общность проблем и связь языка философии с обыденным языком и служит той средой, в которую погружены философские системы и которая обеспечивает их относительное сходство и возможность коммуникации между их сторонниками.

Эта среда подобна эфиру классической физики или электромагнитному полю, по отношению к которому элементарные частицы, атомы, планеты и звезды, звездные острова — лишь редкие сингулярности, сгустки этого поля. Среда, окружающая философские системы, образуется традицией употребления философских понятий, полуспециализированным повседневным языком, набором мировоззренческих проблем. Каждая философская система оказывает влияние на эту среду, придавая какие-то новые элементы содержания известным понятиям и утверждениям, изменяя формулировки известных проблем, вводя и передавая последующим поколениям новые идеи и принципы, и духовное излучение давно умерших систем столетиями питает ее, подобно тому, как пронизывает пространство свет погасших звезд. Поскольку каждая новая философская система возникает в среде, созданной предшествующей историей и современными ей учениями, она в значительной мере усваивает значения философских понятий, формулировки и решения проблем. Поэтому представители даже далеко расходящихся философских направлений способ-

ны понять друг друга и оценить значение полученных ими результатов.

Потребности общества, интересы различных социальных групп, научные открытия или нашумевшие произведения искусства, наконец, значительные философские работы периодически вызывают колебания философского «эфира». В нем возбуждаются волны интереса к тем или иным проблемам, которыми вдруг начинают заниматься представители самых разных школ и направлений. В нашей стране, скажем, в последние годы чрезвычайно увеличился интерес к «русской идее», к вопросам сходства и различия цивилизаций, к национальным проблемам и т.п. Проблемы, актуальные в один период развития общества и философии, теряют свою актуальность в следующий период и сменяются новыми проблемами, решения которых ищут философское сообщество и представители различных философских систем.

Однако история философии свидетельствует также о том, что забытые проблемы иногда вновь возвращаются, отчасти изменяя свое содержание и получая новую формулировку. Можно указать несколько таких проблем, или «тем» (в смысле Холтона), которые, то отступая на некоторое время в тень, то вновь выходя на авансцену философских дискуссий, проходят пунктиром через всю историю философии, обеспечивая единство философской области. Философия — одна из тех областей человеческого духа, в которой практически отсутствует граница между настоящим и прошлым и история часто оказывается более актуальной, чем сама современность. Владимир Соловьев и Фридрих Ницше, Маркс и Гегель, Кант и Юм — полноправные участники современных философских дискуссий. К «вечным» темам философии можно отнести, в частности, проблему соотношения единого и многого, субъекта и объекта, знания и веры, проблему человеческой свободы, добра и зла и т.п. В разные периоды они обретали определенное конкретное содержание, то становясь предметом широкого обсуждения, то на века исчезая из поля зрения философов. Например, проблема взаимоотношений гражданина и государства обсуждалась еще Платоном; затем она всплывает в Новое время у Гоббса и Локка, Руссо и Монтескье; в XX в. эта проблема вновь становится одной из самых актуальных философских проблем.

Признав наличие в философии таких сквозных «тем», мы получаем гораздо более полнокровное представление об историко-философском процессе: ряд «тем», уходящих корнями в обыденное и религиозно-мифологическое сознание, пронизывает всю историческую ткань философии и, трансформируясь под влиянием общественной жизни той или иной эпохи в конкретные философские проблемы, дает импульс к возникновению различных философских систем, представляющих такое решение этих проблем, которое соответствует запросам данного времени, интересам тех или иных социальных групп и общему уровню развития общественного сознания. Опираясь на это представление, легко увидеть, что, когда мы сводим всю историю философии к борьбе материализма с идеализмом, мы, по сути дела, из всего многообразия различных философских «тем» выхватываем лишь одну и тем самым страшно обедняем и искажаем историю. Какое представление о музыкальном произведении в исполнении симфонического оркестра может составить человек, который из гармоничного звучания сотни инструментов слышит, скажем, лишь партию флейты? Он видит, как скрипачи взмахивают смычками, а трубачи надувают щеки, но полагает, что звучание их инструментов не слишком отличается от звуков флейты. Конечно, такого человека можно лишь пожалеть, но пожалеем же и себя...

6.2. Классификация философских проблем

Так какими же проблемами занимается философия? Что говорят об этом сами философы? И. Кант, которого обычно цитируют в учебниках, писал:

«Сферу философии... можно подвести под следующие вопросы: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?»⁵³

В. Вундт говорит о трех важнейших проблемах:

«...Развитие главнейших направлений философской мысли связывается с *тремя* основными проблемами: с *гносеологической, метафизической и этической*. Среди них разрешение гносеологической проблемы является предварительным условием

⁵³ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980, с. 332.

для разрешения двух других. Пока твердо не установлены происхождение, достоверность и границы познания, работа над метафизическими задачами уподобляется путешествию по морю без руля и парусов, а обсуждение этической проблемы лишается надежной опоры» 54.

Красноречивый Б. Рассел в своей «Истории западной философии» набрасывает целый ворох философских проблем и вопросов:

«Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи или он обладает независимыми способностями? Имеет ли вселенная какое либо единство или цель? Развивается ли вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой, — просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории» 55.

Если спросить у современных философов, над какими проблемами они размышляют, мы получим тьму самых разнообразных ответов.

Как нам ориентироваться в этой тьме? В чем найти основание для классификации множества философских проблем? И вот здесь начинаешь осознавать, что недаром столь многие и разные философы упорно продолжают говорить об «основном вопросе» философии. Вопросы, конечно, нет, но, по видимому, есть исходное и фундаментальное мировоззрен-

54 Вундт В. Введение в философию, сс. 214—215.

55 Рассел Б. История западной философии, сс. 6—7.

ческое отношение *я* к не-*я*. Для человека, осознавшего себя автономным самостоятельным существом, мир раскалывается на две части: *я* и не-*я*, т.е. все остальное, включая родных, близких и дальних, природу и общество. Здесь нет еще никакого вопроса, есть некоторая данность, противопоставленность *я* и всего остального, не-*я*. Когда Р. Авенариус говорил о «принципиальной координации» *я* и «среды», об их неразрывной связи, то с точки зрения науки он был, по-видимому, неправ, ибо наука стремится избавиться от *я* и описать мир таким, каков он есть независимо от *я*. Однако для мировоззрения, для философии это совершенно верно: мир, с которым имеет дело философ (как и всякий человек), это всегда не просто мир сам по себе, а обязательно среда его *я*.

Если признать, что исходным пунктом всякого мировоззрения — обыденного, мифологического, религиозного, философского — является расщепление мира на *я* и не-*я* («среду», «внешний мир» и т.п.), то это сразу же дает нам очевидное основание для классификации философских проблем. Все они в общем могут быть разделены на три большие группы: что есть мир? (онтологический вопрос); что есть *я*? (антропологический вопрос); каковы отношения между *я* и не-*я* (гносеологический, аксиологический, праксеологический и т.п. вопросы) Именно на них или на часть из них и отвечает каждая философская система.

1. Онтологический вопрос сразу же распадается на два вопроса: «Что есть физический мир (природа)?» и «Что есть социальный мир (общество)?» Общество противостоит индивиду как часть его не-*я*, причем часто даже еще более чуждое и враждебное ему, чем природа.

Собственно онтологический вопрос опять-таки расщепляется на целый ряд вопросов: конечен мир или бесконечен? Что такое движение? Лежит ли в основе видимого многообразия вещей некая единая основа, начало, субстанция? Какова природа этой субстанции (вот наш «основной вопрос!»)? Подчинено ли взаимодействие и изменение вещей каким-то законам? И т.д. Каждый из этих вопросов в свою очередь расщепляется на несколько дальнейших проблем, например: что такое бесконечность? Существует ли только потенциальная бесконечность или также актуальная? Проблемы ветвятся, пускают все новые побеги... Порой оказывается, что

некоторые из них можно уже решать научными методами, тогда они выпадают из сферы философии.

Точно так же расщепляется и социальная онтология: что такое общество? Что скрепляет его в некоторую целостность? Что такое деятельность? Каковы отношения между индивидом и государством? И т.п.

2. Антропологический вопрос включает в себя проблемы, связанные с пониманием человеческой личности, творчества, свободы, этических и эстетических категорий. Он расщепляется на проблемы этики, эстетики, праксеологии и т.д.

Здесь, правда, есть одна трудность, которая существенно осложняет классификацию философских проблем. Общество, социальная среда противостоят индивиду как нечто внешнее, как не-я. Это дает нам основание говорить о социальной онтологии. Однако все мы прекрасно понимаем, что общество, общественные отношения и учреждения в какой-то мере есть продукт сознательной деятельности человека, т.е. различных я. С другой стороны, и сама личность человека, его я, в огромной, если не в решающей степени формируется тем обществом, членом которого он является. Таким образом, философское рассмотрение общества часто оказывается рассмотрением человека, анализ общества есть в то же время анализ личности. Социальная онтология и антропология пересекаются, и разделить их проблематику порой невозможно.

3. Важнейшей проблемой, относящейся к взаимоотношениям я и не-я, является гносеологическая: что и как я могу знать? Она расщепляется на вопрос о познавательных способностях человека, об истине, о том, что такое знание, каковы методы познания и т.п. Все это достаточно хорошо известно.

Все эти проблемы тесно переплетены, решение одних часто существенно влияет на решение других. Иногда возникает вопрос: какие из них важнее? С решения или рассмотрения каких проблем надо начинать? Как мы уже видели, Вундт, следуя Канту, важнейшей считает гносеологическую проблему. Авторы большинства наших учебников по философии начинают с рассмотрения онтологической проблемы. Ричард Поупкин и Аврум Строл, авторы прекрасного вводного курса по философии ⁵⁶, начинают свое изложение с

этики и политической философии. Можно ли считать, что одни более правы, чем другие?

Нет, конечно. Начинать можно с чего угодно, но если ты стремишься к некоторой полноте рассмотрения сферы философии, то должен сказать о всех трех фундаментальных философских проблемах. Здесь, правда, следует учесть одно немаловажное обстоятельство. Мы уже не раз отмечали, что философия вырастает из обыденного мировоззрения и продолжает оставаться связанной с ним тысячью нитей. Изменение общественных интересов влияет на обыденное мировоззрение и делает актуальными те или иные мировоззренческие проблемы. И философ должен ответить на эти проблемы. Спросите современных философов, какие философские проблемы сейчас они считают наиболее интересными и важными? Таких проблем чрезвычайно много, и у каждого философа, по-видимому, имеется свое представление о том, какие именно философские проблемы являются наиболее актуальными сегодня.

Одни будут подчеркивать важность коммуникации между людьми и народами в нашу эпоху и выдвигать на первый план проблему понимания. Другие постараются обосновать значение науки для развития всех сторон общественной жизни и будут говорить о важности анализа научного знания, методов науки и способов его развития, о многообразных последствиях НТР. Третьи укажут на глобальные проблемы современности: проблемы войны и мира; экологические, демографические, национальные проблемы и т.п. Четвертые обратят внимание на всеобщее падение нравов и провозгласят, что на первое место должна быть поставлена этическая проблематика. Все эти философы будут правы: действительно, те проблемы, о которых они говорят, в самом деле важны и актуальны именно в наше время — сегодня, сейчас. Более того, это не просто академически интересные философские проблемы, от их решения в некотором смысле зависит само существование человечества. И перед отечественными философами — как и философами всего мира — стоит задача не только осознать наличие этих проблем, но и дать их решение. Все это обусловлено воздействием обыденного

⁵⁶ См.: Поупкин Р., Строл А. Философия. Вводный курс. М.—СПб., 1997.

мировоззрения, которое — в конце концов — сохраняется и у каждого философа, за исключением той области, в которой он профессионально работает. Поэтому, чтобы быть интересным и нужным читателю, рассказ о философии должен начинаться с общественно интересных проблем. Поупкин и Стролл нам это как раз и демонстрируют: этика и политика интересны и важны для современного американского общества — поэтому они с них и начинают «вводить в философию».

Теперь, кажется, мы можем ответить на вопрос о том, что же объединяет философию, философские системы в нечто цельное. Это общность философских проблем. И Аристотель размышлял над тем, как устроен мир и как мы его познаем, и Спиноза, и современные философы. Какими бы проблемами ни занимался тот или иной философ, сколь бы экзотичными они ни казались, он всегда может показать, что его проблема является дальним ответвлением одной из фундаментальных философских проблем: что есть мир? Что есть человек? Как я могу это узнать? Скажем, размышляете вы о взаимоотношениях политики и этики. Это связано с вопросом о понимании общественных отношений, природы нравственных ценностей, и в конечном итоге цепь приводит к вопросам: что такое социальный мир? Что есть человек?

Вот эта взаимосвязь «вечных» философских проблем и лежит в основе единства философской сферы.

6.3. История философии

Я не историк философии. Я плохо знаю историю и, что еще хуже, кажется, совершенно лишен чувства исторического. Когда историк читает труд мыслителя прошлого, он принимает во внимание труды его предшественников, видит, как постепенно вызревали те идеи, которые высказывает мыслитель. Одновременно он знает, что происходило с этими идеями в более поздние времена: как их критиковали, как они трансформировались у других философов, что от них, в конце концов, осталось нашему времени. Он учитывает обстоятельства создания труда и культурно-исторический контекст, элементом которого он явился в свое время. Короче говоря, историк наполняет кровью и жизнью

останки прошлого. Для меня же история не процесс, происходящий во времени, а ряд событий, упорядоченных в пространстве: Платон и Аристотель стоят подальше, Абельяр и Фома Аквинат — поближе, Кант и Гегель — еще ближе, а Рассел или Гадамер — совсем рядом. Все они даны мне одновременно, и к каждому из них я могу подойти с вопросом или критическим замечанием. Что делать! Нет во мне животворящей силы историка. Напротив, я умерщвляю философскую систему, подвешивая ее на дыбе собственного интереса: как она отвечает на занимающий меня вопрос? Плодотворен ответ или ведет в тупик?

«... Звуки мертвцев,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...»⁵⁷

Боюсь, однако, что этот недостаток присущ не только мне или пушкинскому Сальери. По-видимому, страдал им и Поппер, хотя в своем «Открытом обществе» дал обширный историко-философский обзор. Поэтому в отношении истории философии я позволю себе высказать лишь одно несмелое предположение.

Наши курсы по истории философии — это набор философских систем и взглядов тех или иных мыслителей. Экзаменационные вопросы в большинстве случаев имеют вид: «Философские воззрения такого-то». Я вовсе не хочу оспаривать ценности подобных курсов и вопросов. Но для работающего философа была бы, может быть, интересна еще и другая история философии — **история философских проблем**. Когда и кем была впервые осознана некоторая философская проблема? Как она решалась теми или иными мыслителями? Какие новые формулировки она получала в разные эпохи? На какие вопросы она расщеплялась? Ответ на такие вопросы порой чрезвычайно нужен философу. Меня не интересуют все воззрения Декарта или Гоббса, но, если я размышляю над каким-то вопросом, мне было бы интересно и полезно знать, как его решали эти выдающиеся мыслители.

Допустим, например, меня интересует вопрос о значении общих понятий, или «универсалий», как говорят философы, типа «стол», «человек», «растение» и т.п. Что они обо-

⁵⁷ Пушкин А. С. Моцарт и Сальери.

значают? К чему относятся? При рассмотрении этого вопроса мне было бы полезно узнать, что о понятиях впервые заговорил Сократ, что Платон считал их неизменными, вечными идеями, существующими в особом мире и порождающими, в некотором смысле, конкретные чувственно воспринимаемые вещи. А вот Аристотель полагал, что безусловным существованием обладают лишь конкретные вещи, а общее, воплощенное в понятии, не существует отдельно от них. Я бы с интересом почитал о спорах средневековых схоластов по поводу универсалий, о позициях реалистов, номиналистов, концептуалистов. Наконец, существенную помощь мне оказало бы знакомство с постановкой проблемы универсалий в первой половине XX в.: что и как обозначают предикатные знаки формальных систем? ⁵⁸ Вот такая история философии оказала бы неоценимую помощь любому философу. Кроме того, зная о связи рассматриваемого им вопроса с фундаментальными философскими проблемами, осознывая, ответвлением какой из них является его вопрос, философ смог бы гораздо лучше оценить свое место в общей сфере философских исследований.

С этой точки зрения мы можем теперь кое-что добавить и относительно развития философии. Выше мы отмечали, что развитие философии — подобно развитию искусства — есть кумулятивный процесс накопления все новых философских систем, новых систем мировоззрения. Но для проблемной истории философии дело обстоит иначе. Ее развитие, по видимому, лучше всего может быть описано с помощью схемы развития знания Поппера: проблема — ее предположительные решения — критика и отбрасывание предложенных решений — новая проблема. Удивительно, но схема Поппера скорее описывает не развитие науки, а именно философии! Здесь следует лишь добавить, что старые проблемы изменяют формулировки и, расщепляясь, порождают новые проблемы. И Лакатос в своей блестящей книжке «Доказательства и опровержения» на примере решений математической проблемы дал, в сущности, образец написания историко-философских работ.

⁵⁸ См. интереснейшую книгу: Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

6.4. Классификация философских систем и направлений

Марксистская философия классифицировала философов и создаваемые ими системы в соответствии с тем, как они отвечали на вопрос о первичности материи или сознания. Теперь мы ясно понимаем ограниченность этой классификации, ее неполноту, ее привязанность к одной из множества философских систем. Мы отмечали также, что, вообще говоря, каждый философ может по-своему классифицировать философские системы в зависимости от того, какой вопрос он считает самым важным для философии. Но можно ли подняться над частными точками зрения и дать классификацию философских систем с некоторой более высокой и общей точки зрения, не связывая себя с определенной философской системой?

Мне кажется, такая классификация невозможна. Каждая философская система решает какие-то проблемы, содержит какие-то утверждения, обладает множеством разнообразных черт. Для их классификации нам нужно выделить одни черты в качестве важных, существенных, другие — считать второстепенными, а это предполагает определенную точку зрения, определенную позицию. Поднявшись над всеми позициями и точками зрения, мы лишаем себя всякой опоры и всех ориентиров. «Объективная» классификация невозможна.

Но если нельзя классифицировать философские системы, то можно попробовать классифицировать **варианты (направления) решения философских проблем**. В сущности, именно это мы и делаем. Является ли основой мира одна или несколько субстанций? Варианты ответов дают нам монистические направления, дуализм и плюрализм. Если субстанция — одна, то какова ее природа? В качестве ответа получаем материализм и идеализм. Соединяя это с предыдущей характеристикой, получаем монистический материализм и монистический идеализм. Все ли в мире причинно обусловлено или нет? В качестве ответов имеем детерминизм и индетерминизм. Какая из наших познавательных способностей дает надежное, достоверное знание? Разные ответы дают эмпиризм, рационализм, мистицизм. Что есть истина? Классическое понимание, прагматизм, конвенционализм. И т. д.

Философы расходятся практически по любому философскому вопросу и лучшее, что мы можем сделать, — это схематизировать варианты возможных (или существующих) ответов. Но тогда различных философских направлений будет необозримо много, гораздо больше, чем самих проблем! По-видимому, так оно и есть. Мы, правда, не останавливаем своего внимания на расхождениях по поводу ничтожных вопросов и обычно говорим лишь о «главных» философских направлениях, но что считать «главным»? Это уж, как говорится, дело вкуса, моды, случайных исторических обстоятельств.

Теперь легко понять, почему так трудно и даже невозможно классифицировать философские системы и воззрения отдельных философов. Если философ всю жизнь отдал одному вопросу и дал его решение, то дело обстоит просто: можно сказать, что он идеалист, либо детерминист, либо конвенционалист и т.п. Но философская система или отдельный философ обычно обсуждает и решает множество философских проблем — одни так, другие — этак, и их невозможно загнать в какую-то одну клеточку. Лучшее, что мы можем сделать, это характеризовать позиции философа или его системы в решении тех или иных философских проблем. Мы обычно так и делаем! Мы и говорим, что, скажем, Декарт — дуалист в решении одного вопроса, рационалист — в решении другого, детерминист — в отношении третьего и т.д. По-видимому, имело бы смысл выделить варианты решения десятка — двух фундаментальных философских проблем и характеризовать взгляды философа или философской системы по тому, какие варианты ответов они разрабатывают.

6.5. О национальных особенностях философии

К сожалению, здесь я могу лишь задать вопрос, ответ на который требует, как мне кажется, специального и трудного исследования. А, может быть, на него давно ответили, и я просто не знаю этого ответа. Можно ли говорить о национальной философии? Если — да, то чем одна национальная философия отличается от другой?

Тем, кто считает философию наукой, такой вопрос покажется бессмысленным. Наука интернациональна, и говорить,

допустим, о французской или немецкой математике можно только в географическом смысле: и Феликс Клейн, и Анри Пуанкаре работали над одними и теми же проблемами, и получаемые ими результаты были важны и интересны для математиков всех стран и народов. То же самое с философией: ее проблемы и их решения равно важны и интересны для философов всех стран. Поэтому когда мы говорим об «английском эмпиризме», о «немецкой классической философии» или о «философии французского Просвещения», то имеем в виду только географическое разделение, временные рамки или, самое большее, языковые различия.

Но как только сформулируешь утверждение об интернациональном, общечеловеческом характере философии достаточно ясно и точно, так сразу же закрадывается сомнение: так ли уж оно верно? Вот, например, Гегель провозгласил прусскую монархию воплощением абсолютного духа. Возможно, у нас в России кое-кто из философов и мог бы увидеть в государстве нечто подобное. Но во Франции или в Англии трудно было бы найти философа, пропагандирующего такой тезис. Француз Огюст Конт изобрел позитивизм, однако во Франции позитивизм так и не прижился. Зато в Англии в лице Д.С. Милля и Г. Спенсера нашел горячих сторонников и пропагандистов. Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи выдумали прагматизм, но он так и остался философией США и не смог перебраться через Атлантический океан для завоевания Европы. Такого рода вещи приводят к мысли о том, что дело, видимо, не в одной географии или языке.

Будучи несколько смущен тем ответом, к которому толкала меня логика моих рассуждений, я искал какой-нибудь опоры для них и вдруг счастливо натолкнулся на весьма основательный труд Н.С. Юлиной по американской философии⁵⁹, из которого узнал, что американские философы вот уже сто лет обсуждают вопрос о том, отличается ли американская философия от европейской. И автор целую главу своей книги посвящает именно этому вопросу!

В частности, в 1980 г. в США был опубликован сборник «Два века философии в Америке».

«Вполне понятно, — отмечает Н.С. Юлина, — что выступавшие не могли не коснуться «особенностей американского

⁵⁹ Юлина Н.С. Очерки по философии в США. XX век. М., 1999.

философского опыта». В общем и целом они согласились, что такого феномена, как «американская философия», в том смысле, в каком это определение еще было применимо к прагматизму, больше не существует — американская мысль плюралистична и лучше говорить о «философии в США». Тем не менее принятие этого географического термина не уменьшает ощущение, что существуют некие особенности американской мысли, отличающие ее от европейской, и что разговор о них не беспредметен»⁶⁰.

Один из авторов этого сборника — философ Джон Смит отметил следующие особенности американской философии:

«Во-первых, восприимчивость к иному, открытость к входящим извне идеям, экспериментирование как особое мироотношение, получившее свое философское оформление, например, в прагматизме Дьюи. Во-вторых, изменение или «принятие всерьез времени». Это выразилось не только в особой восприимчивости американской мысли к теории Дарвина, но и особой чуткости к спектру философских проблем, связанных с развитием, изменением, длительностью, непрерывностью, а также в приверженности к антифундаменталистской стратегии в объяснении знания. В-третьих, релевантность или селекция тех или иных идей в соответствии с принципом активизма, насколько они являются «стоящими» для практического разрешения проблемных ситуаций»⁶¹.

Но если даже американская философия, которой нет еще и двухсот лет и которая находилась под постоянным воздействием иммигрантов из Европы, успела приобрести особые национальные черты, то сколь резкими и значительными должны быть особенности французской, немецкой, английской, русской философии!

Обсуждение национальных особенностей философии Н.С. Юлина совершенно справедливо связывает с пониманием природы философии, с решением дилеммы: «универсальна или контекстуальна (или коммунитарна) философия»?⁶² Для меня она конечно же «коммунитарна». Философия каждой эпохи и каждой страны очень тесно связана с обыденным мировоззрением страны и эпохи. И через обыденное мировоззре-

⁶⁰ Там же, с. 118.

⁶¹ Цит. по: Там же, с. 119.

⁶² Там же, с. 121.

ние в философию входят условия жизни, интересы, традиции, религиозные верования народа, представителем которого является тот или иной философ. И если уж протестантизм оказал влияние на становление капитализма, то как он мог не повлиять на философию? Католицизм и православие, христианство и мусульманство, буддизм и иудаизм, безусловно, влияли и влияют на мировоззрение философа, следовательно, на его философию. И подлинно крупный философ неизбежно в своих философских воззрениях отразит черты национального духа и своей эпохи.

По-видимому, проще всего национальные различия в философии увидеть в разнице обсуждаемых проблем. Хотя все философские проблемы так или иначе восходят к трем фундаментальным мировоззренческим вопросам, в разных странах они приобретают специфическую формулировку, и одни из них привлекают большее внимание, чем другие. Чтобы не ходить далеко за примерами, я сошлюсь на обширное сочинение австралийского философа Джона Пассмора «Сто лет философии»⁶³. Там нет и речи о философии вообще! Автор рассматривает развитие англо-американской философии за последнее столетие (начиная с выхода в свет в 1843 г. работы Д.С. Милля «Система логики»), упоминая о континентальной философии лишь в той мере, в какой она влияла на «островную» философию. И, конечно, ни малейшего упоминания о философской мысли в России, Китае, Индии, Латинской Америке. И что за проблемы интересовали англоязычных философов в течение этих ста лет? Эмпиризм, поиски Абсолюта, логика, прагматизм и т.п. Если вспомнить теперь, какими проблемами интересовалась русская философия в течение этого столетия, то легко увидеть очень существенную разницу двух национальных философий.

Но... на вопрос о том, национальна философия или интернациональна, Н.С. Юлина в своей книге осторожно отвечает формулой: «с одной стороны, с другой стороны»⁶⁴. Быть может, она и склонилась бы к признанию национального характера философии, но она — горячая сторонница так называемой «аналитической» философии, которая распростерла

⁶³ Пассмор Дж. Сто лет философии. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

⁶⁴ Юлина Н.С. Очерки..., с. 121.

свои крылья на два континента. Поэтому она вынуждена признавать и интернациональные направления в философии. И мне кажется, она права, хотя и не по тем основаниям, на которые опирается.

Всякая философия национальна, никакой безнациональной философии нет, как нет безнациональной литературы. Но, точно так же как трагическая любовь Ромео и Джульетты трогает сердца людей всех континентов, антиномии Канта, обозначающие границы разума в познании, интересны для всех философов, ибо говорят об «общечеловеческом разуме». В конце концов, мировоззренческие проблемы, над которыми размышляют философы, одни и те же для людей, где бы они ни жили. Национальные традиции влияют на выбор проблем и на их решения. Но эти решения могут быть важны и интересны для всех философов и способны находить сторонников в разных странах. Национальный дух, нашедший выражение в национальной философии, может предстать как грань общечеловеческого духа, тогда такая философия становится интернациональной.

Высказанные соображения отнюдь не претендуют на решение проблемы. Я хотел лишь привлечь внимание к этому вопросу и показать, что он имеет определенный смысл. (Кстати сказать, еще больший смысл имеет вопрос о специфике женской философии. Не знаю, как отнесутся к этому наши феминистки, но из тезиса о том, что философия есть мировоззрение, довольно очевидно следует, что философия мужчин должна отличаться от философии женщин. Интересно было бы выяснить, так ли это?)

Глава 7. ФИЛОСОФИЯ — ТЕОРИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Выше мы отмечали, что единство философии обеспечивается общностью фундаментальных мировоззренческих проблем, проходящих через всю историю философии и скрепляющих философское сообщество. Но дело не только в этом.

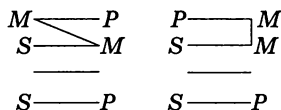
7.1. Два способа существования философии

Когда мы определили философию как мировоззрение, мы сразу же воздвигли перед собой трудность, с которой нам пришлось сражаться в предшествующей главе и которая так до конца и не была преодолена. Мировоззрение — это совокупность самых общих взглядов на мир и человека. Но дает ли философия, взятая в общем, что либо подобное? Увы, нет. Есть мировоззрение Платона, Декарта, Канта или Лейбница, выраженное ими в систематической форме, но нет и не может быть философского мировоззрения как такового, мировоззрения вообще. Ведь центром всякого мировоззрения является конкретный индивид! Таким образом, философия не существует в качестве некоего общего мировоззрения, она распадается на ряд мировоззренческих систем. Поэтому нам и пришлось искать основы единства философии как особой сферы человеческой деятельности. Мы указали на общность мировоззренческих проблем, обсуждаемых разными философами. Направления в их решении также объединяют философов в большие или меньшие группы — материалистов и идеалистов, эмпириков или рационалистов и т.п. Но главным является все-таки не это.

Философия существует не только в виде отдельных мировоззренческих систем, она существует также и как теория таких систем. Поскольку все мы в какой-то мере знакомы с аристотелевской логикой, я попробую пояснить свою мысль аналогией с логикой. Пусть нам даны два простых категорических силлогизма:

1. Все люди смертны	2. Все философы — мудры
<u>Все философы — люди</u>	<u>Некоторые политики не мудры</u>
Следовательно,	Следовательно,
все философы смертны	некоторые политики не философы

Обозначив термины этих силлогизмов соответственно буквами P и M , мы увидим, что первый из них построен по 1-й фигуре, а второй силлогизм — по 2-й фигуре:

Логика отвлекается от содержания наших рассуждений, выделяет их формальную структуру и исследует именно эти структуры. Она формулирует правила и принципы расположения P и M в посылках и выводе, устанавливает формальные требования, которым должны удовлетворять посылки корректного рассуждения, и т.д. В этом смысле логика есть теория рассуждения.

Приблизительно ту же роль играет философия в отношении мировоззренческих систем: она дает категориальный аппарат, который та или иная философская система наполняет конкретным содержанием. Конечно, категории сущности, субстанции, духа, материи, причины и т.п. в каждой конкретной философской системе приобретают специфическое содержание, причем разные философы придают им разное содержание. Однако каждая философская система оставляет в категории некоторый осадок содержания. Эти осадки наслаиваются друг на друга и образуют некоторое — пусть весьма бедное — содержание философской категории, независимое от той или философской системы. Конечно, любая категория, вырванная из контекста той или иной системы, превращается в сухую скорлупку, лишенную ядра, крови и жизни. Мы видели, что логика точно так же живые содержательные рассуждения превращает в сухие схемы. Но философия как теория мировоззрения изучает эти скорлупки и взаимоотношения между ними.

Возьмем для примера категорию «добра» ⁶⁵. Гедонистические системы определяют добро как то, «что доставляет

⁶⁵ Ниже я опираюсь на очень ясную книгу Р. Г. Апресяна «Идея морали». М., 1995.

наслаждение и ведет к нему»⁶⁶. Утилитаризм вкладывает в эту категорию свое содержание: добро — это то, что полезно. Этика перфекционизма говорит о добре как о нравственном самосовершенствовании, а альтруизм видит в добре любовь и милосердие к ближнему. Если вырвать категорию «добро» из контекста разнообразных этических систем, то что останется в содержании этой категории?

Философский словарь⁶⁷, если отбросить рассуждения, обусловленные конкретной философской системой (в данном случае — марксизмом), определяет «добро» как противоположность «зла» и как нечто нравственно-положительное, как благо. А вот заглянув в «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, мы обнаружим, что там «добро» истолковывается как положительное, хорошее, полезное.

Посмотрим теперь на категорию «сущность». Разные философы под сущностью понимали очень разные вещи: одни считали сущностью глубинную конечную основу вещей и мира вообще, другие говорили о сущностях разных порядков, третьи подчеркивали относительный характер сущности и т.д. В «Словаре русского языка» (Ожегова) читаем, что сущность есть «внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-нибудь». Однако с понятием «причины» дело обстоит несколько иначе. «Словарь русского языка» истолковывает «причину» как «явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления» Здесь, напротив, мы обнаруживаем почти буквальное воспроизведение смысла философской категории, взятое из философского словаря. О чем все это говорит?

Из этого простого наблюдения можно вывести несколько любопытных следствий. Во-первых, отмеченное сходство философских определений категорий с значениями слов повседневного языка говорит о тесной связи философии с обыденным мировоззрением. Философия отталкивается от обыденного мировоззрения, ее фундаментальные категории заимствуются из повседневного языка, и абстрактное содержание этих категорий сохраняет содержание обыденных понятий. И за тысячелетия своего развития философия очень

⁶⁶ Там же, с. 157.

⁶⁷ См. ст.: Добро и зло // Философский энциклопедический словарь.

немного добавила к обыденному содержанию многих философских категорий. Во-вторых, философия проясняет и уточняет значения категориальных слов повседневного языка. Понятие «сущность» в философии все-таки гораздо богаче повседневного использования этого слова. А вот наш последний пример говорит о непрерывном обмене между философией и обыденным мировоззрением. Содержание понятия «причина» обыденное мировоззрение заимствует из философии. Таким образом, на абстрактном уровне философия демонстрирует тесную и непрерывную связь с обыденным мировоззрением и здравым смыслом.

Теперь мы начинаем чувствовать, что концы с концами сходятся и узелки развязываются. Мысль о том, что философия существует в двух видах — в виде конкретных мировоззренческих систем и в виде абстрактной теории таких систем — кажется весьма плодотворной. Теперь мы понимаем, что именно абстрактные философские категории обеспечивают единство философии и являются основой коммуникации между представителями разных школ и направлений. Абстрактная, если можно так выразиться, философия дает концептуальный аппарат для формулировки философских проблем и их решений. Наполняя сухие философские категории собственным конкретным содержанием, философ, конечно, и проблемы, и решения формулирует своеобразно. Однако благодаря сохранению в категориях абстрактного содержания его проблемы и решения в какой-то мере могут быть поняты и оценены другими философами.

Мы начинаем понимать, что и разговоры о научности философии не совсем уж беспочвенны. Конечно, конкретная философская система — не наука, понятие истины к ее утверждениям не применимо, однако теория таких систем, устанавливающая общие соотношения между абстрактными категориями — сущностью и явлением, причиной и следствием и т.п. — уже гораздо ближе к науке и вполне может быть поставлена в один ряд с такими науками, как, например, математика. И с этой точки зрения многие философы, не стремящиеся к системосозиданию, разрабатывают какие-то проблемы на этом абстрактном уровне и имеют некоторые основания считать себя учеными. Они готовят инструментарий для обыденного мировоззрения и для создателей

мировоззренческих систем. В свое время я недооценил глубокой идеи нашего замечательного философа В. С. Швырева относительно того, что теоретический уровень научного знания связан с разработкой и совершенствованием концептуальных средств познания⁶⁸. А ведь эта мысль прямо применима к философии: мировоззренческие системы применяют концептуальный аппарат, разрабатываемый на абстрактном философском уровне. И многие взаимоотношения между теоретическим и эмпирическим знанием в науке будут воспроизводиться и в философии.

Теперь я наконец начинаю понимать, с чего нужно начинать преподавание философии: отталкиваясь от обыденного мировоззрения студентов, следует очертить круг фундаментальных мировоззренческих проблем и задать категориальные средства их формулировки. Обозначить области философского исследования как совокупность проблем, являющихся расщеплением одной из трех фундаментальных проблем мировоззрения, вместе с набором абстрактных категорий служащих для их формулировки и решения. Затем в самом общем виде изложить возможные решения этих проблем и тем самым обозначить важнейшие философские направления. Вот она, «философия вообще»! И лишь после всего этого переходить к рассмотрению какой-либо конкретной области философии, либо отдельной философской школы, либо даже отдельной философской системы — кому что нравится. Тогда студент получит общее представление о философии — и оно будет одинаковым для всех — и вдобавок более глубоко познакомится с какими-то проблемами или системами.

В сущности, здесь нет ничего нового. Когда некоторые авторы говорят о «теоретической философии», по-видимому, они имеют в виду уровень философствования, оторванный от конкретных философских систем и направлений. Мне не нравится слово «теоретический» в применении к философии. Но, может быть, это предубеждение, и имеет смысл говорить о «теоретической» и «практической» философии — практической в том смысле, что она выражена в конкретной философской системе, служащей мировоззренческой ос-

⁶⁸ См.: Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

новой жизнедеятельности тех или иных людей. В этом смысле философия Спенсера или Ницше будет практической философией. Многие наши учебники по философии строятся именно таким образом или почти таким. Однако, как мне представляется, до сих пор это основывается на традиции и интуиции, а не на осознанном замысле.

Однако самое главное заключается в том, что только здесь я стал осознавать, какой чудовищный промах я едва не совершил. Завороженный сиянием горных вершин философии — философских систем, я совсем не замечал основной философской работы, которая как раз и осуществляется на этом абстрактном уровне. Вину за этот промах отчасти могли бы разделить со мной наши историки философии, у которых я учился. Что мы находим в последней и, по-видимому, лучшей на сегодняшний день истории философии? ⁶⁹ В основном великие имена и великие системы. А ведь большинство из нас не создает мировоззренческих систем, а разрабатывает конкретные проблемы философии. Когда В.В. Ильин рассматривает критерии научности, он пытается выделить именно общезначимые принципы. Когда Е.А. Мамчур анализирует проблему несоизмеримости научных теорий, она взвешивает аргументы «за» и «против» и, опираясь на свое знание конкретных наук, пытается сформулировать проблему в точном абстрактном виде и оценить следствия тех или иных ее решений. Когда Л.Б. Баженов обсуждает структуру и функции естественно-научных теорий, он дает «сухой остаток» десятков разных воззрений и точек зрения на этот вопрос. Я мог бы продолжать до бесконечности, но это значило бы перечислить всех работающих философов и их проблемы. Иногда это не проблемы, а отдельные категории. Например, М.М. Новоселов всю жизнь посвятил размышлениям о природе абстракций и о вопросах, встающих в связи с их истолкованием.

Теперь я отчетливо увидел главный порок всего предшествующего изложения: оно ориентировано на философские системы и их свойства. А работа скромных тружеников философии — моя работа! — никак не была учтена, хотя она то и дает жизнь философии как целому. Следовало бы пере-

⁶⁹ История философии: Запад — Россия — Восток. Кн. 1—4 / Мотрошилова Н. В. (ред.). М., 1995 — 1999.

писать всю книжку с новой точки зрения, но я не стал этого делать: пусть читатель получит еще один пример философского исследования и оценит, как далеко может завести философа изначально ущербная позиция. «Мысль, куда влечешь ты меня?»

Нас десятки лет зачисляли в диалектические материалисты. Теперь я понимаю, что многие из нас ими не были. Занимаясь конкретными проблемами, мы учитывали все их решения, откуда бы они ни приходили, и старались найти свое, не карабкаясь в мировоззренческие выси. По своему мировоззрению мы были позитивистами, экзистенциалистами, идеалистами, но это редко сказывалось в наших решениях рассматриваемых вопросов. Именно эта работа на абстрактном, надсистемном уровне и создает «тело» философии — ее категориальный аппарат и формулировки проблем. И она может считаться научной, ибо ее результаты носят интернациональный характер. Такая не очень заметная деятельность сотен философов готовит материал для возведения стройных философских систем. (Без работы Юма не было бы Канта (некому было бы разбудить!), а Юма не было бы без Беркли и Локка, а также других, не столь широко известных эмпириков.)

7.2. Области философского исследования

По-видимому, несколько слов нужно сказать о сферах философского исследования, хотя этот вопрос заслуживает, конечно, более серьезного рассмотрения.

До сих пор на полубессознательном уровне удерживается традиционное представление о том, что философия включает в себя три основные области: онтологию — учение о бытии, гносеологию — учение о познании и логику — учение о мышлении. Это представление давным-давно устарело и, по-видимому, его следует отбросить. В самом деле, логика вот уже более ста лет как превратилась в самостоятельную дисциплину, и далеко не все философы с ней знакомы. Что касается онтологии, то большинство философов принимают современную научную картину мира, к которой философия мало что может добавить. Конечно, и в XX в. находились мыслители, создававшие онтологические картины, напри-

мер Тейяр де Шарден, А. Уайтхед или Л. Витгенштейн периода «Трактата». Но все эти попытки не привлекли внимания философского сообщества в качестве описания подлинной структуры реальности, хотя в других отношениях оказались чрезвычайно интересными. Возможно, интерес к метафизике и онтологии оживится либо в связи с развитием науки, либо в связи с осмыслением идей восточной философии и мифологии, либо еще по каким либо причинам. Однако в настоящее время я не вижу большого смысла в философских разговорах о бытии и в онтологических категориях — пространство, время, движение, материя, сущность, субстанция, количество, качество и т.п. Во всяком случае, в учебном курсе я не хотел бы тратить время на их рассмотрение.

Так, может быть, Ф. Энгельс был не так уж неправ, утверждая, что от всей предшествующей философии остается лишь диалектика и учение о познании? Действительно, в XX в. гносеология была важнейшей областью философских исследований. Здесь сформировалась особая «философия науки», результаты которой получили всеобщее признание и вошли в фундамент философского образования. Однако чем ближе к концу века, тем большее внимание стала привлекать философия человека. Демографические взрывы, мировые войны, экологические кризисы, с одной стороны, персоналистские, экзистенциалистские, герменевтические школы — с другой, постепенно сделали центром мировоззренческих интересов человека и общество. Уже и гносеологическая проблематика отходит на второй план, и к философии науки стремительно падает интерес, и все громче и настойчивее звучит вопрос: что же есть человек? Для чего он живет? Что есть общество? Как оно развивается? Как совместить национальную разделенность с интересами всего человечества? Что есть прогресс? И т.д. Давно пора! Читая ныне рассуждения Платона и Аристотеля об устройстве мира, о физических явлениях, о стихиях или биологических организмах, можно только снисходительно улыбнуться: как далеко с тех пор ушли физика, астрономия, химия, биология! Но читая их рассуждения о государстве, политике, о правах и добродетелях гражданина, о собственности, поражаешься тому, что в понимании общества и человека мы очень мало добавили к их

воззрениям. Наше знание природы и наши технические возможности в колоссальной степени превосходят наше знание общественных явлений и наше умение организовать общественную жизнь. Сейчас этот разрыв становится катастрофическим. И именно это тревожит ныне обыденное сознание миллионов людей и требует философского осмысления.

По-видимому, место традиционной онтологии, метафизики должна занять социальная онтология — учение о социальном бытии. И первыми философскими категориями должны быть категории социальной философии: общество, нация, государство, деятельность, производство, право, власть, политика и т.п. А над этим базисом должны надстраиваться категории философской антропологии: личность, творчество, свобода, добро и зло, смысл жизни, смерть и бессмертие и т.п. И рассмотрение проблем общественной жизни и личности должно занять место наших прежних разговоров о переходе количества в качество, о первичности материи, о пространстве и времени. Короче говоря, философская антропология и социальная философия — вот что занимает место традиционных философских областей.

Я с грустью прихожу к этому выводу, ибо всю жизнь посвятил проблемам логики, теории познания, философии науки и на новом этапе развития философской мысли, скорее всего, окажусь на обочине ее магистрального пути.

Глава 8. ФИЛОСОФИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Оставим, наконец, рассуждения. Быть может, для понимания природы философии стоит обратиться к личности философа, посмотреть, что это за человек, чем живет?

Философия — удивительная вещь! Занятия ею ни для кого не проходят бесследно. Можно поработать слесарем или инженером, трактористом или бухгалтером и остаться все таким же, каким ты был до этого. Но некоторые виды деятельности, даже если занимаешься ими ради получения средств к существованию, накладывают на человека столь глубокий отпечаток, что изменяют внутреннюю структуру его личности. Такова, на мой взгляд, философия. Это не профессия, хотя существуют профессиональные философы. Это — образ жизни. И если верно, что философия создается философами, то столь же верно, что философ — продукт философии. Поэтому посмотрите на философа, на сборища философов — и вы лучше станете понимать, что такое философия.

Начать с того, что философ значительную часть своей жизни проводит в «саду Эпикура» — в полувоображаемом, полуреальном мире своих любимых мыслителей. Это неизбежно. У каждого философа свой «сад» и своя компания. Для меня это — нечто вроде средневекового города с величественными соборами и великолепными дворцами громадных философских систем, между которыми теснятся скромные хижинки и часовенки менее значительных мыслителей. Улицы, улочки, переулки моего города — философские проблемы, дома по сторонам улиц — их решения. В городе множество кварталов: вдали сверкают мраморные дворцы античности — Парфенон Платона, Колизей Цицерона и Сенеки; ближе — квартал эмпириков, напротив которых живут рационалисты. Отгородились забором диалектики — гегельянцы и в клубах дыма и тумана превращают бытие в ничто, а из ничто — к удивлению газетной публики — извлекают

нечто. Их ругательски ругает желчный волевой старик Шопенгауэр. Интересно! Возле огромного камня стоит и чешет в затылке Уайтхед: вот ведь — создал камень, который ни сам он, ни все его комментаторы не могут поднять! А на поляне горланят молодые логические позитивисты — Венский кружок во главе со своим профессором Шликом. Кидают камни в окна соседних домов и дружески чокаются с единомышленниками из Берлина, Варшавы, Лондона. Вот бы удивились Эрнст Мах и Людвиг Больцман, увидев такой бедлам на своей бывшей кафедре!

Приятно побродить по улицам этого города. Заглянуть в монастырь Сен-Дени и поговорить с Абеляром об «истории его бедствий», о любви, об Элоизе. Встретить Раймунда Луллия, назойливо расхваливающего свою нелепую логическую машину и не подозревающего о том, что через четыре сотни лет великий Лейбниц одобрительно отзовется о его идее. А что сказал бы сам Лейбниц, узнав о результатах Геделя? Он, без сомнения, понял бы их и вполне бы смог оценить их значение для своей «всеобщей характеристики». Очень поучительно побеседовать с респектабельным английским джентльменом Джоном Стюартом Миллем — все знает, все понимает, терпелив и снисходителен.

Этот город странным образом пересекается с реальным миром. Некоторые его обитатели кажутся более живыми, чем многие из ныне живущих людей. А кое-кто из ныне здравствующих философов уже оказывается жителем этого воображаемого мира. Здесь возможны необычайные и даже поразительные вещи. Встречаешь знакомого тебе молодого человека, прогуливающегося под руку с Георгом Кантором невдалеке от психиатрической лечебницы: беседуют, пытаются понять актуальную бесконечность. А вот краса и гордость философского факультета, сводившая когда-то с ума профессоров и студентов, хохочет и напропалую кокетничает то с Хайдеггером, то с Гадамером, а сзади уныло плетутся Дильтей с Виндельбандом — к ним она уже охладела. Известный исследователь магии и колдовства вместе с африканским шаманом развешивает кишки на дереве, чтобы оценить влияние этой процедуры на погоду. Свернув за угол, налетаешь на толстого и веселого знатока алхимии. По-видимому, он нашел-таки свой философский камень, потому

что по любому вопросу всегда может и хочет сказать что-то интересное. И, встречая В. Ф. Асмуса, я раскланиваюсь с ним точно так же, как раскланиваюсь с Т. И. Ойзерманом, когда он заходит в Институт [философии РАН].

Жизнь в этом философском мире с течением времени придает философу черты, которые, быть может, и не были свойственны ему как отцу семейства и университетскому преподавателю. Он обретает скромность и трезвость самооценки: привыкнув соотносить результаты своих размышлений с достижениями великих мужей прошлого, он понимает, насколько слаба и стереотипна его мысль, как ничтожны его успехи, как микроскопически мало они добавляют (если вообще добавляют!) к колоссальному наследию прошлого. Он теряет всякую самоуверенность и обретает драгоценное свойство сомнения: уж если заблуждались и говорили глупости такие люди, как Декарт или Гегель, то как я могу быть уверен в том, что мне удалось сказать что-то разумное, доброе, вечное?! Поэтому всякий фанатизм, всякие претензии на обладание конечной (или какой-либо) истиной в философии ему смешны и отвратительны. Конечно, быть может, интересно читать отцов церкви или Фому Аквината, но разговаривать с ними было бы, боюсь, невозможно. Зная по собственному опыту, каких чудовищных усилий требует хотя бы небольшое продвижение в рассмотрении той или иной философской проблемы, философ с сочувственным пониманием воспринимает работы своих коллег и всегда готов радостно приветствовать новую мысль, оригинальное построение, даже если относится к ним критически. И не имеет значения, кто высказал эту новую мысль — молодой аспирант или маститый академик: перед лицом вечности все равны.

Ощущая себя каплей тысячелетнего потока философской мысли, философ нечувствителен к суете сегодняшнего дня, к переменам моды, к газетной шумихе. Ему смешны газетно-телевизионные кумиры, сиюминутные витии и вожди. Он помнит блистательные филиппики Демосфена, отточенные речи Цицерона, громоподобные выступления Мирабо и Дантона, и его не соблазняет косноязычное бормотание современных политиков и государственных деятелей. Мелкие заботы повседневности предстают в своем подлинном ничтожном значении, когда смотришь на них с высоты звезд.

Философ, по-видимому, самый свободный человек в этом мире. Даже ученый в своем творчестве вынужден считаться с фундаментальными принципами естествознания и признанными теориями, в противном случае его выкинут из научного сообщества. Только философ не знает никаких ограничений. Он играет в понятия, в мысли и сам устанавливает правила игры. Две тысячи лет философы признавали одну, две, ну, пять субстанций. Казалось, куда больше? Приходит Лейбниц и строит мир монад, в котором каждая монада — особая субстанция. Аристотель сформулировал законы мышления, которые считались и законами бытия: тождества, непротиворечивости, исключенного третьего. Гегель отбрасывает эти законы и заявляет, что нет никакого тождества и всякая вещь разрывается противоречиями.

Это восхитительное чувство абсолютной свободы делает игру в философию захватывающе интересным занятием, которому философ предается с упоением мальчишки, с утра до вечера гоняющего во дворе мяч или прилипшего к игровому автомату. Конечно, философ внушает окружающим, что он «работает», сидя за столом, и с недовольным видом отправляется в магазин или моет посуду. На самом же деле он тянется к философии как к любимому и тайному пороку и счастлив за своим письменным столом. Поэтому он всегда весел, доброжелателен и немного сочувствует окружающим: у них ведь нет такой увлекательной игры!

Где это вы видели таких философов? — недоверчиво спросите вы меня. Верно, конечно. Часто лишь в своих книгах философ таков, каким я его вижу. А в жизни это живой человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Свое философское мировоззрение философ выражает в своих произведениях, а в живом его сознании философия совмещается с обыденным и даже с религиозным мировоззрением. И руководствуясь житейскими целями и страстями, философ делает карьеру и зарабатывает деньги, он может быть мелочен и обидчив, суеверен и суетлив...

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;

Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он» ⁷⁰

Однако даже и «в заботах суетного света» он порой вдруг замирает, увидев какую-нибудь бабочку, присевшую на цветок. Сколько миллиардов живых существ прошло через отбор и борьбу за существование, сколько миллионов лет трудилась природа для того, чтобы создать это трепетное сверкающее чудо?! И спешит он отойти подальше, смущаясь своей грубой тяжеловесности. Да, как только философ возвращается к философии, с него сползают липкие мелочи повседневности, он становится похож на тех великих тружеников мысли, которых любит и с которыми беседует в своем «саду Эпикура».

⁷⁰ Пушкин А. С. Поэт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТВЕТ

Перечитав работу, с огорчением замечаю, что опять — в который раз! — получилось не совсем то, чего бы я хотел. Как заметил некий государственный деятель: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда!» В ней я вижу по крайней мере два существенных недостатка, один из которых я устранить уже не в силах, а другой попробую все-таки смягчить.

Непонятно, для кого все это написано. Начинать я писать для студентов, поэтому на первых страницах проступает этакая легкомысленная веселость, но незаметно для себя стал обращаться к преподавателям и стал серьезнее. Теперь первые могут счесть эту книжку излишне заумной, вторые — слишком тривиальной. Это приводит меня в уныние, но переписывать ее в настоящее время у меня нет ни сил, ни времени.

К сожалению, мне так и не удалось придать тексту кристальной ясности горного хрусталя. Боюсь, в нем немало путаных, туманных рассуждений. Отнюдь не все мне и самому ясно. Надо бы еще подумать, но я не Жан Мелье и еще не пишу «Завещания». Поэтому попробую в виде кратких тезисов выразить свой ответ на вопрос: «Что такое философия?»

1. Философия — это не религия, не искусство, не наука. Философия есть мировоззрение — рациональная система общих взглядов на мир, на себя, на свое место в этом мире. Философия вырастает из обыденного и религиозно-мифологического мировоззрения и сохраняет с ними тесную связь на протяжении всей своей истории. Налагаясь на внешний мир, философское мировоззрение наполняет его личностным смыслом и делает его понятным.

2. Понятие истины к философским утверждениям и системам не применимо. Философия не есть ни вера, ни знание, она представляет собой субъективное мнение.

3. В философии нет какого-то одного «основного вопроса». Каждая философская система решает свои проблемы, выделяет свои основные вопросы и с точки зрения этих вопросов оценивает предшествующую историю.

4. Однако есть фундаментальное мировоззренческое отношение *я* к не-*я*, или человека к миру. Это отношение является исходным пунктом обыденного мировоззрения, мифа, религии и философии. Это фундаментальное отношение порождает три важнейшие проблемы: что есть мир? что есть человек? каковы отношения человека к миру? Именно эти три проблемы являются «вечными» проблемами философии (и всякого мировоззрения) и, расщепляясь на более конкретные вопросы, порождают весь спектр философских проблем.

5. В качестве мировоззрения философия распадается на ряд философских систем. Но она существует еще и как теория таких систем, как теория мировоззрения, вырабатывающая концептуальные средства для формулировки и решения философских проблем, для построения философских систем. Основная деятельность большинства философов осуществляется именно на этом уровне. Единство философии обеспечивается универсальной общностью ее проблем и общностью теоретического концептуального аппарата.

В защиту этих тезисов мне удалось, я надеюсь, привести некоторые аргументы, заслуживающие критического внимания.

С удивлением обнаружил, как много во мне попперианства и как прочно сидит в моем языке марксистская фразеология. Однако особую благодарность я хотел бы высказать старшему научному сотруднику Института философии РАН Л. Б. Макеевой, которая терпеливо выслушивала мои бессвязные рассуждения и своими замечаниями содействовала их прояснению, а также известному издателю философской литературы О. Назаровой, принявшей на себя риск издания этой книги.

Наконец, хочу назвать работы, на которые я существенно опирался и из которых многое для себя извлек.

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Диалектический материализм. М., 1987.

2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1996.

3. Введение в философию. М., 1989.
4. Вундт В. Введение в философию. М., 1998.
5. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия. М., 1999.
6. Лузгин В.В. Основной вопрос философии и природа философского знания. Казань, 1992.
7. Поупкин Р., Строл А. Философия. М.—СПб., 1997.
8. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основы философии

Имеется много прекрасных «введений» в философию и учебных пособий по философии. Некоторые из них я использовал выше. Однако все они — как отечественные, так и зарубежные — страдают одним существенным недостатком: они двусмысленны и даже противоречивы. Я прошу прощения у их авторов за столь дерзкое утверждение, но, увы, это так: почти все они трактуют философию и как науку, и как мировоззрение, а эти два истолкования несовместимы. Наука интерсубъективна, мировоззрение всегда субъективно; научное знание истинно или ложно, мировоззрение не допускает истинностной оценки; наука описывает внешний для нас объект, стремясь вытравить все следы субъективности, мировоззрение выражает особенности своего субъекта. Следует выбрать одну из этих позиций: либо философия — наука, либо она — мировоззрение. Я выбрал второе.

Но если так, то в чем тогда должна состоять цель преподавания философии или знакомства с ней? Конечно, интересно и важно познакомиться с мировоззрением Платона или Спенсера, но такое удовольствие не для всех, поэтому это отнюдь не главное. Важнейшая *цель знакомства с философией* заключается, на мой взгляд, в том, чтобы человек прояснил, уточнил, систематизировал свои собственные мировоззренческие понятия и принципы. Как сказали бы логические позитивисты, изучение философии должно **эксплицитировать** смутные мировоззренческие понятия здравого смысла. И если этому помогает знакомство с Аристотелем, Гегелем или Хайдеггером, то слава Богу! Однако уточнение собственного мировоззрения посредством изучения множества мировоззренческих систем мне представляется чрезмерно длинным и сложным путем. Для большинства нормальных работающих людей, обремененных многочисленными заботами, он не подходит. Им нужно дать выжимку, квинтэссенцию сотен философских систем, созданных на протяжении тысячелетий. И мне кажется, этот экстракт заклю-

чен в философских категориях, формулировках проблем и самых общих их решениях.

Набор философских категорий, проблем и решений я называю основами философии и философствования. Каждый создатель философской системы или исследователь какой-либо проблемы использует эти категории. И каждый человек, усвоивший их, сможет более точно и ясно сформулировать принципы своего собственного мировоззрения.

Чтобы не ограничиваться голыми призывами и дать пищу для критики, я попытаюсь — по необходимости очень сжато — изложить эти основы философии так, как если бы я читал *некоторый вводный курс*. (Предполагая, что разговор о предмете философии уже состоялся.)

1. Мир

У вас уже сложилось определенное представление о мире, о себе и выработалось некоторое отношение к миру, т.е. в результате жизненного опыта, обучения и воспитания у каждого из вас сформировалось определенное мировоззрение. И оно постоянно проявляется в вашем поведении и деятельности. Поставил, например, я на экзамене «четверку» двум студентам, Алкивиаду и Аристиду. И вот после экзамена подходит ко мне Алкивиад и заявляет: «Я же отвечал лучше Аристида, а вы поставили ему такую же оценку, как и мне. Это несправедливо!» Подошел и Аристид, и тоже недоволен: «Ну вот, я занимался как проклятый, Алкивиад же почти ничего не делал, а вы поставили ему то же, что и мне. Несправедливо!» Мои студенты руководствуются собственными представлениями о справедливости, а ведь это — мировоззренческое понятие. Вот такого рода понятия мы и попробуем прояснить.

Один из первых и наиболее простых вопросов, встающих перед каждым человеком, таков: что собой представляет мир, в котором я живу? Для обозначения этого мира в философии используется категория «бытие», а философское учение о бытии называется «онтологией».

Бытие есть все то, что существует, т.е. я сам, другие люди, дома и деревья, леса и горы, мои мысли, произведения искусства — все это существует и обнимается одним словом «бытие».

Нам с вами уже известно, что бытие распадается, по крайней мере, на три разные сферы: чувственно-воспринимаемый, или физический, мир; мир, созданный людьми, мир культуры, искусственная среда человека; наконец, мир сознания, духа, мышления.

Мы знаем, что физический мир — это Земля с ее лесами, горами, водами; что Земля — одна из планет Солнечной системы, а Солнце входит в громадное скопление звезд — Галактику. Вот наш мир. Но мифы, религиозные учения, разговоры о переселении душ, о жизни после смерти и т.п. заставляют задуматься: а нет ли чего-то еще, что лежит за пределами этого физического мира, что недоступно обычному познанию, но тем не менее существует и открывается мистикам, йогам, колдунам? Ведь вот мое собственное сознание, мои мысли и чувства — их нельзя увидеть, потрогать, измерить, но они же, несомненно, существуют! Нет ли какого-то другого, столь же бестелесного, но реального мира — какого-то мирового сознания, духа, Бога, наконец?

Отвечая на этот вопрос, философская онтология вводит понятие «субстанции».

Субстанция — единая первооснова всех вещей, это то, из чего состоят все вещи, из чего они возникают, во что превращаются после своего разрушения и гибели.

Физика говорит нам, что все вещи нашего мира состоят из элементарных частиц и электромагнитных полей — и звезды, и планеты, и камни, и живые организмы. Значит, элементарные частицы и поля — вот субстанция нашего мира. Эту субстанцию называют также **веществом** или **материей**. Вопрос, который мы поставили выше, теперь можно сформулировать более точно:

Лежит ли в основе бытия одна субстанция или несколько?

В философии существует несколько разных ответов на этот вопрос, и, соответственно, философы разделяются на разные группы в зависимости от того, как на него отвечают.

Те философы, которые утверждают, что есть только одна субстанция, называются **монистами** (от греч. *μονος* — один, единственный), а их позиция называется **монизмом**. Первые философы когда-то считали, что этой единой субстанцией является одно из известных им веществ — вода, земля, огонь или воздух. Древнегреческий философ Демокрит (V в.

до н.э.) пришел к мысли о том, что в основе бытия лежат атомы и пустота. Впоследствии под такой субстанцией стали понимать материю — нечто объективное, не зависящее от человека, его деятельности и сознания. Соответственно, философов, полагающих материю в качестве единственной субстанции, называют **материалистами**, а их позицию — **материализмом**. К числу материалистов относятся французские философы Д. Дидро (1713—1784), П. Гольбах (1723—1789), немецкие философы Л. Фейербах (1804—1872), К. Маркс (1818—1883) и Ф. Энгельс (1820—1895). Таким образом, если вы принимаете материалистический монизм, то для вас существует только один материальный мир, а все разговоры о переселении душ, о жизни после смерти и т.п. кажутся вам пустой болтовней.

По-видимому, наиболее трудной для материализма оказывается проблема сознания, духа: что это такое? Откуда и как появилось? Как сознание связано с материей? Общепринятых ответов на эти вопросы до сих пор нет.

К числу монистов относятся и те философы, которые считают, что единственной субстанцией является не материя, а сознание, дух, мысль. Прежде чем сделать стул или стол, построить дом или корабль, нужно иметь в сознании образ, идею стула или корабля. Таким образом, мысль предшествует всем этим вещам, сначала мысль — потом вещь. Так вполне может быть, что и всем предметам окружающего нас мира — деревьям и ручьям, горам и облакам — предшествуют их идеи, понятия, образы. Мысль, идея — вот субстанция мира. Философы, склоняющиеся к этой точке зрения, называются **идеалистами**, а их позиция — **идеализмом**. Крупнейшими идеалистами были древнегреческий философ Платон (IV в. до н.э.), английский философ Дж. Беркли (1685—1753), немецкий философ Г. В. Ф. Гегель (1770—1831).

Идеализм близок мифологии, населяющей мир духами и демонами, и религии, утверждающей, что мир создан Богом и управляется им. Если материализм совместим с наукой и может опираться на ее результаты при обсуждении своих проблем, то идеализм, по-видимому, вынужден вступать в противоречие и с наукой, которая до сих пор не обнаруживает ни малейших следов духовной субстанции (правда, она и не может их обнаружить своими методами), и со здравым

смыслом, прекрасно осознающим, что часто не столько сознание руководит нашим телом, сколько телесные заботы и немощи воздействуют на сознание. Перед идеализмом также встает неразрешимая до сих пор проблема: как дух порождает материальный мир?

Стараясь избежать проблем, возникающих при допущении лишь одной субстанции, некоторые философы признают наличие двух субстанций — материальной и духовной. Таких философов называют дуалистами (от лат. *dualis* — двойственный), а их позицию — дуализмом. Наиболее видным представителем дуализма считается французский философ Р. Декарт (1596—1650). Кажется, что это наиболее разумная позиция, преодолевающая трудности как материализма, так и идеализма: теперь уже не нужно решать сложного вопроса о том, как материя порождает дух или как идея порождает материю. Однако дуализм сталкивается со своей, не менее трудной проблемой: как объяснить связь между материей и духом, между физическими и психическими процессами? Если мысль и материя — две самостоятельные субстанции, то почему и как моя мысль заставляет мою руку совершать физическое движение? Дуализм, кажется, так и не смог вразумительно ответить на этот вопрос.

Теперь вы имеете возможность сознательно выбрать одну из этих трех позиций. Если вам близка наука, то вы можете склониться к материализму, но тогда будете испытывать трудности при понимании и объяснении духовных явлений. Если ваши склонности носят религиозный оттенок, если вас увлекают рассказы о полтергейстах и экстрасенсах, примите идеализм. Однако вам будет трудно понять существование и изменение физического мира. В конце концов, вы можете предпочесть дуалистическую позицию — она фактически принимается нами при решении многих научных и житейских проблем, но тогда вам придется как-то объяснить связь духовного и физического миров и событий.

Следует заметить, что в своих рассуждениях о мире, о бытии философы чаще всего остаются стихийными материалистами и даже если и считают физический мир порождением духа, то все-таки категории, говорящие о свойствах бытия, его структуре и формах, относят, в основном, к физическому миру. Этот мир существует в пространстве и во времени.

Пространство есть протяженность материи, ее структурность и взаимное сосуществование материальных объектов.

Время есть длительность существования материальных объектов и последовательность смены их состояний.

Пространство и время — это способы существования материальных тел, сами по себе, в отрыве от материальных тел, они не существуют. Пространство трехмерно и безгранично. Физики строят модели Вселенной и порой утверждают, что наша Вселенная замкнута, т.е. имеет форму ограниченного тела — шара, цилиндра, чемодана. Вполне возможно, что это так. Однако философ будет спрашивать, что находится за пределами этой ограниченной Вселенной, и никогда не успокоится на конечной модели. Время имеет одно измерение — от прошлого через настоящее к будущему. Оно необратимо, что бы там ни говорили физики. Мир существует вечно, т.е. всегда существовал и всегда будет существовать, хотя каждое материальное образование имеет определенный срок жизни. В последнее время получила известность и распространение концепция «Большого взрыва», согласно которой наша Вселенная возникла 17—18 миллиардов лет тому назад в результате взрыва некоей «сингулярности». Может быть. Однако философ будет спрашивать, что было до взрыва, что предшествовало нашей Вселенной. Античный философ Парменид утверждал, что небытие не существует. Философы соглашались с этим утверждением, опираясь на простой силлогизм: бытие есть все то, что существует; если бы небытие существовало, оно было бы бытием; следовательно, небытие не существует. Поэтому философ не может представить себе, что до взрыва «ничего не было».

Нам хорошо известно, что одни предметы движутся, а другие находятся в покое, что один и тот же объект может и двигаться, и покоиться. Я иду с работы домой — двигаюсь; придя домой, ложусь на диван и покоюсь на нем. Дома стоят на месте, а автобусы движутся мимо них. Движение и покой — неотъемлемые свойства всех материальных объектов.

Движение есть любое изменение материальных и идеальных объектов.

В обыденной жизни под движением мы привыкли понимать перемещение, смену мест, изменение пространственных координат. Отсутствие такого движения мы считаем

покоем. Но ведь когда мы лежим на диване, мы одновременно вместе с домом и городом вращаемся вокруг земной оси, вместе с Землей мчимся вокруг Солнца; наше сердце продолжает стучать, а кровь бежит по сосудам, легкие дышат, а желудок переваривает пищу. Мы изменяемся! Значит, движемся. На тот факт, что все вокруг изменяется, т.е. движется, впервые обратил внимание древнегреческий философ Гераклит (VI—V вв. до н.э.). Все течет, все изменяется, — утверждал он, — даже в одну и ту же реку нельзя войти дважды: пока ты обсохнешь после первого раза, воды, в которые ты входил, уже протекут, и во второй раз ты полезешь уже в новые струи. Один из последователей Гераклита философ Кратил был настолько заморожен этой постоянной изменчивостью всего на свете, что отрицал возможность войти в одну и ту же реку даже один раз: пока ты сделаешь шаг, вода протекла, река изменилась, это уже другая река. (По-видимому, остается только броситься в нее с моста, чтобы застать ее на месте!) Более того, пока мы о чем-то говорим, изменяется предмет нашего разговора, мы сами, значения наших слов. Поэтому лучше вообще ни о чем не говорить, полагал Кратил. И когда к нему обращались, он лишь шевелил пальцем в знак того, что слышал, но отвечать считал бессмысленным: кому отвечать? Ведь тот, кто спросил, уже изменился, и ответ услышит другой человек!

К счастью, слова и вещи сохраняют определенную устойчивость, неизменность своих основных черт. Вот эта устойчивость и выражается категорией покоя.

Покой есть отсутствие движения.

В нашей отечественной философии много говорилось о взаимоотношении движения и покоя. Считалось, что движение абсолютно, т.е. что материя может существовать только в движении. Покой же относителен, т.е. это временное отсутствие лишь одного из видов движения. Лежа на диване, я, конечно, покоюсь относительно предметов, находящихся в комнате, зато принимаю участие во многих других видах движения. По-видимому, покой столь же абсолютен и необходим материи, как и движение, ибо покой представляет собой необходимое условие существования всех материальных образований. Если движение — способ существования материи, то покой — способ существования материальных тел.

Наиболее интересной разновидностью движения является развитие. Мы часто говорим о развитии нашего общества, его различных институтов, о развитии ребенка и вообще человека, о развитии биологических видов в процессе эволюции живой природы. Но что такое развитие?

Развитие есть направленное, необратимое и закономерное изменение состояния объектов.

Колебания маятника, течение реки, полет самолета — все это движение, но не развитие. Развитие — это то, что присутствует, прежде всего, живой природе и человеческому обществу. Посадили вы, скажем, маленький дубок. С каждым годом он становится все крепче и больше, крона все пышнее, ствол — толще. Он начинает давать желуди, привлекая внимание окрестных свиней. И вот, не прошло еще и сотни лет, а вы можете уже отдыхать в его густой тени. Мы говорим: дубок растет, развивается. Организовал бойкий человек крохотную фирму, занимающуюся куплей-продажей. Прошел год-другой, и вот уже в фирме работают тысячи людей, а ее отделения расползлись по всему земному шару. Фирма развивается. Развитие — это переход объекта от одного состояния к другому вследствие постепенного накопления количественных изменений. Какие именно изменения накапливаются, и определяет направление развития. Однажды наша фирма начинает терпеть убытки, и через некоторое время их накопление приведет ее к краху. В зависимости от направления развития говорят о прогрессивном или регрессивном развитии.

Прогрессом называют развитие к чему-то лучшему, более высокому; соответственно, **регрессом** будет развитие к худшему и низкому.

Количественный рост, увеличение разнообразия, усложнение структуры оценивается, как правило, положительно, следовательно, развитие, связанное с увеличением, усложнением, ростом, считается прогрессивным. Движение в противоположном направлении оценивается как регресс: дерево засыхает, человек дряхлеет, фирма разваливается.

С точки зрения темпов развития выделяют эволюцию и революцию. **Эволюция** — постепенное, медленное изменение объекта. **Революция** — сравнительно быстрое, резкое изменение состояния объекта.

О революциях говорят, в основном, при рассмотрении развития общества и общественных институтов. Феодализм существовал тысячу лет, постепенно дряхлея в последние столетия. Великая французская революция в течение нескольких лет полностью изменила лицо французского общества. Геоцентрическая система мира господствовала полторы тысячи лет. Коперниканская революция разрушила ее и заменила гелиоцентризмом за сотню лет с небольшим. Тем не менее вопрос о существовании революций до сих пор вызывает споры, и многие философы отрицают наличие таких катаклизмов не только в природе, но и в обществе.

Философская теория, описывающая наиболее общие принципы и формы развития, называется диалектикой. Ее создателем был немецкий философ Гегель (1770—1831). Значительный вклад в ее разработку внесли К. Маркс и Ф. Энгельс, и до недавнего времени диалектика пользовалась широким признанием в отечественной философии. Однако далеко не все философы принимают эту теорию. Поэтому здесь мы обсуждать ее не будем.

Из повседневной жизни нам известно, что одни события, явления способны порождать или изменять другие события. Весной солнышко с каждым днем пригревает все сильнее — снег тает интенсивней; прихватил морозец цветущие яблони — яблочек в этом году не будет; студент весь семестр ничего не делал — получает на экзамене «двойку»... Первые из этих событий мы называем причинами, вторые — следствиями.

Причина есть событие, которое при определенных условиях порождает или изменяет другое событие, называемое его следствием.

В причинно-следственной связи находится лишь пара событий, из которых одно является причиной другого. Но событие, которое в одном отношении является причиной, в отношении к другому событию может выступить как следствие. Таким образом, каждое событие одновременно является и причиной, и следствием: причиной по отношению к порожденному им событию, и следствием по отношению к тем событиям, которыми оно само было порождено. Например, человек, идущий по улице, наступает на арбузную корку, падает, ломает себе ногу и попадает в больницу. Перелом ноги — это следствие его неудачного падения и в

то же время причина его пребывания в больнице.

Признав существование причинно-следственных связей, мы сразу же сталкиваемся с вопросом: все ли события, происходящие в мире, имеют причину? И как это часто бывает, нет единодушия среди философов при ответе на этот простой вопрос. Многие философы отвечают на него утвердительно: да, все события в мире причинно обусловлены, все происходящее имеет свою причину. Такая позиция называется **детерминизмом**, а ее защитники — **детерминистами** (от лат. *determino* — определяю). Все мы являемся стихийными детерминистами, когда полагаем, что дыма без огня не бывает и камень сам собой на голову никому не сваливается. Однако многие верующие и полуверующие люди допускают в то же время, что Бог или некая высшая сила способны разорвать причинно-следственную связь событий. И тогда происходит чудо: останавливается Солнце на небосводе, вода превращается в вино, слепые прозревают, мертвые воскресают. Отрицание всеобщего характера причинно-следственной связи, признание существования беспричинных событий называется **индетерминизмом**.

Философский *индетерминизм* редко связан с верой в чудеса. Его представители признают, что в физическом мире принцип причинности универсален. Однако этот принцип перестает действовать, когда речь идет о человеке, ибо человек — в отличие от физических тел и биологических организмов — обладает свободой воли. Конечно, как существо телесное человек включен в причинно-следственные связи внешнего мира: ему нужно дышать, питаться, размножаться; его действия должны соотноситься с природой вещей. Однако человек способен на действия, которые не обусловлены никакими причинами: организм требует пищи, а я возьму, да и не буду есть; вся природа вокруг меня, все инстинкты во мне кричат: «Живи!» — а я пойду и утоплюсь. Над свободной волей человека детерминизм не властен.

Детерминисты убеждены, что когда-нибудь им удастся доказать, что и проявления свободной воли человека отнюдь не «свободны», а обусловлены определенными причинами. Индетерминисты верят, что этого не произойдет никогда. Вы можете избрать одну из этих позиций или попробовать отыскать свой собственный ответ на поставленный вопрос.

Причинно-следственная связь событий выражается в законах природы: все тела при нагревании расширяются; если по проводнику пропущен электрический ток, то вокруг проводника образуется магнитное поле, и т.п. Если некоторое событие включено в причинно-следственную цепочку, то его появление и существование обеспечиваются действием законов природы. Включаю я, скажем, электрический чайник: цепь замыкается; через спираль начинает проходить электрический ток; спираль нагревается и нагревает воду; через некоторое время чайник закипает. Закипание воды в чайнике было обусловлено действием законов электричества и термодинамики. Это должно было случиться в силу необходимости.

Необходимым называется явление, возникающее и существующее благодаря действию законов природы.

Необходимо то явление, которое обязательно должно произойти, которое является звеном некоторой причинно-следственной цепи, появление которого можно, наконец, предвидеть. Некоторые философы полагали, что поскольку все в мире причинно обусловлено, постольку все существует в силу необходимости и все будущие события уже predeterminedены их настоящими причинами и действием законов природы. Такая позиция называется **фатализмом** (от лат. *fatum* — рок, судьба). Все мы до некоторой степени становимся фаталистами, когда оказываемся бессильны изменить ход событий, когда верим в астрологические прогнозы или в предсказания судьбы хиромантами по линиям руки. Но бывают ведь и случайности!

Случайным называют такое явление, событие, существование которого не обусловлено действием того или иного закона природы.

Случайные события не беспричинны, причина у них есть. Они просто не включены в какую-то определенную причинно-следственную связь, выражаемую законом, поэтому их появление нельзя предсказать. Да, чайник закипел в силу необходимости, но первое звено в этой цепи — мое действие — могло быть ничем не обусловлено, и его нельзя было предсказать, даже наблюдая мои метания по кухне.

Часто случайность возникает благодаря пересечению нескольких причинно-следственных цепочек в одной точке.

Скажем, автомобили косятся по улицам, а пешеходы носятся по магазинам. Движения тех и других подчинены своим законам и могут быть, в принципе, предсказаны. Но вот автомобиль и пешеход встретились в одной точке: автомобиль всмятку, пешеход — в истерике. Это — случайность: нет закона, согласно которому данный человек должен был попасть под этот конкретный автомобиль в этом самом месте. Событие было обусловлено пересечением двух разных причинно-следственных цепочек. Такого рода события происходят часто, порождая новые причинно-следственные связи, изменяя настоящее и делая неопределенным будущее. Поэтому фатализм, по-видимому, неправ.

Здесь можно было бы сказать еще много интересного и забавного, но нас ждут более серьезные вопросы.

2. Общество

Человек живет не только в мире природы, основная часть его жизни проходит в социальном мире. Когда вам задают вопрос: «Вы откуда? Где живете?» — а вы отвечаете: «Я из России», то вы имеете в виду не равнины и леса России, а прежде всего и главным образом — то особое общество, в котором родились, выросли, культуру которого впитали с молоком матери. Поэтому вопросы об окружающем мире с самого начала относятся не к природе, а именно к окружающей нас искусственной среде. Мы начали с онтологии только потому, что она проще и ее категории носят более общий характер.

Изучением социального мира, его структуры и развития занимаются социология, история, экономические и правовые науки, этнография и языковедение. Что остается на долю социальной философии? Бог весть! Быть может, в силу неясности этого вопроса или необыкновенной сложности предмета, а быть может, благодаря тому, что предмет этот нам не безразличен, категории социальной философии весьма неопределенны по своему содержанию, и в них трудно выделить нечто такое, с чем все согласны. Тем не менее попробуем. В качестве исходной категории возьмем понятие общества.

Общество — способ существования людей.

Материальные тела существуют в пространстве и во вре-

мени, иначе они существовать не могут. Человек как материальное тело тоже существует в пространстве и во времени, но как личность он не может существовать вне общества себе подобных. Недаром еще Аристотель определял человека как общественное животное. Маугли или Тарзан — красивые, но неправдоподобные сказки Киплинга и Берроуза, и это доказано реальными событиями: ребенок, выросший среди животных, так и остается животным; человек, оказавшись в одиночестве, быстро теряет человеческие черты. Чтобы быть человеком, нужно жить среди людей.

Нет числа всякого рода обществам, в которых живет и действует человек: общество собаководов и общество филателистов; студенческие общества и общества любителей пива; профсоюзные и производственные коллективы; общество защиты животных и литературное общество... Из этого громадного числа человеческих обществ мы выделим два, быть может, наиболее важных — нацию и семью.

Нация (от лат. *natio* — племя, народ) — исторически возникшая общность людей, объединенных определенной территорией, языком, экономическими связями, культурой.

Мы знаем французскую, польскую, немецкую и многие другие нации, но, конечно, ближе всего нам русская нация. Ее представители населяют Восточную Европу уже более 1000 лет. У нас единый русский язык и своеобразная культура. С рождения усваивая эту культуру, мы становимся русскими людьми — это наш способ существования. На Земле живут многие сотни наций, и каждая из них уникальна и необходима — как химический элемент в таблице Менделеева: железо и медь, углерод и золото важны, но уберите из таблицы какой-нибудь скромный аргон — и в ней останется невосполнимое белое пятно.

Принадлежность человека к некоторой нации, восприятие им определенной национальной культуры делают индивида человеком, однако само приобщение к культуре осуществляется в семье. Если нация — самая большая реальная общность людей, то семья находится на другом полюсе — это самый маленький коллектив, к которому может принадлежать человек.

Семья — основанная на браке или на кровном родстве группа людей, живущих совместно.

Именно в семье мы учимся ходить и говорить, слушаем первые сказки и песни, усваиваем стандарты поведения и нравственные нормы. Именно в семье от родителей, бабушек и дедушек, сестер и братьев получает человек тот заряд любви к окружающему миру, который потом питает его всю жизнь. Возможно, когда-нибудь человечество найдет иной способ воспитания человека, но пока только семья вполне способна справиться с этой задачей. Национальное входит в человека через семью, и в этом смысле семья является атомом нации.

Нередко в средствах массовой информации можно встретить рассуждения о человечестве, об общечеловеческих ценностях и т.п., поэтому, может быть, стоило бы говорить о человечестве как о предельно широкой общности людей. Однако едва ли человечество представляет собой реальную общность, скорее, говоря о человечестве, мы имеем в виду просто механическую совокупность живущих на Земле людей. Но простая совокупность человеческих индивидов еще не образует общества, для этого нужны хозяйственные и культурные связи, соединяющие людей в некоторую целостность. Однако, несмотря на все успехи в средствах передвижения и коммуникации, несмотря на наличие множества международных организаций, миллионы и сотни миллионов людей проживают свою жизнь где-нибудь в Азии, Африке, Латинской Америке, не будучи ничем связаны с европейцами или жителями Китая. А так называемые «общечеловеческие ценности» — это, по-видимому, ценности одной из многих культур, навязываемые в качестве стандарта представителям других культурных общностей. Впрочем, вопрос о человечестве как некоей целостности — это тот вопрос, над которым стоит подумать самому.

Необходимым условием существования человеческого общества является деятельность.

Деятельность есть целенаправленная активность человека.

Каждый из нас что-то делает, без этого мы жить не можем, не может без этого существовать и общество. Одни учатся, другие работают, третьи заседают в Законодательном собрании. Видов человеческой деятельности необозримо много, мы выделим лишь наиболее общие и существенные.

Во-первых, производственная деятельность — деятельность по производству, распределению, обмену материальных благ: хлеба, одежды, жилища и т.п. Многие конкретные виды деятельности попадут в эту группу: труд крестьянина и рабочего, инженера и шофера, продавца в магазине и работника электростанции.

Во-вторых, деятельность по созданию, хранению и передаче духовных благ — наука, искусство, религия, образование. В отечественной философской литературе иногда встречается термин «духовное производство». Быть может, он хорош и удобен, но мне как-то неловко говорить о «производстве» духовных благ: Моцарт «произвел» сонату си-бемоль или Лермонтов «произвел» стихотворение «Белеет парус одинокий». Язык сопротивляется!

Философы обсуждают вопрос о том, что важнее для общества: материальное производство или создание духовных ценностей? Марксистская философия настаивала на том, что материальное производство является важнейшей и ведущей стороной общественной жизни. Оппоненты марксизма подчеркивали решающую роль духовной деятельности во всех общественных процессах. Можно заметить, что здесь проявились материалистическая или идеалистическая ориентации конфликтующих сторон. Вопрос о том, что важнее, что является определяющим в развитии общества, чрезвычайно сложен, и любой ответ на него нелегко обосновать. Но, может быть, он вообще лишен смысла? Что важнее в отдельном человеке — его дух или тело? Тело без души — труп, но и дух без тела трудно себе представить. В прекрасном фантастическом романе советского писателя А. Белыева «Голова профессора Доуэля» изложена история о том, как сохранили жизнь отрезанной голове известного ученого, чтобы она могла мыслить и генерировать идеи. Почти чистый дух, так сказать. И что же? Лишенный связей с телом, этот дух страдал и жаждал смерти. Быть может, так и с обществом? Без производства оно погибнет, но и без духовной деятельности сообщество людей превратится в стадо животных. И первое, и второе равно необходимы для жизни общества.

Наконец, можно выделить организационную и управленческую деятельность, сфера которой расширяется с каждым годом во всех странах.

Все эти виды деятельности осуществляются людьми совместно. При этом между ними складываются разнообразные отношения: сотрудничества, соперничества, подчинения, партнерства и т.п. Одним из наиболее важных отношений между людьми в процессе производства и распределения материальных благ является отношение собственности.

Собственность есть закрепленное в нормах права отношение владения, пользования и распоряжения объектами собственности.

В повседневной жизни под собственностью обычно понимают какие-то предметы, вещи — дом, автомобиль, завод или нефтяную скважину. Но сами по себе вещи есть не более чем вещи. Говоря, что некая вещь, скажем, автомобиль, есть ваша собственность, мы имеем в виду, что именно вы владеете этим автомобилем и можете использовать его по своему усмотрению. Но это означает, что все остальные люди согласились с вашим правом владеть этим автомобилем. И это согласие выражается в законе, который не разрешает никакому другому человеку пользоваться данным автомобилем без вашего согласия. Таким образом, собственность — это отношение между людьми по поводу владения теми или иными вещами.

Различают два основных вида собственности: общественную и частную. Под **общественной собственностью** обычно понимают собственность всего общества, т.е. общество в целом имеет право распоряжаться какими-то вещами. Это право реализуется государством как представителем всего общества, поэтому общественная собственность в современных условиях выступает, как правило, в виде государственной собственности. **Частная собственность** — это владение и распоряжение какими-то вещами отдельным человеком или группой лиц. Философы давно спорят по поводу того, какой вид собственности более благоприятен для жизни и развития общества — государственная или частная? Еще Платон полагал, что частная собственность есть зло и в идеальном государстве должна существовать только государственная собственность. Однако уже Аристотель возражал своему учителю и настаивал на том, что частная собственность — источник удовольствия и счастья. В нашей стране до недавнего времени основной и чуть ли не единственной формой соб-

ственности была государственная собственность, и советские философы — вслед за Марксом и Лениным — подчеркивали ее преимущества и указывали на негативные следствия частной собственности. В то же время известный английский экономист Фридрих фон Хайек написал книгу под многозначительным названием «Дорога к рабству», в которой обосновывал тезис о том, что частная собственность — основа свободы и независимости индивида и что, будучи лишены собственности, граждане становятся рабами государства. Сейчас в нашей стране вопрос о соотношении видов собственности стал весьма актуальным, поэтому вам будет полезно познакомиться с аргументами апологетов как общественной, так и частной собственности.

Наличие собственности, особенно собственности на средства производства, часто является основой власти. Что такое власть?

Власть — это способность и возможность навязывать свою волю другим людям.

Если вы можете — благодаря авторитету, праву или просто насилию — заставить других людей подчиняться вашей воле, то вы обладаете властью по отношению к этим людям. Власть имеет разнообразные формы проявления: это и власть родителей по отношению к детям; власть капитана корабля по отношению к команде и пассажирам; власть тренера по отношению к спортсменам и т.п. Важнейшим видом власти является, конечно, политическая власть, органом которой выступает государство.

Государство есть основной институт политической системы, осуществляющий управление обществом.

Государство обладает монополией на принуждение всего населения в рамках определенной территории, правом издания законов и правил, обязательных для всего населения, правом взимания налогов и сборов.

В связи с пониманием природы государства и его отношений к обществу возникает множество проблем, обсуждаемых ныне политической философией, из которых мы укажем лишь две.

Первая связана с пониманием отношений между индивидом и государством: что важнее — отдельный человек или государство? Гегель, например, полагал, что государство важ-

нее, чем любой отдельный гражданин, ибо оно сохраняет ту культурную общность, в рамках которой только и может жить гражданин, поэтому интересы индивида всегда должны быть подчинены интересам государства. Философы либерально-демократического направления указывают на то, что государство — это фиктивная сущность или, в лучшем случае, группа людей, управляющих обществом, и интересы этой группы никак не могут быть поставлены выше интересов отдельного человека. Эти две позиции в явном или скрытом виде присутствуют сегодня во многих спорах относительно развития нашего общества.

Вторая проблема касается предпочтительной формы государственной власти: должна ли государственная власть быть авторитарной или демократической? К числу авторитарных государств относятся монархия, автократия, олигархия, государства фашистского типа. То социалистическое государство, которое до недавнего времени существовало в нашей стране, было авторитарным. Платон и английский философ Томас Гоббс обосновывали преимущества авторитарного государства; английские философы Дж. Локк и Д.С. Милль разработали теоретические основы демократического государства. В Западной Европе и в Северной Америке государства большей частью считаются демократическими; в мусульманских странах и некоторых странах Азии многие государства считаются авторитарными. Политическая философия рассматривает преимущества и недостатки первых и вторых, предоставляя нам возможность осознанного выбора.

Имеет смысл сказать несколько слов и о широко используемом в повседневной жизни и в средствах массовой информации понятии общественного прогресса. Часто можно слышать и читать о «научно-техническом прогрессе», о прогрессе в тех или иных областях человеческой деятельности — в медицине, строительстве, компьютерной технике и т.п., о прогрессивных политических режимах и странах. Известным штампом советской печати было выражение «прогрессивное человечество».

Выше мы уже говорили о том, что, вообще говоря, прогресс — это развитие к чему-то лучшему, более совершенному, более высокому. Таким образом, когда мы имеем неко-

торию последовательность изменений, нам нужно, во-первых, сказать, что именно мы считаем лучшим, более высоким, и во-вторых, указать критерии, согласно которым мы оцениваем те или иные изменения как приближающие нас к более совершенному состоянию или, напротив, отдаляющие от него. Первые будут считаться прогрессивными, вторые — регрессивными. Простой пример: чем больше голов забьет футбольная команда за сезон, тем лучше. Смотрим итоги выступления некоторой команды, скажем, за 10 лет — с 1990 по 2000 гг. Видим, что в 1991 г. команда забила за сезон голов больше, чем в предшествующем году; в 1992 г. — больше, чем в 1991 г. В таком случае мы можем сказать, что в эти годы команда прогрессировала. Согласимся с тем, что более глубокие и обширные знания лучше, чем менее глубокие. Взглянув на историю науки с 1800 по 1900 гг., мы обнаружим, что за 100 лет научные знания возросли и стали глубже. Следовательно, наука прогрессировала. Правда, в некоторых областях человеческой деятельности вопрос о прогрессе отнюдь не так прост. Возьмите, например, живопись: был ли прогресс в ее истории от Леонардо и Рафаэля до Пикассо и Дали? Что здесь считать лучшим? По каким критериям оценивать движение к этому лучшему? Неясно. Поэтому непонятно, можно ли вообще говорить о прогрессе в этой области.

Однако самый интересный и важный вопрос — это, конечно, вопрос о том, прогрессируют ли в своем развитии отдельные народы и страны, человечество в целом. Идея общечеловеческого прогресса получила широкое распространение у французских просветителей XVIII в., которые полагали, что общественную жизнь можно устроить по законам разума, и, раз эти законы открыты, все народы и страны рано или поздно преобразуют свою жизнь в соответствии с ними. Гораздо более основательной является марксистская теория общественного прогресса, согласно которой все народы в своей истории должны пройти ряд общественно-экономических формаций и в конечном итоге прийти к коммунизму — высшей ступени общественного развития. Критерием прогресса здесь выступает развитие производительных сил, которое допускает количественную оценку — рост производительности труда, энерговооруженности и т.п.

Уже в XIX в. некоторые русские мыслители, в частности П.Я. Чаадаев, а особенно Н.Я. Данилевский и К. Леонтьев, подвергли сомнению идею общечеловеческого линейного прогресса и обосновали мысль о том, что человечество распадается на несколько обособленных культур («культурно-исторических типов», «цивилизаций»), каждая из которых слабо связана с другими и проходит свой путь развития, не похожий на пути других культур. В XX в. эту мысль развивали немецкий культуролог О. Шпенглер, английский историк А. Тойнби, советский историк Л. Гумилев. В отечественной философской литературе эти два подхода к пониманию развития человеческого общества получили наименование «формационного» (от «общественно-экономической формации») и «цивилизационного» (от понятия локальных цивилизаций). Наши реформаторы, осуществлявшие социально-экономические преобразования в последние 10 лет, ориентируясь на Западную Европу и США, несомненные сторонники формационного подхода, т.е. неявные марксисты-прогрессисты. Их критики, настаивающие на своеобразии истории и культуры России, стоят, конечно, на цивилизационных позициях.

Оставив в стороне эти философские споры, попробуем сами для себя ответить на вопрос: прогрессировало ли человечество от античности до наших дней? В некоторых областях прогресс очевиден: средства производства и производительность труда возросли тысячекратно; бытовые условия жизни улучшились; средства коммуникации и передвижения невообразимо изменились. Если Колумб плыл в Америку два месяца, то сейчас самолет из Москвы долетает до Нью-Йорка всего за 10 часов. Особенно впечатляет прогресс в области вооружений: от меча и копья античного воина до водородной бомбы. Тот, кто считает такого рода показатели основными, будет с уверенностью утверждать: да, человечество прогрессировало.

Однако можно спросить и о другом: стали ли люди мудрее и добрее, стали ли они более свободными и счастливыми? Быть может, как раз это и есть самые главные показатели прогресса, а вот относительно них ответ далеко не очевиден.

3. Познание

Кажется, мы довольно много знаем об окружающем нас мире, об обществе, в котором живем, о людях, которые нас окружают. Однако мы знаем также, что наши представления о вещах и людях часто оказываются ошибочными. Я считаю человека добрым приятелем, а он неожиданно подкладывает мне немалую свинью; покупаю дорогую вещь, а она разваливается через два дня... Как же получить надежное, достоверное знание? Как отличить истину от заблуждения? Как избежать ошибок? На вопросы такого рода отвечает область философии, традиционно называемая «гносеологией» (от греч. *gnosis* — знание и *logos* — понятие, учение) или «теорией познания». Иногда для обозначения этой области используют термин «эпистемология» (от греч. *episteme* — достоверное знание), однако в отечественной философской литературе последним термином чаще всего обозначают теорию научного познания.

Человек обладает двумя главными познавательными способностями — чувствами и разумом. У нас, как известно, пять органов чувств, с помощью которых мы познаем мир, вступая в непосредственный контакт с вещами и явлениями. Элементарной формой чувственного познания считается ощущение.

Ощущение есть результат взаимодействия внешнего мира с тем или иным органом чувств.

Воздействие на глаз порождает зрительные ощущения, на слух — слуховые и т.д. Запахи, цвета, гладкость и твердость, сочность и сладость — все это ощущения.

Восприятие — целостный образ предмета, непосредственно воздействующего на органы чувств.

Окружающие нас вещи, воздействуя одновременно на разные органы чувств, порождают не просто отдельные ощущения, но целостные образы: мы живем и действуем среди столов и стульев, домов и автомобилей, деревьев и облаков, т.е. объектов, рождающих в нашем сознании именно эти образы. Дело не обстоит так, что сначала мы ощущаем коричневое, твердое, гладкое, прямоугольное, а потом, складывая все это, получаем образ стола. Нет, мы сразу имеем образ стола, который лишь потом может быть разложен на от-

дельные ощущения. И эта целостность образа в значительной мере обусловлена участием в чувственном восприятии языка, слова.

Наконец, представление есть образ предмета, создаваемый памятью и воображением.

Я могу вызвать в своем сознании образ своего любимого письменного стола, даже если нахожусь от него очень далеко. Этот образ может быть бледнее, нежели непосредственное восприятие, зато воображение способно украсить его такими достоинствами, которыми реальный стол не обладает.

Таковы формы чувственного познания, которые присущи также и животным. Посмотрите на свою собаку: она поднимает ухо, услышав звук — ощущение; она радостно бросается навстречу хозяину — восприятие; она горестно скулит, когда его нет — представление. Формы чувственного познания подробно изучает психология.

Но вот чего у животных, по-видимому, нет — это разума, мышления с его тремя формами.

Понятие есть форма мышления, представляющая предметы и явления в их наиболее общих и существенных свойствах.

В языке понятия выражаются отдельными словами и словосочетаниями: «собака», «дом», «президент Гватемалы» — это понятия.

Суждение есть форма мышления, что либо утверждающая или отрицающая относительно предметов, их свойств или отношений.

Суждения выражаются повествовательными предложениями, например «Киты не рыбы», «Если у меня нет занятий, я сижу дома» и т.п. Благодаря наличию утверждения или отрицания суждения могут быть истинными или ложными.

Умозаключение есть форма мысли, позволяющая из известных суждений получать новые суждения.

Например, если я знаю, что «Все французы европейцы» и «Сидоров — француз», то отсюда с помощью умозаключения я могу получить новое суждение: «Сидоров — европеец». Формы мышления подробно анализируются логикой.

Чувства и разум с их специфическими формами образуют тот главный источник, из которого проистекают все наши

знания о мире. Но философы склонны задавать вопрос: что надежнее для познания — чувства или разум?

При ответе на этот вопрос философы Нового времени разделились на два противоположных лагеря — эмпириков и рационалистов.

Представители эмпиризма считают, что основным источником познания являются показания органов чувств, а знания, полученные в результате чувственного опыта, наиболее надежны. Разум склонен к беспочвенным фантазиям, к вымыслам, поддается внушенным стереотипам и штампам, поэтому он лишь искажает истинную картину, доставляемую органами чувств. Крупнейшими представителями эмпиризма были, в основном, английские философы Ф. Бэкон (1561—1626), Дж. Локк (1632—1704), Дж. Беркли (1685—1753).

Рационализм, напротив, настаивает на том, что подлинно истинное знание способен дать только разум, а не чувства. На этой позиции стояли Р. Декарт (1596—1650) и Г. Лейбниц (1646—1716).

Надо сказать, что и у эмпириков, и у рационалистов были свои резоны. Действительно, наш разум легко поддается внушениям; наши выводы часто ошибочны; наши фантазии, утопии, мечты часто приводят нас к искаженной картине реальности. Словом, лучше один раз увидеть своими глазами, пощупать руками, попробовать на вкус, чем сто раз услышать чьи-то рассуждения. Это верно!

Однако рационалист вполне справедливо указывает на то, что чувства тоже нас часто обманывают: ложечка в стакане с чаем кажется сломанной, вода в жаркий день — холодной, пирамиды в лучах заката выглядят красными. В конце концов, если бы в процессе познания мы руководствовались только чувствами, то мы до сих пор верили бы в то, что Солнце ходит вокруг Земли — ведь об этом ежедневно говорит нам повседневный опыт!

Как рационалисты, так и эмпирики осознавали, что далеко не все те свойства, которые мы приписываем вещам, им действительно принадлежат. Философы Нового времени признавали восходящее еще к античности и подчеркнутое возрождающейся наукой разделение качеств вещей на первичные и вторичные.

Первичные качества — те свойства предметов, которые им действительно принадлежат.

К таковым Дж. Локк, основательно разработавший этот вопрос, относил величину предметов, их форму, количество, протяжение, движение.

Вторичные качества — те свойства вещей, которые на самом деле вещам не принадлежат и представляют собой наши ощущения, которые мы приписываем вещам в качестве их объективных свойств.

Вторичными качествами считались цвет, вкус, запах, тепло, боль и т.п. Таким образом, когда мы говорим: «Яблоко зеленое и круглое», то «зеленое» и «круглое» рассматриваются нами в повседневной жизни как свойства самой вещи. Это неверно. Яблоко действительно круглое — это объективное свойство вещи, первичное качество, но оно не зеленое. Цвет представляет собой наше ощущение, которое мы объективируем и приписываем вещам. Еще проще увидеть это в случае вкусовых ощущений. Многие из нас согласятся с тем, что сахар сладок, следовательно, признают истинным утверждение «Сахар сладок». Кажется, что сладость — объективное свойство сахара, как соленость свойство селедки, а кислотность — лимона. Однако при некоторых заболеваниях сахар представляется горьким, значит, реально у него нет этого свойства. Морской прибор вовсе не «ласковый», буря — не «свирепая», Луна — не «печальная» и т.п.

Разработка учения о первичных и вторичных качествах была громадным шагом вперед по сравнению с «наивным реализмом» здравого смысла, который считает реальный мир именно таким, каким он нам представляется в показаниях органов чувств. Мир, в котором мы живем, мир нашего обычного мировоззрения полон звуков, красок, запахов, его вещи добры, приветливы или враждебны нам. Однако реальные вещи — сами по себе — отнюдь не таковы, какими являются нашему сознанию. С них сползают все краски, отлетают прочь звуки и запахи, они лишены тепла или холода, твердости и гладкости. Реальный мир — это мир сухих геометрических форм, размеров, движений, длительностей, иначе говоря, мир скелетов, а не живых объектов с плотью и кровью. Недаром Галилей говорил, что книга природы написана на языке математики.

Увы, даже математика и физика имеют дело не с реальными свойствами вещей. Вскоре после Локка ирландский философ Дж. Беркли показал, что и первичные качества вещей — величина, форма, движение — также являются продуктом совместной деятельности чувств и разума, т.е. не существуют реально как объективные свойства вещей. Не просто знакомые нам вещи и люди, но даже их скелеты есть порождение нашей чувственности и разума! И один из крупнейших философов Нового времени — немецкий философ И. Кант (1724—1804) сделал отсюда вывод о том, что мы ничего не знаем и никогда не узнаем о том, каков мир на самом деле.

Действительно, подумайте сами: мы только что убедились в том, что мир нашего повседневного опыта представляет собой конструкцию наших чувств и разума. Конечно, мы конструируем вещи и их свойства под воздействием внешнего мира. Но похожи ли мир и вещи нашего повседневного опыта на ту реальность, которая на нас воздействует? Для ответа на этот вопрос нам нужно было бы сравнить некоторую вещь и представление об этой вещи, существующее в нашем сознании. Это можно было бы сделать лишь в том случае, если бы мы были способны выйти из границ нашего сознания и взглянуть на него, так сказать, со стороны. Более того, нам нужно увидеть и сами вещи без посредства нашей чувственности и разума. Вспомните «Волшебника изумрудного города»! Все жители этого города ходят в зеленых очках, поэтому весь город, все окружающие вещи представляются им зелеными. Они считают зеленый цвет объективным свойством своего мира. Чтобы убедиться в том, так ли это, нужно снять очки и взглянуть на город без них. Но это невозможно! Человек не может освободиться от своей чувственности и разума, не может снять очки, надетые на него природой. Поэтому мы обречены жить в мире нашего сознания, познавать его, но сам по себе объективный мир нам недоступен — это, как говорит Кант, «вещь в себе». Такая позиция, отвергающая познаваемость мира, называется в философии «агностицизмом».

Агностицизм можно преодолевать разными способами. Для нас же с вами урок агностицизма заключается в следующем простом положении: следует отличать образ мира, со-

здаваемый нашим сознанием, наукой, от самого объективного мира и всегда помнить о том, что любое представление о вещах и людях может оказаться ошибочным.

В конце концов, все проблемы гносеологии стягиваются в одну: что такое истина и как ее получить? В повседневной жизни слово «истина» служит для выражения согласия, признания чего-то фактом, для обозначения глубокого, сокровенного знания о мире, содержащегося в Откровении, и т.д. Гносеология уточняет одно из значений этого слова.

Истинной (или просто истиной) называется та мысль, которая соответствует своему предмету, т.е. представляет его таким, каков он на самом деле. Соответственно, ложной будет та мысль, которая не соответствует своему предмету, т.е. представляет его не таким, каков он на самом деле.

Это очень просто: предложение «Москва — столица России» истинно, ибо Москва действительно является столицей России; предложение «Тверь — столица России» ложно, ибо на самом деле это не так. В сущности, именно таким пониманием истины мы часто руководствуемся в повседневной жизни. Скажем, насобирав в лесу поганок и мухоморов, мы приходим домой, и нам говорят сердобольные соседи: «Эти грибы ядовиты». Не обращая внимания на предостережения окружающих, мы жарим и съедаем свою добычу, а потом, уже лежа в больнице, со вздохом признаем: «Да, соседи были правы, эти грибы действительно ядовиты».

Вот такое понимание истины здравым смыслом выразили еще Платон и Аристотель, поэтому концепцию истины, рассматривающую ее как соответствие мысли действительности, часто называют «классической» концепцией истины или теорией «корреспонденции» (от англ. *correspondence* — соответствие). По-видимому, такое понимание истины глубоко укоренено в обыденном мировоззрении, поэтому оно и держится в нем вот уже более двух тысяч лет. Идея, выражаемая классической концепцией истины, на первый взгляд проста: если наш мысленный образ вещи, ситуации, мира в целом похож на саму вещь, ситуацию, мир сам по себе, то этот образ истинен. Он помогает нам ориентироваться в мире и успешно действовать. Эта идея нашла выражение в марксистской «теории отражения», согласно которой истина и наше сознание в целом представляют собой отражение внеш-

него мира, причем слово «отражение» несло в своем содержании мысль о зеркале, о сходстве отображаемого с отображением.

На уровне здравого смысла, повседневного опыта, обычного мировоззрения все это выглядит вполне приемлемым. Однако философы приходят в отчаяние, пытаясь уточнить классическое понимание истины. Многие из них перед лицом столетних неудач вообще отказываются говорить об истине и считают понятие истины абсурдным. Почему?

Можно указать, по крайней мере, на три проблемы, которые возникают в связи с попытками уточнения классической концепции истины.

Во-первых, чрезвычайно неясно, что означает «соответствие» мысли действительности или реальному положению дел. Ну, когда речь идет о чувственном образе, то это «соответствие» еще можно истолковать как «сходство» образа и вещи. Я могу допустить, что мой чувственный образ стола как-то похож на сам стол (да и то это самостоятельная сложная проблема, в чем мы могли убедиться, рассматривая вопрос о первичных и вторичных качествах). Но о каком сходстве можно говорить, когда речь идет о мысли и предмете? В каком смысле утверждение «Треугольник имеет три угла» похоже на треугольник? Ясно, что ни о каком «сходстве» речь здесь идти не может. Но тогда что такое «соответствие»? Это до сих пор открытый вопрос.

Во-вторых, как узнать, где истина, а где ложь, как отличить истину от заблуждения? Это вопрос о критерии истины, о ее признаках. Декарт, например, полагал, что критерием истины являются ясность и отчетливость: если некоторая мысль мне совершенно ясна, то она и истинна. По-видимому, этот критерий мало что дает. Вот две противоположных мысли: «Слоны живут в Австралии» и «Слоны не живут в Австралии». Обе мне ясны, но какая из них истинна? Марксистская философия в качестве критерия истины предложила рассматривать практическую деятельность: если, руководствуясь какой-то мыслью, я добиваюсь успеха в деятельности, то эта мысль истинна. По-видимому, во многих случаях этот критерий помогает нам отличить истину от заблуждения. Если я покупаю ружье, еду в Австралию охотиться на слонов и, прочесав ее вдоль и поперек, не нахожу

ни одного слона, то вправе заключить, что мысль «Слоны живут в Австралии» ложна и истинна противоположная мысль. Хочешь узнать, щедр человек или скуповат, — сходи с ним в ресторан или попроси у него взаймы; хочешь узнать, не сгнила ли твоя картошка, — попробуй ее почистить. Критерий практики на первый взгляд так прост и очевиден, что мы, советские философы, иногда удивлялись: почему же наши зарубежные коллеги не хотят его признать? Верно, на уровне повседневного опыта он функционирует неплохо. Но уже и здесь выясняется, что ложные идеи также приводят к успеху в практической деятельности. Простой пример: мы до сих пор ориентируемся на местности, исходя из того, что Солнце и весь небосвод вращаются вокруг Земли. А уж когда речь заходит о более сложных вещах, о научных теориях, то и само понятие практики становится чрезвычайно расплывчатым.

Наконец, третий важный вопрос, связанный с классическим понятием истины, встает при попытке оценить историю человеческого познания. Классическая концепция знает лишь два понятия — истину и ложь. Допустим, в настоящий момент мы умеем из совокупности современного человеческого знания и убеждений выделить истину и отделить ее от лжи. Взглянув с точки зрения современных истин на предшествующие идеи и теории, мы обнаружим, что все они — или, по крайней мере, большая часть — ложны. Скажем, сейчас нам совершенно ясно, что естественно-научные взгляды Аристотеля ложны, что медицинские идеи Гиппократ и Галена ложны, что теории эволюции Кювье или Ламарка ложны, что даже великий Ньютон ошибался в своих представлениях о природе света, пространства и времени. Но как же сплошная цепь заблуждений могла привести к современной истине? И как это люди могли жить и действовать, руководствуясь исключительно ложью? Что-то здесь не так. Значит, оценка истории познания требует каких-то новых понятий либо изменения смысла классического понятия истины.

Предложено немало решений указанных проблем, но пока среди них нет ни одного, которое не порождало бы, в свою очередь, еще более трудных вопросов. Поэтому многие философы предпочитают вообще не говорить об истине. Неко-

торые же предлагают отказаться от классического понимания истины и выработать какое-то иное истолкование этого понятия. Например, в конце XIX в. американские философы Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи разработали прагматизм — концепцию, которая просто отождествляет истинность с полезностью: истинно то, что полезно, что приносит успех, и неважно, похоже ли наше представление о мире на сам мир. Возможно, что в общественной жизни такое понимание истины и можно было бы принять. В самом деле, если кто-то действует, руководствуясь некоторыми представлениями об обществе, о людях, отношениях между людьми, и добивается жизненного успеха, то, по-видимому, его представления верны, истинны. Если государственный деятель предлагает какие-то социальные реформы и осуществление этих реформ идет на благо обществу, то, по-видимому, идеи такого деятеля верны. Однако для естествознания такое понимание истины совершенно не подходит: мы не можем считать истинной геоцентрическую систему мира только потому, что успешно ею пользуемся в своих повседневных делах. В XX в. было предложено еще несколько концепций истины, и сейчас по поводу истины продолжаются споры. И все-таки среди всех этих споров прочно стоит основная идея здравого смысла и классической концепции: истинно то, что соответствует реальному положению дел.

4. Человек

Центром обыденного мировоззрения является представление о я, самосознание индивида, и самый интересный вопрос мировоззрения — это вопрос о том, кто я. Может быть, Кант был прав, считая, что все вопросы философии сводятся к одному: «Что такое человек?» На этот вопрос пытается ответить философская антропология. Однако он оказывается не только самым интересным, но и самым сложным философским вопросом, и, по сути дела, ни одна категория философской антропологии до сих пор не имеет какого-то общепринятого содержания. Как только пытаешься сказать что-то об этих категориях, так сразу же попадаешь либо в социологию, либо в психологию, либо встаешь на чью-то конкретную позицию. Даже философский аспект этих ка-

тегорий далеко не всегда ясен. Поэтому то, что я буду излагать ниже, увы, не может претендовать на общепризнанность.

Обыденное сознание расщепляет человека на две стороны: тело и душу. Ну, тело — это просто биологический организм, живущий по законам биологической жизни. От животного мира человека отличает наличие души. Поэтому вопрос о человеке — это, по сути дела, вопрос о том, что такое душа. Однако современная философия, по крайней мере философия XX в., не говорит о душе (за исключением, понятно, религиозных мыслителей). Это понятие оказывается слишком сложным и неясным, поэтому понятие души философы заменяют другими, более простыми понятиями, которые поддаются хотя бы какому-то анализу. А слово «душа» остается для увлекательных и туманных разговоров с друзьями «о жизни». На место души философия ставит сознание, мышление, наконец, личность в качестве равноценных феноменов или, по крайней мере, важнейших сторон человеческой души. Правда, и эти понятия оказываются невообразимо сложными, так что выигрыш от замены не столь уж велик.

Сознание есть свойство (функция) высокоорганизованной материи — мозга.

Увы, кроме этого чрезвычайно тощего определения я больше ничего не могу сказать о сознании. В большинстве работ отечественных философов сознание до сих пор истолковывается как «отражение» внешнего мира. Но апелляция к «отражению» мало что дает, ибо неясно, что такое «отражение». Ассоциация с зеркальным отражением оказывается явно ошибочной, а если — так, то зачем вообще нужно это понятие? Другие слова и понятия, используемые для прояснения того, что такое сознание, столь же неопределенны: сознание — это нечто «идеальное»; это — «субъективное»; это — «психика» и т.п. Легче сказать, для чего нужно человеку сознание, чем — что это такое.

Сознание — это такое свойство человека, которое позволяет ему ориентироваться в окружающем мире, строить планы своих действий и предвидеть их результаты, контролировать свое поведение и оценивать как себя самого, так и окружающие явления и вещи. В структуру сознания входят, грубо говоря, четыре разных блока: 1) информация о

мире и своем теле, получаемая с помощью органов чувств; 2) мышление; 3) эмоциональные переживания — страх, гнев, радость и т.п.; 4) ценности и мотивы. Над этим полем сознания надстраивается **самосознание** — осознание и оценка собственного я. Под этим полем располагается **бессознательное** — инстинкты, подсознательные желания, волевые импульсы, в существовании которых люди не отдают себе отчета, но которые оказывают мощное воздействие на сознание. На роль бессознательного в психике человека впервые обратил внимание австрийский психолог З. Фрейд (1856—1939), и после его работ уже никто не отрицает влияния бессознательного на всю психическую жизнь человека.

Таким образом, мы можем заметить, что, хотя понятие «сознание» само по себе не намного яснее, чем понятие «душа», все-таки о сознании мы можем сказать гораздо больше, чем о душе. В последние годы интенсивно развивается новая область философии — философия сознания, которая, быть может, раскроет наконец сущность сознания.

Для нас же в данном случае важнее то, что понятие сознания во многих отношениях эквивалентно понятию **личности** — центральному понятию философской антропологии. В повседневной жизни мы весьма часто пользуемся этим понятием: «выдающаяся личность», «неприятная личность», «ничтожная личность», «сильная личность» и т.п. К сожалению, внятно сказать, что же такое «личность», чрезвычайно трудно. Известный русский философ Н. Бердяев вообще полагал, что величайшей загадкой философии является загадка человеческой личности.

Личность есть человек, обладающий особой, уникальной структурой сознания, которая выражается в определенной устойчивости его поведения ⁷¹.

Выше мы говорили о структуре сознания, о том, что она включает в себя четыре блока, самосознание и бессознательное. Так вот: у каждого человека содержание этих блоков и их взаимосвязи будут определяться наследственностью, условиями воспитания и всей его жизнедеятельностью, т.е.

⁷¹ Я старался избегать здесь каких-либо ссылок (их было бы слишком много), но все же не могу не сослаться на поистине замечательную книгу: Хьюэлл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2000.

будут уникальными — это и есть личность человека, определяющая все его отношения с миром и другими людьми.

С точки зрения приведенного определения самое драгоценное в человеке — это его уникальность, неповторимость, его отличие от всех других людей. Все мы разные личности, ибо все мы отличаемся друг от друга. Конечно, на 99% люди чрезвычайно похожи: как млекопитающие животные, как представители одной культуры, как члены одного общества и социальной группы. Однако в каждом из нас есть то зернышко своеобразия, которое отличает нас от всех остальных и всему облику отдельного человека, всем его поступкам, всей его жизни, в конце концов, придает особый, неповторимый оттенок и смысл. Каждый человек и интересен, прежде всего, как личность — как нечто новое, ранее не бывшее в этом мире.

Личность человека проявляется в его деятельности. В самом деле, если некоторый объект никак себя не проявляет во взаимодействиях с другими объектами, то он как бы и не существует вовсе. Точно так же и личность: какими бы добродетелями, знаниями, умениями вы ни обладали, какие бы чувства, страсти, желания ни переполняли вашу грудь, если все это никак не проявляется в вашей физической активности, то как узнать, что вы — личность?

Деятельность есть способ существования личности, заключающийся в целенаправленном воздействии на окружающий мир.

Мы возводим города и строим плотины, воюем и занимаемся политикой, учимся и учим, общаемся друг с другом или читаем книги — все это деятельность, все это воздействие на мир или на самого себя с определенной целью. Деятельность есть средство достижения наших целей, и она организуется в соответствии с целью: если вам нужно срубить дерево — вы возьмете топор и отправитесь в лес; если нужно побриться — воспользуетесь бритвой. Деятельность всегда представляет собой воздействие на окружающие предметы с помощью определенных средств. Однако эту сторону деятельности мы сейчас оставим в стороне. Для нас важнее другое. Деятельность, вообще говоря, выполняет две основные функции: она служит средством достижения некоторых целей и в то же время оказывается средством самовы-

ражения личности. Именно в деятельности — в выборе целей и средств, в способах действий — выражаются особенности действующей личности, проявляются внешним образом ее внутренние глубины. Каждый портной шьет костюмы, но каждый делает это по-своему; каждая хозяйка готовит обед, но у одной получается вкусно, а у другой — в рот не хочется брать.

Особенности личности выражаются, формируются и развиваются в деятельности, но при условии что это — **свободная** деятельность. Несвободная, принужденная активность человека ничего не может сказать о его личности. Если кто-то поставил перед вами цель, снабдил вас средствами, регламентировал последовательность действий, то как вы сможете проявить себя в такой активности? Никак. Такова активность раба на хлопковой плантации, рабочего в современном массовом производстве. Нужна свобода, чтобы в деятельности выразилась личность.

Обыденное мировоззрение включает в себя понятие свободы, нам известен лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», мы стремимся увеличить свою свободу и горько жалуемся на сковывающую нас рутину повседневных дел и обязанностей. Понимание свободы, близкое обыденному мировоззрению, по-видимому, лучше всего выразил прекрасный нидерландский философ Б. Спиноза (1632—1677).

«Свободной называется такая вещь, — писал он в своем главном труде «Этика», — которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» ⁷².

Отсюда мы легко получаем нужное нам определение: **деятельность свободна**, если она осуществляется только благодаря воле и желаниям ее субъекта. И, напротив, если деятельность не зависит от воли и желания действующего субъекта, она несвободна.

⁷² Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957, т. 1, с. 362.

Чтобы лучше понять специфику свободной деятельности, начнем с ее антипода — с вынужденной активности. Допустим, вас обязывают явиться завтра на работу в новом костюме. Времени в обрез, вы бежите в магазин, а там — только один костюм подходящего размера. Вы вынуждены приобрести его, хотя вам он и не очень нравится. Здесь все задано извне: цель, условия, средства деятельности. Ваша покупка целиком вынуждена, и, если кто-то упрекнет вас в дурном вкусе, он будет неправ: вы к этому костюму не имеете никакого отношения. Но вот вас не ограничивают сроками, и, побегав по магазинам, вы встречаете несколько подходящих костюмов. Вы можете выбирать и в этом выборе уже проявить свой вкус, свои представления о прекрасном и пристойном, короче говоря, некоторые черты своей личности. Таким образом, свобода — это, прежде всего, возможность выбора.

Чем более велики возможности выбора, тем больше ваша свобода, тем полнее проявится в деятельности ваша личность. Однако свобода выбора — это еще не вся свобода, которая свойственна человеку. Выбирают ведь и животные, и в этом смысле человек от них недалеко ушел. Чтобы увидеть ограниченность такой свободы, представьте себе, что вам приходится выбирать из такого ряда альтернатив, которые вам все одинаково не нравятся, Ну, скажем, ни один из тех костюмов, которые вы встречаете в магазинах, не пришелся вам по вкусу, а выбирать надо — какая же здесь свобода?

Подлинная свобода — это способность творчества, способность созидания.

Грубо говоря, свобода творчества — это способность не просто выбирать из имеющегося диапазона возможностей, но создавать новые возможности. Если обратиться к нашему простому примеру, то можно сказать, что свобода — это способность самому создать ту одежду, которая вам нравится. Вы сами ставите перед собой цель, сами создаете средства, определяете последовательность действий и т.д. Поэтому получившийся результат в наибольшей мере выразит особенности вашей личности. С этой точки зрения мы могли бы сказать, что личность, свобода, творчество — это, в некоторой степени, эквивалентные понятия, ибо самовыражение личности (ее существование) осуществляется только в сво-

бодном творчестве, а для феномена свободного творчества необходима личность. Личность есть свободное творчество, творчество есть свободная личность. Такая свобода действительно не знает никаких ограничений: существо, способное к свободному творчеству, может ускорять или замедлять ход времени, преодолевать законы природы, зажигать новые звезды. Свободный деятель всемогущ, поэтому Спиноза полагал, что такой свободой обладают лишь Бог или Природа, а человеку остается лишь выбрать из того, что они ему предложат.

Конечно, нам известно, что человек вынужден считаться с законами природы, с общественными законами, установлениями, нормами. Некоторые философы полагают, что вся деятельность человека подчинена внешним факторам и, следовательно, несвободна. Но ведь это неверно! Человек способен к творчеству, личность есть чистое творчество, и вся история человечества свидетельствует об этом. Например, согласно законам природы человек не может летать, и разум говорит ему, что, сколько руками ни маши, от Земли не оторвешься: «Рожденный ползать — летать не может!» Однако же человек летает! На воздушном шаре, на самолете, на ракете. Эти возможности он сам создал, а не выбирал из того, что предоставляет природа. В процессе творчества он способен преодолеть любые препятствия и, как созидатель, способен соперничать с самой природой. Человек свободен.

Вообще говоря, свобода человека безгранична — ничто внешнее не способно воспрепятствовать свободному самовыражению личности. Сфера этого самовыражения может быть ограничена лишь самой личностью. Кант когда-то писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением... — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Ну, звездное небо сейчас уже мало кого удивляет — мы слишком хорошо его узнали. А вот моральный закон, живущий в душе каждого из нас, до сих пор вызывает благоговейное удивление. Каждый человек имеет представление о различии между добром и злом и в своей деятельности руководствуется этим различием как самой высшей мерой.

Добро есть нравственно положительное, благо, полезное, должное.

Зло — нравственно отрицательное, вредное, предосудительное.

Легко заметить, что это наше обыденное понимание добра и зла, философия почти ничего не добавляет к содержанию этих понятий. Конечно, философы пытались уточнять, что же такое «нравственно положительное», и этика, раздел философии, как раз занимается этим. Однако нет какого-то общепризнанного истолкования добра. Каждый человек понимает добро и зло по-своему, и часто, пытаясь делать добро, мы приносим зло, а порой и сознательно делаем зло. Это не удивительно. Удивительно то, что каждый человек сознает это различие: городской житель и крестьянин, европеец и африканский абориген, живущий на берегах Конго, добропорядочный гражданин и бандит, вор, мошенник, даже политик и журналист. Быть может, именно осознание различия между добром и злом и делает человека человеком.

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть;

А от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь...

И сказал змей жене: нет, не умрете;

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» ⁷³.

Да, осознав различие между добром и злом, зверь умер, родился человек. И граница между добром и злом, которую проводит для себя человек, это и есть граница его свободы ⁷⁴.

5. Заключительное слово

Итак, мы познакомились с полусотней философских категорий, с основными проблемами философии, с главными направлениями в решении этих проблем, с основными областями философии. Как мне представляется, таким должен быть тот базис философского образования, который позво-

⁷³ Бытие, гл. 2, 3.

⁷⁴ Увы, здесь мое разбушевавшееся перо было остановлено твердой рукой издателя: «Стоп! Если Вами овладела страсть к самовыражению, пишите новую книгу!». Верно. Придется писать.

лит человеку с пониманием читать философские сочинения и на который может опираться более глубокое изучение тех или иных философских систем и проблем. Сейчас я порой сталкиваюсь с тем, что человек, пространно рассуждающий о «правах человека», о трансцендентном или прекрасном, не может внятно ответить на простой вопрос о том, что такое движение или причина. Нет базиса! Конечно, и это не пособие по философии, это лишь приблизительный очерк, набросок основ философии, приведенный лишь в качестве иллюстративного примера.

Я не стал бы защищать отдельные формулировки и даже структуру моего очерка в целом. Здесь возможны разные варианты. Однако мне кажутся заслуживающими внимания две идеи:

1. Философия имеет некоторый теоретический базис, не зависящий от каких бы то ни было философских школ, течений, систем.

2. Этот базис тесно связан с обыденным мировоззрением, и эту связь необходимо учитывать в преподавании философии.

От этих идей я не хотел бы отказаться.

Мне не нравятся разговоры об отмене философских курсов в вузах. Я не верю в то, что человек рожден для бизнеса или для исполнения какой-то профессиональной функции, нужной обществу или государству. Эти занятия — лишь одна и не самая важная сторона жизни большинства людей. Знакомство с философией может помочь человеку осознать свое — единственное — предназначение в мире. Поэтому такое знакомство необходимо каждому. Но как пробиться философу сквозь жвачку рекламы, голливудских триллеров и дискетно-кассетный мусор к сознанию молодого человека?! Вот вопль, который я обращаю к своим друзьям и коллегам.

Научное издание

Александр Леонидович НИКИФОРОВ

ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Корректор *Л. Бондарева*
Художественное оформление *С. Жегло*
Оригинал-макет *Н. Татарина*
В оформлении книги использованы рисунки
Дениски Назарова

Идея-Пресс
ИД № 00208 от 10 октября 1999

Наши книги
спрашивайте в московских магазинах
Оптовые закупки 247-17-57; 939-47-13 (“гнозис”)

Подписано в печать 04.12.2000. Формат 60×88 1/16
Печать офсетная Бумага офсетная № 1 Гарнитура SchoolBookС
Печ. л. 10,5 Тираж 5000 Заказ 7840

123056, Москва, Тишинская пл. д. 6, кв. 31

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

Издательство «Идея-Пресс»
имеет честь предложить Вашему вниманию
издательский проект из 4-х книг
к 80-летию ВЕНСКОГО КРУЖКА (2002 г.).

1. Виктор Крафт. Венский кружок. 256 с.

Книга представляет особую ценность в качестве единственного и "из первых рук" (В. Крафт — член Венского кружка) описание истории создания уникального в XX в. объединения интеллектуалов и подробный анализ основных положений логического позитивизма до 1937 г.

2. ВЕНСКИЙ КРУЖОК И «ERKENNTNIS». 560 с.

Сборник имеет целью представить Венский кружок и его печатный орган — журнал «Erkenntnis» — публикациями наиболее значимых и интересных статей за период с 1930 по 1937 гг. Практически все материалы будут впервые переведены на русский язык. Это 8 статей М. Шлика; 7 статей Р. Карнапа; 4 статьи О. Нейрата; 4 статьи Г. Фейгля; статьи О. Гана; Ф. Вайсманна; Э. Цильцеля на вечные и актуальные темы: единство науки, истина, значение, взаимоотношения психологии и логики, реализм, смысл понятий этики и др.

3. ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ (1930—1952). 720 с. в 2 тт.

Сборник(и) статей, представляющие попытку реконструкции панорамы становления и развития программы логического позитивизма в работах членов Берлинской группы Венского кружка — Гемпель К., Рейхенбах Г., Греллинг К., Дубислав В.; членов Львовско-Варшавской школы — Лукасевич, К. Айдукевич, Лесьневский, Завирский, А. Тарский и др., коллег в Англии — Льюис С., Рамсей Ф., Айер и др., США — Куайн У., Нагель Е., Чизом Р., Селларс У. Практически все материалы будут впервые переведены на русский язык.

4. ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ ВЕНСКОГО КРУЖКА: судьбы логического позитивизма во второй половине XX в. (1952—1970). 800 с. в 2 тт.

Сборник(и) статей представляют попытку хронологической реконструкции лет логического завершения разработки теории логического позитивизма и одновременной его (само)ликвидации, а также реконструкции влияния идей логического позитивизма на философию XX в., их развитие как на Западе, так и в России. Большинство работ будут впервые представлены на русском языке. Среди авторов: Гемпель К., Рейхенбах Г., Куайн У., Пап А., Нагель Э., Карнап Р., Айер, Брейтуэйт, Ф. Франк, Крэйг и др. В сборник предполагается включение статей российских философов, разрабатывающих проблематику логического позитивизма.

Предполагается написание вступительных статей и поиск иллюстративного материала для оформления всех книг.

ISBN 573330020-5

9 785733 300207

